

ლიტერატურა

ტრუზია

8

1976

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

АВГУСТ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 76
ЦК КП ГРУЗИИ

«ლიტერატურნაია გრუზია»

საქართველოს
საბჭოთაო კავშირების
საზოგადოებრივი განათლების
მინისტრის
გამომცემლობა

(რუსულ ენაზე)

ქოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივი-კულტურული ჟურნალი

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 8

აგვისტო, 1976 წ.

საქართველოს საზოგადოებრივი განათლების კავშირების ორგანო

Издается
с июня 1957 года

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Гиви ЖВАНИЯ,

Марк ЗЛАТКИН,

Исидор КОЗАЕВ,

Георгий ЛОМИДZE,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДZE

(заместитель главного
редактора),

Владимир ХОМУТОВ

(ответственный секретарь),

Эммануил ФЕЙГИН.

**АДРЕС
РЕДАКЦИИ:**

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора —

93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —

93-31-43

Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) —

93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

ПРОБЛЕМЫ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

- НА ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ОСНОВУ.** На вопросы «Литературной Грузии» отвечает министр сельского хозяйства Грузинской ССР тов. Н. А. Читанава 5

ПОЭЗИЯ

- ИВАН ТАРБА.** Песнопения. Перевод Михаила Синельникова 8
- МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ.** Северная весна. Песенка. Перевод Маргариты Алигер 9
- ЗАХАРИЙ ШЕРЕЗАДИШВИЛИ.** Непокорный конь. Река Шаори. Моя несравненная Рача. «Ты не думай, Шатиль...» Перевод Валерия Краенпольского 10

ПРОЗА

- НОДАР ДУМБАДЗЕ.** Кровь. Рассказ. Перевод Зурба Ахвледиани 12
- ТЕЙМУРАЗ МАГЛАПЕРИДЗЕ.** Жажда. Роман. Окончание. Перевод Нодара Тархнишвили . . . 17
- ТАМАЗ БИБИЛУРИ.** Счастливый конец. Конь. Большой и Малыш. Рассказы. Перевод Лили Громеко. Смех. Рассказ. Перевод Михаила Квливидзе 39
- СЕРГИ ЧИЛАЯ.** Дети Екатерины. Роман-хроника. Перевод Анаиды Беставашвили 48

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ВГЛЯДЫВАЯСЬ В 70-е... 66
НИНО ЖГЕНТИ. От прототипа к художественному
образу 76

ИСКУССТВО

- ОТАР ПИРАЛИШВИЛИ. Трансформирующее право
Искусства 80

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

- МИХАИЛ ВЛАСОВ. Рядом с Миронычем 87

В МИРЕ КНИГ

- Р. ШАМЕЛАШВИЛИ. Новое в современном языкозна-
нии 95

Наши
интервью

На индустриальную основу

На вопросы «Литературной Грузии» отвечает министр сельского хозяйства Грузинской ССР тов. Н. А. ЧИТАНАВА

— В течение многих лет в республике бытовало мнение о том, что у нас нет соответствующей базы для большого животноводства. Насколько это верно, и если верно, произошли ли за последнее время какие-либо изменения в этом направлении?

— Да, действительно, это мнение не только бытовало, но и утвердилось довольно прочно, что нанесло большой вред животноводству Грузии.

У нас до последнего периода не было научно обоснованной программы развития животноводства, учитывающей специфические особенности республики. В развитии этой сложнейшей отрасли хозяйственные работники полагались на свою интуицию.

Сейчас в свете недавнего постановления ЦК КПСС «О ходе выполнения партийной организацией Грузии постановления ЦК КПСС об организаторской и политической работе Тбилисского горкома партии» задачи, стоящие перед всем сельским хозяйством республики и, в частности, перед грузинскими животноводцами, вырисовываются особенно отчетливо. Партия выдвигает на первый план задачу резкого увеличения производства всей животноводческой продукции, обеспечения рентабельности всех хозяйств на базе специализации и концентрации сельскохозяйственного производства. После XVIII пленума ЦК КП Грузии, который для развития животноводства в республике явился поворотным, прошло немного времени, но уже достигнуты довольно значительные успехи, намеченная программа шаг за шагом претворяется в жизнь. Как было подчеркнуто на прошедшем недавно в Тбилиси Всесоюзном совещании-семинаре, посвященном проблемам механизации процессов животноводства, в этой области осуществлены конкретные мероприятия. Успешно идет процесс специализации и концентрации производства. Эта задача, как известно, была выдвинута ЦК КПСС перед работниками сельского хозяйства нашей страны в недавнем постановлении «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции». Особое внимание будет уделяться росту продуктивности крупного рогатого скота, свиноводства, птицеводства. Серьезные мероприятия проводятся по развитию овцеводства и кролиководства. Можно сказать, что перед всеми отраслями животноводства раскрываются широкие перспективы.

В колхозах и совхозах республики по сравнению с соответствующим периодом прошлого года поголовье всех видов скота значительно возросло.

За последние три года взят хороший темп в увеличении производства и заготовок некоторых продуктов животноводства. Так, темпы роста производства мяса за 1973 — 1975 годы по сравнению с 1971 — 1972 годами составили по стране 114 процентов, а по Грузии — 120 процентов, яиц соответственно — 135 — 155,3 процента. Среднегодовые закупки у нас тоже растут быстрее, чем в среднем по стране. Этот высокий темп сохраняется и в первом году новой пятилетки.

— Для подъема животноводства, как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на июльском (1970 г.) Пленуме ЦК КПСС, решающее значение имеет кормовая база. Какие меры принимаются в республике для поднятия уровня кормопроизводства?

— К сожалению, в этом отношении в республике пока не все обстоит благополучно.

Как мы добиваемся укрепления кормовой базы? Прежде всего расширяя производство зерна. Первые шаги уже сделаны. В текущем году на большой площади были засеяны простые гибриды кукурузы (югославской селекции), имеющие высокую потенциальную возможность.

По выработанной программе площадь под многолетними травами в 1980 году достигнет 125 тысяч гектаров, что обеспечит заготовку 360 тысяч тонн кормоединиц (вдвое больше, чем в 1975 году).

Разработана широкая программа улучшения пастбищ, в том числе Кизлярских зимних пастбищ, освоения переувлажненных колхидских земель; они приводятся в состояние, пригодное для создания новой кормовой базы. Также намечено широко использовать на корма сельскохозяйственные и производственные отходы.

Решением XVIII пленума Компартии Грузии предусмотрено поднять производство сенажа к 1980 году до 1,5 млн. тонн (в 1974 году было заготовлено 200 тысяч тонн); силоса — до одного миллиона, производство травяной муки увеличить до 50 тысяч тонн, валовой сбор собственного фуражного зерна довести до 320 тысяч тонн. Намечено также расширить посевы сои. Большие надежды возлагаем мы на промежуточные культуры. Впервые в прошлом году в колхозах и совхозах Западной Грузии после уборки урожая кукурузы в больших масштабах был засеян овес, что дало возможность в текущем году на несколько месяцев раньше начать закладку сенажа. Уже с начала года в республике серьезное внимание было уделено расширению площадей под бобовыми, что даст возможность увеличить производство витаминизированной муки.

Недавно вступил в эксплуатацию цех амидо-концентратных добавок годовой производительностью 10 тысяч тонн. Он окажет существенную помощь нашему животноводству в обогащении кормов протеином. До конца пятилетки будут построены еще два таких цеха.

Решено по зонам республики начать строительство комбинатов для заготовки кормов. Таким образом, совершенно очевидно, что у нас имеются реальные возможности для расширения кормовой базы. Уже заложена прочная основа ее дальнейшего укрепления.

— Процесс перевода животноводства на промышленную основу обуславливает концентрацию производства, совершенствование его структуры. Что делается в этом направлении?

— С целью перевода животноводства на промышленную основу создаются крупные производственные комплексы. Параллельно внедряется новая техника и прогрессивная технология в имеющихся животноводческих хозяйствах. Широкого размаха достигла организация межхозяйственных и межколхозных объединений. За пятилетие будут осуществлены мероприятия по повышению уровня механизации и производственных процессов в животноводстве. К 1980 году на фермах крупного рогатого скота уровень механизации подачи воды достигнет 92 процентов, распределения кормов — 88 процентов, электродоения коров — 68 процентов. Будет механизировано также до 55 процентов всех трудоемких процессов в свиноводстве. Уровень механизации подачи воды в птицеводстве возрастет до 95 процентов. Все это создаст условия для скорейшего превращения животноводства в высокорентабельную отрасль сельского хозяйства.

— В нынешней пятилетке большое внимание уделяется строительству крупных современных и реконструкции существующих предприятий, в которых специализированное производство продукции будет вестись на индустриальной основе. Какова роль проектных организаций в решении данного вопроса?

— На современном этапе развития животноводства особую роль в правильном решении вопросов концентрации и специализации животноводства играют проектные организации. От них зависит размещение животноводческих комплексов, проектирование строящихся объектов, обеспечение их строительства современными легкими и сравнительно дешевыми конструкциями, оснащение их высокопроизводительным оборудованием. Велико значение проектных организаций и в решении вопросов реконструкции и модернизации

существующих животноводческих комплексов и птицеводческих фабрик. К сожалению, пока еще нередки случаи неправильного принятия проектных решений, применения устаревшей техники, дорогостоящих конструкций, вследствие чего мы часто вынуждены в ходу переделывать проекты уже сооружаемых объектов, а это вызывает увеличение их сметной стоимости и продлевает сроки строительства.

— Для развития животноводства большое значение имеет улучшение племенного дела и искусственного осеменения. Что сделано и делается в этой области?

— Интенсивное животноводство трудно представить без хорошо организованного племенного дела. За последние годы проделана значительная работа в этом направлении. Организовано 27 станций по племенному делу и искусственному осеменению сельскохозяйственных животных, 4 племрассадника и более ста племхозов, которые уже дают до 2 тысяч голов племенного молодняка крупного рогатого скота и до 4 тысяч племенных поросят. Считаем, что организация «Грузживпрома» намного улучшит постановку племенного дела.

— Как поставлено ветеринарное обслуживание животноводческих ферм?

— В результате проведенных мероприятий по борьбе с заболеваниями животных уменьшились случаи распространения инфекционных болезней и падежа скота. Повысилась ветеринарно-санитарная культура животноводческих ферм, в результате чего по сравнению с прошлым годом в первом полугодии 1976 года вдвое увеличилось число колхозов и совхозов, сдавших государству молоко первого сорта.

Несмотря на это, ветеринарное обслуживание, государственный ветеринарный контроль в республике все еще не отвечают требованиям, предъявляемым партией и правительством.

Слабо внедряются в хозяйствах передовой опыт и достижения науки и техники. У нас есть еще много хозяйств, где территория ферм не огорожена, не устроены и не оборудованы лечебные объекты, телятники, профилакториумы, родильные отделения, помещения для хранения молока. Министерство сельского хозяйства республики направляет всю деятельность ветеринарной службы на обеспечение в наиболее короткие сроки искоренения недостатков в этом деле.

— Каково на сегодняшний день положение с кадрами в интересующей нас отрасли?

— Решение поставленных перед нами проблем в развитии животноводства так же, как и во всех отраслях народного хозяйства, зависит от кадров. Это подчеркивается и в постановлении ЦК КПСС. Я имею в виду как руководящие кадры, так и специалистов и квалифицированных рабочих. Сегодня состав руководящих работников животноводства в основном стабилизирован. Несмотря на это, в укомплектовании животноводства необходимыми кадрами все еще имеются серьезные недостатки. Остро ощущается нехватка специалистов: ветврачей, зоотехников, механизаторов, электриков и других работников животноводческих ферм.

Развернуть творческую работу с кадрами, повысить их квалификацию — это значит ввести в действие мощный резерв дальнейшего подъема животноводства.

— И наконец, что делается для улучшения быта и условий труда животноводов?

— Для улучшения быта работников, занятых в животноводстве, и создания для них наилучших условий труда и отдыха в последние годы была проведена большая работа. Во многих колхозах и совхозах при животноводческих фермах возведены благоустроенные жилые дома для чабанов, на фермах появились телевизоры, радио, книги, журналы, газеты. Деятели искусства и культуры приезжают туда с концертами, устраивают спектакли, встречи, литературные вечера и т. д. Улучшилось снабжение работников животноводства спецодеждой, возросла забота об их материальном и моральном поощрении.

И в дальнейшем мы намерены предпринимать эффективные меры, чтобы животноводы имели все условия для плодотворного труда и полноценного отдыха.

Беседу вел Роберт МЕГРЕЛИШВИЛИ

Песенка

Одиночества не знаю,
Лунной ночью, в ясный день
Вижу я, шагает рядом
Мой веселый спутник — тень.

Но едва закроет небо
Облаков густых гряда,
Тень моя меня бросает,
Кажется, что навсегда...

Где ты, солнце? Где ты, месяц?
Душу мне тоска грызет.
Неужели спутник милый
Больше так и не придет?

Перевод Маргариты АЛИГЕР

Захарий ШЕРЕЗАДИШВИЛИ

Непокорный конь

Ветер — непокорный конь,
Рвется и грызет удила, —
Что кричать ему:
«Не тронь!» —
Всюду скачет конь-ветрило...
С ним опасность и гроза,

Правит тучами-рабами..
Крыльев взмах —
И вдруг... слеза —
Налетел опять на камень.
Я — подводный камень,
Я —
Сердце моря — тих и скромен.

Но во мне твоя судьба:
Выбью руль — простор огромен...

Власть моя,
Признай ее!
Всюду помни о коварстве —
Здесь владение мое,
Я опасность в этом царстве!

Река Шаори

Маленькая реченька,
сонная лгунишка,
мною снова встречена,
в стареньком платьишке...

Помню: обезумевши,
мчались не по руслу
прямо в море —
в сумерках
утопая с грустью...

И, как парус трепетный,
я лечу по морю
и шестом обветренным
все ишу Шаори...

Есть мечта заветная —
отыскать прохладу,
речку безответную
мне спасти бы надо.

Но судьба-разлучница
все по свету носит —
только речки-рученьки
помощи не просят...

Может, речка малая
гибнет в битве с морем —
и, как руки алые,
ветки над прибоем!..

Моя несравненная Рача

Мой край родной,
моя отчизна,
о Рача несравненная
моя!
Мхедрули—песнь твоя,
как песня жизни,
вела по свету
сызмальства меня...

Тропинка ты,
стремящаяся к небу,
по горным пикам весело
бежишь...

Ты не думай, Шатиль,
деревушка Кахети,
что не хватит мне сил
бить врагов
на Арвети.

Не страшны мне враги,
не страшны
и завистники...
Нет прекрасней грозы,
чем девчонки
шательские!

Дождь иль слезы!?
Пойми,
бессердечность
девичья,
что уродства мои —
боевые отличья...

И я стремлюсь, в каком
краю бы ни был,
к тебе одной —
ты боль моя и жизнь!

Пускай ущелье поглотит
лавиной,
и стаю туч гора на
ключья изорвет,—
прекрасна Рача,
и любая половина
ее — мне вдохновение
вернет!

Но тебе все равно...
Я подругу
не встретил —
потому-то давно
я брожу словно ветер...

И в горах, как-то раз,
с дымкой я
повстречался —
был прекрасен тот час,
нам восход улыбался.

Дымка эта навек
мне подругою стала:
«Ты красив,
человек!» —
мне, уроду, сказала...

И объятья ее
этой правдой пылали...

Изранила меня
ты красками своими,
как поцелуй огня,
как клятва, — Рачи
имя.

Ты Грузии крыло!
И я от счастья плачу,
тобой озарено
мое дыханье, Рача.

Мхедрули — песнь твоя,
навек покорила,
и с ней повсюду я —
ты нас благословила!

Нам отдали свое
ложе горы Борбало.

Изнемог я от ласк
дымки в белой сорочке,
слезы счастья
из глаз —
и текут ручеечки...

Мы расстались с трудом
среди ущелья Арвети,
и стоял я потом,
позабыв все на свете...

С дымкой я не сравню
черствых женщин
Шатели.
Их за смех не браню,
но и к ним не вернусь,
как меня б ни присили.

Перевод Валерия КРАСНОПОЛЬСКОГО

КРОВЬ

● Рассказ

СТРИЖЕННЫЙ мальчуган с нанизанными на прутик бычками в руке стоял, понурив голову, под липой, печальными глазами разглядывал облепленные грязью свои голые ноги и думал: «До чего же этот старик похож на моего отца! Белые волосы... Черные брови... Широкий нос... Красивые глаза.. И голос — низкий, приятный... Если закрыть глаза, можно представить, что он — мой отец!..».

И мальчуган зажмурился.

— Вот поэтому-то я и пригласила вас, уважаемый мой Кишварди!.. Нет больше моих сил! Совсем отбилась от рук, негодник!.. Все дети как дети — с книгой не расстанутся, а он, знай себе, день и ночь гоняется за бычками!.. А что он выкинул третьего дня?! Бросил в наш общий — с Гоподзе — колодец огромный арбуз! Арбуз лопнул, и вот уже неделю обе семьи вместо воды пьют компот!..

— Убей меня бог! Это правда, мальчик?! Уж не беспокойтесь, уважаемая Юлия! Вот как заберу его в Гурию, да как повешу за ногу на чинаре — напляшется он у меня!

— Не знаю, за что вы его там повесите, но я так скажу: счастливая его мать, что не пришлось ей глядеть на этого негодника. И отец его тоже, между прочим, счастлив...

— Как вы полагаете, уважаемая Юлия, не будет, значит, с ним сладу?

— Не знаю, ничего я не знаю... Судите сами: послала я его недавно на мельницу... Пуд отборной кукурузы унес, изверг, а вернулся с пятью фунтами муки в мешке. Остальное отдал, оказывается, непутевым детям Валико Кухалашвили! Много их в доме, говорит, живут впроголодь.. Каково, а?!

— Убей меня бог! Это правда, мальчик?!

— Это еще что! Позавчера он да дружок его — босяк Кукури Угулава — прокрались в сад — подумать только! — своего же учителя географии Дати-ко Цверава, нарвали персиков и выменяли их на табак! Каково?!

— Убей меня бог! Это правда, мальчик?!

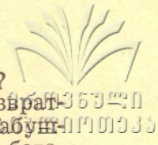
— Да что вы заладили — правда? правда? Что же, по-вашему, я вру?

— Что вы, что вы, уважаемая Юлия! Это я к тому — неужто нет для него спасения? Неужто он пропал совсем?!

— Нет, почему же... Спасти его, конечно, можно, но это свыше моих сил... Здесь нужна крепкая мужская рука! К тому же, кроме него, на моей шее еще два зверя — Зураб и Вахтанг, дети моего Коли. Те — почище этого. Вот вернутся с выгона — убедитесь сами!

— Мда-а-а... Что же вам сказать, уважаемая Юлия!.. Пока были живы его родители — меня и близко к ребенку не подпускали... А теперь как мне быть? Как приручить его, как согреть его сердце? Чужой я для него, понимаете? Чужой!..

— Не говорите, уважаемый Кишварди! Ведь он как-никак мужчина и с мужчиной легче найдет общий язык... К тому же он — продолжатель вашего рода...:

— Оно-то, конечно, так... А как у него с учебой, уважаемая Юлия?

— Гм!.. Мальчишка, украсивший персики у своего учителя и ради развратной книжки «Декамерон» продавший серебряные ложки собственной бабушки, — о какой учебе может думать такой мальчишка, скажите сами, ради бога, уважаемый Кишварди?

— Это правда, мальчик?!.. Решено! Заберу его в Гурию и повешу за ногу на чинаре!

— Да вот, пожалуйста, полюбуйте на него: мы тут убиваемся, а ему — хоть бы хны! И в ус не дует!

А мальчик стоял под липой с закрытыми глазами и думал: «Устала бедная моя бабушка Юлия... Какой у нее раньше был приятный голос, а теперь — во какой злой!.. А может, это мне так кажется? Этот — дед, что ли? — говорит так спокойно и приятно... Да, видать, устала она... Эх, лишь бы сейчас она не послала меня с этим — дедом, что ли? — а впредь я никогда не обижу ее, никогда!.. Лишь бы не послала... Лишь бы не послала...».

— Сирота он, уважаемая Юлия... Кроме розог, ему и ласка нужна...

— Сирота сироте рознь! Много он понимает в ласке! Ласка...

— Это правда, мальчик?! А вот как заберу его в Гурию, да как повешу за ногу... Когда его забрать, уважаемая Юлия?

— Да хоть сейчас! Долго ли его снаряжать?

— Как же так... Мальчишка гол как сокол...

— Таким я и привезла его в прошлом году из Авчалы, уважаемый Кишварди... Может, прикажете справиться ему чоху с позументом?

— Бедный мой мальчик!

— Откушали бы перед дорогой, уважаемый Кишварди...

— Да нет, не беспокойтесь, уважаемая Юлия... Закусим в Самтредиа, а там и до дому — рукой подать...

— Воля ваша... Счастливого вам пути... Да хранит вас святой Георгий!

— Дай бог вам счастья, уважаемая Юлия!..

— Вот захватите с собой, уважаемый Кишварди!

— Что это?

— Да документы его разные... В сентябре, надо полагать, пошлете его в школу. — понадобятся... В четвертый класс он перешел... Правда, в справке ошибка — вместо Ломджария Нодари записали Ломджария Надири*. Впрочем, по-моему, не ошибка это, а так оно и есть.

— Это правда, мальчик?! Что ж, заберу его в Гурию и повешу за ногу на чинаре...

— Вешайте за что хотите, но только чтоб мои глаза его больше здесь не видели!

— За ногу, за ногу повешу!

— Бог вам в помощи!

— А не поможет, так возьму его в такой оборот, что аж камни от жалости заплачут!

— Ну так до свиданья, уважаемый Кишварди!

— Всего вам хорошего, уважаемая Юлия!

Сня приемо-сдаточная процедура произошла в августовский полдень 1938 года в местечке Хони между имеретинской бабушкой — матерью матери мальчика Нодара Ломджария, уважаемой Юлией Микеладзе, и его гурийским дедом — отцом отца, уважаемым Кишварди Ломджария.

А спустя час мальчик, т. е. Нодар Ломджария, рожденный 14 июля 1928 года в городе Тбилиси, в семье служащего, плелся, словно теленок на веревке, за дедом, понуро шагавшим по раскаленной пыльной дороге...

Из Хони до Кулаши дед и внук добрались на пролетке, из Кулаши в Самтредиа ехали на линейке. Здесь, не перекусив, пересели на грузовик чайной фабрики, следовавший в Чохатаури. Оттуда пешком направились в село Интабуэти.

Дед шел впереди, внук — за ним. Измученный старческим недугом, дед тяжело кричал и стонал. Завидев идущего навстречу путника, он умолкал, низко с ним раскланивался, а затем, выждав несколько минут, вновь начинал стонать и кричать. Иногда он молча оглядывался на мальчика — так оглядывается старая кляча на оставшего жеребенка, боясь потерять последнего своего отпрыска.

Мальчик шел и думал:

«Вот впереди шагает старик — хилый, больной, стонущий, с выцветшей шляпой на голове... Он обещает повесить меня за ногу на дереве... Этот ста-

* Игра слов: «Нодари» — мужское имя, «надири» — зверь.

рик — мой дед. Отец моего отца... Дед!.. Что же заставляет меня следовать за ним? Почему я покорно, словно раб, тащусь по этой пыльной дороге? Далеко влево — и, пожалуйста, валий себе на все четыре стороны!.. А вот и нет! Не могу! Сила какая-то толкает меня в спину — шагай за стариком, и никаких чертей! Что это за сила? Почему я — уставший, голодный, изнемогающий от жары и жажды — не смею свернуть с дороги? Почему? Как эта сила называется?..».

— О чем ты думаешь, внучек? — обернулся вдруг старик.

— Ни о чем! — ответил, не задумываясь, опешивший мальчик. Он ожидал всего, но только не такого вопроса.

Старик сошел на обочину дороги, присел. Отдышавшись и накряхтевшись, он поглядел на мальчика, потом стал считать, загибая пальцы: «28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38».

— Родился ты, внучек, в двадцать восьмом. Теперь у нас — тридцать восьмой. Значит, тебе пошел одиннадцатый!.. Взрослый уже!.. Как же это ты можешь ни о чем не думать, а? Или скрываешь от деда?

— Да нет, дедушка, не думал я ни о чем! — солгал мальчик.

— А пора бы и привыкнуть думать, внучек, пора!..

Старик, кряхтя и охая, встал и продолжил путь. Мальчик, словно теленок на веревке, послушно поплелся за ним...

Мальчик — загоревший, с взерошенными волосами — стоял, опершись на заступ, под чинарой, грустными глазами разглядывал облепленные грязью свои голы ноги и думал: «Как она состарилась, согнулась за один год! Лицо — одни морщины!.. Голос какой-то осиплый. И все же она похожа на мою мать — молодую, красивую, нежную, кареглазую, добрую мою маму. Похожа и волосами и походкой!.. Если закрыть глаза, можно предположить, что она — моя мать!». Но мальчик не зажмурился. Мальчик испугался.

— Потеряла я покой, уважаемый Кишварди! Призрак несчастной его матери мерещится мне во сне и наяву!.. Голос собственной совести преследует меня!.. С тех пор как вы взяли его с собой, хожу я опустошенная, словно сердце мое вырвали из груди!.. Верните мне моего ребенка, уважаемый Кишварди!..

— Гм, ребенком он был тогда, когда я взял его от вас. Теперь он — мужчина и пусть решает сам. Захочет вернуться к вам — я не стану его удерживать.

— Обижен он на меня!.. Если кто и сумеет помирить его со мной, то только вы, уважаемый Кишварди. Человек вы мудрый!..

— У вас ведь еще двое таких, уважаемая Юлия!.. Оставьте мне хоть одного!

— Да разве в счете дело? Два, десять, сто — все одно! Внук — он и есть внук для бабушки, уважаемый Кишварди!

— Так-то оно так!.. Но как же мне быть? Ведь после моей смерти счет рода Ломджария должен начаться с него?..

— Так я же не изменю его фамилию? Пусть и те двое будут Ломджария, но этого-то отдайте мне!

— Отнимать, значит, мальчика приехали, уважаемая Юлия?

— Не отпускайте меня на тот свет с грехом на душе! Как же я там взгляну на его мать?!

— Э, уважаемая Юлия, это еще вопрос — кто из нас отправится туда раньше. А каково мне будет глядеть на его мать и отца, если я опережу вас?

— Не дай бог вашей смерти, уважаемый Кишварди!

— Мальчик — он и поле мое, и виноградник, и мельница, и могила, и надгробный камень!.. Нет, не отдам его, хоть убейте меня!

— Ну так я убью себя! Вот здесь, перед вами!

— Господь с вами, уважаемая Юлия, что вы такое говорите!.. Пойдешь с ней, мальчик?

— Да разве он признается? Он же стесняется вас!

— Это правда, мальчик?

— Ему материнская ласка нужна, уважаемый Кишварди! Постирать, погладить, выкупать, спинку потереть, причесать!.. Разве вы можете заменить ему мать?

— Ну это как сказать!.. Ухаживал я за ним до сих пор, слава богу, неплохо!.. Вас, по крайней мере, на помощь не звал!..

— Не спорю, не спорю, уважаемый Кишварди! Но все же!.. Ноги мальчику перед сном помыть, в школу за ним бежать!.. Не мужское это дело!..

— А он и на нашу школу не в обиде!.. Это в вашей школе его зверем нарекли, да и вы, помнится, согласились с этим!.. А он не зверь вовсе!..

— Почему у меня язык не отсох тогда!

— Однако не думайте, что он у меня превратился в ангела или перестал красть персики!
— Ну и на здоровье!
— Или думаете, он перестал раздавать муку?
— Да бог с ней, с мукой-то! Все мое принадлежит ему! Пусть хоть сжигает, разве я против?
— И курит, стервец!
— Это правда, мальчик?
— Вы меня, меня спросите! Опустошил и карманы мои, и кисет!
— Ну и пусть курит себе на здоровье! Ведь сами сказали — мужчина он!

— Потерпите еще месяц. Вот получу премию за шелковичные коконы, придену его... Не пойдет же он к вам таким оборванцем!

— Вы только отпустите, а одеть, обуть его — это уж моя забота! Снизу собственное платье!

— Гм, очень оно подойдет ему!

— Конечно, вам шутки шутить, а у меня сердце кровью обливается.

— Я ведь сказал, уважаемая Юлия: он уже взрослый. Пусть решает сам!

— Вы для него все равно что икона для верующего, и каждое ваше слово все равно что проповедь божья... Скажите ему, уважаемый Кишварди!

— Побойтесь бога, уважаемая Юлия! Как же это я скажу своей плоти и крови — уйди, мол, из моего дома?!

— А я разве чужая ему? Разве он не моя плоть и кровь?.. Всего год, не больше, осталось мне жить! Умоляю вас, не убивайте меня раньше срока, подарите старушке этого мальчика!

— Уважаемая Юлия...

— На коленях, на коленях вот стою перед вами!..

— Да вы что! Встаньте, ради бога!.. Будь по-вашему!..

— Великий боже! Сниспусти ему счастье и радость!..

— Не видать мне больше радости и счастья!..

— Матерь божья!..

— Иди с бабушкой, внучек!..

Такой диалог состоялся спустя ровно год после описанных выше событий между гурийским дедом и имеретинской бабушкой мальчика. Но это уже не было приемом-сдаточной процедурой. Это было бурление двух кипящих кровей, рыданье двух трепещущих сердец. И эта борьба двух равных по силе страстей отдавалась в мальчике учащенным биением сердца и соленым комом в горле, холодной испариной и жгучим ознобом, дрожью в теле и болью в груди. Неведомая сила то властно тянула его к бабушке, то мощным толчком бросала к деду. Несколько раз мальчик ощущал острую боль — словно его тело пронзило насквозь раскаленное копьё. И все время, пока между стариком и старушкой длился этот странный, горький диалог, мальчика не покидало необъяснимое чувство страха, тревоги и ожидания.

Бабушка встала, подошла к мальчику, обняла его.

— Радость ты моя, свет моих очей, пойдем со мной, подари мне два лишних дня жизни!..

Бабушка плакала, и горячие ее слезы капали на голову мальчика. Выплакавшись, она осторожно привлекла его к себе, но мальчик стоял, не двигаясь, стоял, как железный кол, как дерево, глубоко вросшее в землю корнями.

— Иди с ней, внучек, иди со своей старой бабушкой... Налюбуется она на тебя, вернешься ко мне... К тому времени и я соскучусь без тебя... А как ты думал? Быть внуком — нелегкое дело! Трудно, трудно быть внуком, особенно — внуком таких вот старых развалин, как я да твоя бабушка... Иди с ней, дорогой... А твои топор, заступ, мотыга, давиленья, корзина, корова, теленок, коза и свинья никуда не денутся, будут ждать твоего возвращения...

Мальчик слушал, смотрел и удивлялся: топор, мотыга, заступ, корзина валялись в разных концах двора, корова, теленок, коза и свинья были в разных концах двора, — как же дедушка, не видя их, точно указывал рукой именно туда, где находились каждый из названных им предметов и животных?

А дед продолжал:

— Вот твоя сумка, учебники твои — грузинский, история... Что еще у нас с тобой? Пожалуй, ничего... Брюки, рубашка и чуваки — на тебе... До Самтредиа топай босиком, иначе чуваки не дотянут до дому... Вот и все... Ну, давай!

Кишварди Ломджария понял, что его внук сейчас превратился в железный кол, в дерево, глубоко вросшее в землю корнями, настолько глубоко, что вырвать его обычными увещаниями невозможно. Здесь нужен был иной подход. Но какой?

Кишварди Ломджария понял и то, что его внук сейчас стоял посреди заколдованного круга, и притягательная сила двух кровей властно тянула его в разные стороны. Какая из них возьмет верх? Какая победит кровь? Ждать исхода этой борьбы нельзя... Кому-то из них нужно первым перекрыть, перерезать канал, в котором кипит и бурлит взбунтовавшаяся кровь...

И Кишварди Ломджария опередил бабушку:

— Ну чего ты ждешь? Устал я болтать с тобой!

Мальчик испуганно взглянул на деда.

— Иди и не смей оглядываться! Понял?!

Горькую обиду на деда и нежную жалость к бабушке мальчик почувствовал одновременно. Подступившие слезы затуманили глаза, голова безвольно опустилась на грудь, и он, не вымолвив ни слова, покорно, словно теленок на на веревке, побрел по пыльной чохатаурской дороге за своей дряхлой, сгорбленной, облаченной во все черное бабушкой...

Кишварди Ломджария сидел у камина и ждал, пока в медном котелке закипит вода. Он глядел на огонь и думал. Думал и в то же время старался уйти, скрыться от своих невеселых дум. Но куда человеку деться от собственных дум? Ведь человек — не бог... «Не должен был я отпустить мальчика... Но не смог устоять перед горем старушки... А теперь я сам в ее положении... На той неделе схожу к ней, попрошу вернуть мальчика. Не отдаст — заберу насилу... Какое, скажу, имеешь ты право отнимать у меня мою плоть и мою кровь?! Ведь ты не бог?! Но... Но ведь она может ответить мне теми же словами?! Ведь я сам тоже не бог, а всего-навсего простой смертный... Ведь мальчик принадлежит ей так же, как и мне... Вот если бы я был богом!.. Ох, трудно, трудно быть человеком, гораздо труднее, чем богом... Слава богу, в этом сам убедился наш спаситель Иисус Христос... На той неделе пойду к ней, брошусь в ноги... Хотя нет, неделю мне не стерпеть... Пойду послезавтра... Нет, завтра! Завтра же с рассветом отправлюсь в путь... Господи, скорее бы наступило утро!»...

Так думал Кишварди Ломджария, сидя у камина и ожидая, когда в медном котелке закипит вода. Вдруг открылась дверь, и на пороге показался мальчик с поникшей головой и перекинутыми через плечо чувяками.

— Слава тебе господи! — воскликнул дед.

— Я вернулся! — прошептал внук.

— Я знал, что ты вернешься! — сказал дед.

Потом Кишварди Ломджария налил в медный таз горячей воды из медного котелка и долго мыл уставшие ноги внука. Потом приготовил ему постель на тахте, а сам пошел спать в маленькую коморку...

В полночь старика разбудил голос мальчика:

— Деду, можно мне лечь с тобой?

— Иди, внучек! — ответил старик и придвинулся к стене.

Мальчик лег, прижался к деду.

«Какой он холодный, бедный дедушка!» — подумал внук.

«Какой он горячий!» — подумал дед.

Спустя некоторое время дед спросил:

— А знаешь что привело тебя ко мне?

— Нет!

— Так я скажу тебе: кровь тебя привела ко мне, вот что! Кровь — великая сила, внучек!..

Больше в ту ночь они не обменялись ни словом. Ни о чем не думали, ни о чем не говорили.

Дед и внук спали счастливым сном...

Думала и говорила кровь.

Но о чем думала и говорила кровь — об этом известно одному богу!..

Перевод Зураба АХВЛЕДИАНИ

УАЗА

● Роман

Четыре месяца промелькнули, как четыре мгновения.

И вот он должен бросить все и уехать, уехать сегодня — завтра уже будет поздно. Чувство грусти неизменно сменялось лихорадочной мыслью: как сообщить Кэту? И вдруг подумал о Мацисе: записку можно послать с нею, не вызвав никаких подозрений.

Ладо взял со стола листок бумаги, отошел к окну и что-то написал.

— Мациса, — вполголоса сказал Ладо, — отнеси эту записку Кэту.

Мациса молча взяла пальто, косынку и, опустив голову, вышла из класса.

Школа скрылась из виду. Мациса развернула зажатую в кулак записку...

В глазах у нее зарябило.. Потом пустилась бежать, отирая холодной рукой слезы....

Дорогой Ладо нагнал колхозный грузовик.

Дверь кабины открылась.

— Ладо, — это был председатель колхоза, — залезай побыстрее.

Ладо вспрыгнул на подножку.

— Как поживаешь? Пробрала, небось, сванская зима? — Георгий был слегка навеселе.

— Уезжаю в Тбилиси, — громко, так, чтобы и Чопэ мог услышать, сообщил Ладо.

— Значит, не погуляешь на свадьбе Чопэ, — подмигнул Георгий.

— А когда свадьба?

— В воскресенье.

— Не придется. Я завтра уезжаю. Машину одолжишь?

Близость Ушбы угадывалась, хотя ее и не было видно.

Ладо, возбужденный до предела, топтал снег. Тэмраз держал лошадь под уздцы; впереди на холме притаились силуэты домов. Кэту должна была прийти оттуда.

— В Дизи спросишь Башва Муквани, — проговорил Тэмраз, — лошадь оставь ему. Скажи — от Георгия. Ты свободен, как птица, — Тэмраз размышлял вслух, — начнешь новую жизнь.

Кэту появилась внезапно, запыхавшаяся от быстрой ходьбы, схватила Ладо за руку.

Окончание. Начало в №№ 5, 6, 7.

— Пошли быстрее. Вот мой паспорт и шесть рублей, спрячь.
Ладо положил паспорт с деньгами в нагрудный карман, взял у Тэмраза поводья.

— Садись.

— Пойдем пешком.

Кэту схватила за ремень его пальто.

Грустная улыбка не сходила с губ Тэмраза. Он вдруг почувствовал себя лишним, ненужным. Что-то очень важное, невосполнимое уходило из его жизни. Впереди маячил унылый ряд дней, как две капли воды похожих друг на друга. Ничего больше.

— Счастливого пути, — пробормотал он.

Они скрылись во мгле.

Ладо вел лошадь на поводу, Кэту сидела верхом. Он с трудом волочил замерзшие, отяжелевшие ноги, каждый шаг стоил усилий. Заснеженные горы наваливали тоску. Ночь была безлунная, редкие звезды мерцали в небе.

Замороженную тишину нарушал глухой рокот реки. Ладо теснее прижался к животу лошади. Пот катился по его лицу, примерзая к онемевшим губам.

Лошадь медленно брела по рассыпчатому снегу. Кэту знала, что Ладо трудно идти, но не хотела раздражать его излишним сочувствием. Она высвободила из шали горячую руку и заботливо отерла пот с его лица. Сознание того, что они вместе, подбадривало их.

— Не отдохнуть ли нам, Ладо? — решила наконец Кэту.

— Нет. На рассвете надо быть в Дизи.

— Ты устал, Ладо?

— Пустое.

— Сколько времени, как мы идем?

— Не знаю. Вечность. Ты боишься?

— Нет, Ладо, не боюсь.

— Спасибо. — Он пошатнулся, упал бы, если бы не лошадь, достал из кармана рюкзака бутылку водки, выпил. Но водка не согрела.

— Ладо, дорогой, отдохни немного.

— Нет, — Ладо стиснул зубы, — если я сяду, не смогу подняться.

Ему было лень говорить. Веки слипались. «На тебя вся надежда, лошадь, выведи нас, выдержи...». Его клонило ко сну. Он прижался щекой к жесткой гриве лошади. Потом медленно сполз в сугроб и лежал ничком, казалось, освободившись от собственного тела. Это было приятное ощущение...

Лошадь остановилась. Кэту соскочила вниз, опустилась на колени, с трудом перевернула обмякшее, отяжелевшее тело.

Мороз час от часу крепчал. У Кэту не попадал зуб на зуб. Она заплакала. Лошадь нетерпеливо фыркала, потом задрала голову, заржала. Это были ужасные звуки, их отзвук казался хохотом гор.

Ладо подскочил, бессмысленно замигал глазами.

— Темно, — прошептал он.

— Проснись, дорогой, проснись...

— Я долго спал? — очнулся Ладо.

— Нет.

— Поехали, на рассвете надо быть в Дизи.

— Садись на лошадь, Ладо.

— Нет, — упрямо сказал Ладо, — мне надо согреться.

— Тогда и я пойду пешком.

Ладо, волоча ноги, подошел к лошади, обнял ее за шею...

Ночь шарила по лицу ледяными пальцами. Ладо померещилось солнце.

— Я хочу видеть солнце, Кэту, — хрипло проговорил он.

— Я тоже, — глотая слезы, молвила Кэту.

Дороге не видно было конца.

Кэту прижалась лицом к груди Ладо. Она дрожала. Ладо приподнял ее голову, поцеловал в замерзшие, потресканные губы...

Вдруг оба вздрогнули — отчетливо донесся звук машины. Она с ревом поднималась вверх по подъему.

— Спасены, — вырвалось у Ладо, — спасены, Кэту, спасены!

«Спасены, спасены, спасены!» — отозвались горы.

Шум машины слышался все ближе, явственней. Уже можно было различить лязганье цепей на колесах.

«А может, мне это чудится?» — в страхе подумал Ладо.

Но это была машина. Свет фар прорезал серые сумерки.

— Эге-гей, никуда вы не денетесь, никуда!

Горы подхватили крик.

Оба оцепенели.

— Боже мой, Ладо! — простонала Кэту.

Ладо в какой-то миг подумал о лошади, но тотчас понял бессмысленность своего намерения, подошел к Кэту, загородил ее собой, чувствуя ее дрожащие руки на своей спине. Дрожь пробрала его самого.

— Не пугайся, Кэту, не бойся!..

Рассвело.

Ладо лежал, уткнувшись лицом в снег. К рассеченному лбу примерзла кровь. Подняться стоило огромных усилий. Лошадь покорно стояла рядом. Ладо с трудом доплелся до нее, сел в седло, каким-то чудом удерживая равновесие. Лошадь медленно брела по нехоженному снегу.

Мело».

Ладо показалось, что он читал невероятно долго: «Верно, надоело слушать, впрочем, все равно». Ему в эту минуту и впрямь было все равно. Он читал самому себе.

Незаметно пробежали три или четыре часа. Стояла ночь. Ладо сложил рукопись в папку и терпеливо принялся ждать, что скажут Георгий и Ришард. Острая боль недовольства собой мучала его. Рассказ явно получился не таким, как он того хотел. Георгий и Ришард долго упорно молчали. Под конец Георгий что-то сказал, Ришард, запинаясь, ответил. «Неважный рассказ, и конец делу, чего тянут», — думал Ладо.

Потом Ришард включил свет. Ладо зажмурился... Много позже Ладо тщетно старался восстановить в памяти слова Георгия и Ришарда.

— Да здравствует твой рассказ! — сказал Георгий.

— Да...да здравствует, — подхватил Ришард.

Георгий сощурил глаза:

— А так, если ты думаешь, что ничего лучше до сих пор не было написано, — ошибаешься.

Ладо жалко улыбнулся.

— Один-два рассказа напишет любой, было бы желание, главное, дальше, что будет дальше, не так ли Ришард?

Ришард кивнул головой в знак согласия.

— В твоём рассказе я увидел человека, измученного личными болями. А вот ты подай мне рассказ-рассуждение о бедах народа, не рассказ, а крик! Ты меня понял, сынок?

— Кажется да, — тихо сказал Ладо.

— Ну и слава богу, — Георгий наполнил рюмки. — За вас, ребята.

Ладо не помнил, как и когда на столе появилась водка.

— И за вас, дядя Георгий.

— Я свое худо-бедно прожил и пока не сдаюсь...

— Вашей воле можно позавидовать, — сказал Ришард.

— Моей воли вам недостаточно. Нужно гораздо больше! Вам многое предстоит сделать! Не сегодня завтра вся тяжесть жизни ляжет на ваши плечи, и вы должны выдержать, пронести ее до конца, передать своим детям, — Георгий был возбужден. — Мы, отцы, проливали кровь, чтобы наша Родина осталась свободной, непоруганной, и сохранили ее! Делами жив человек!

— Делами и любовью, — проговорил Ладо.

— Да, делами и любовью! Недавно я прочел книгу о физиках. Там приводятся слова Эйнштейна о том, что тот, кто не ценит значения труда и, в первую очередь, самоотверженно не служит делу, не может думать о создании возвышенной идеи. Помимо того, он утверждает, что тот, кому не по силам замереть, порадоваться красоте, подобен мертвецу... Сознание того, что недоступные нам предметы существуют на самом деле, — это одновременное проявление высшей мудрости и красоты. Так вот если тобой не владеет жажда познания, проникновения в суть вещей, если ты не способен поразиться красоте, то уподобишься мертвецу... — Георгий вдруг замолчал и прибавил с улыбкой: — Вы, наверное, думаете про себя — старик записался в проповедники... Нет, но я заслужил право поведать последующему поколению все пережитое, выстраданное. К тому же, редко представляется возможность поговорить так...

Ладо встретился с его утомленным, но спокойным и умным взглядом.

...Они попрощались поздно ночью.

Наступил день отъезда. Поезд из Батуми прибывал на Зеленый Мыс в десять часов ночи, и Ладо с Ришардом решили поехать в Батуми. Погода была скверная; туман окутал все вокруг, виднелась только грязная прибрежная полоса. Волны остервенело шлепались о бетонные дамбы. Печальные крики чаек доносились из глубины туманного марева.

У входа в столовую стоял пустой автобус дома отдыха. Ладо с Ришардом на нем должны были добраться до Батуми.

Эрна не показывалась. Ладо обошел все корпуса дома отдыха, заглянул даже на кухню, но так и не встретил ее. Под конец со слов старушки-уборщицы он узнал, что директор послал Эрну по делам в Чаква. Ладо огорчился; ему ничего другого не оставалось, как написать ей записку. Он достал из нагрудного кармана записную книжку, вырвал чистый листок:

«До свиданья, Эрна! Я всегда буду помнить тебя! Если тебе придется побывать в Тбилиси, найди меня, улица Родена, дом 4, Ладо Иашвили».

Они миновали католическую церковь с двумя острыми шпилями и по крикам проулком выехали к морвокзалу. Дома в городе были небольшие и старые, на каждом шагу встречались закусочные и чайные. В чайных сидели старики и задумчиво смотрели в дымящиеся пиалы.

У морвокзала вдоль пристани покачивались баркасы и катера. Поодаль под огромными подъемными кранами грузились танкер. Ладо нравилось неповторимое своеобразие Батуми. В ресторане морвокзала царил абсолютная тишина и чистота. Ладо и Ришард сели у широкого окна. Из окна виднелась часть пристани и туманное небо. Деньги за билеты были уже заплачены, и хотя оба хорошо знали, что до получки все источники дохода исчерпаны, везти остаток в Тбилиси ни одному и в голову не приходило.

Из тумана выплыл большой теплоход «Адмирал Нахимов» и боком стал подходить к пристани; рабочие перегородили пристань железными решетками, выкрашенными в красный цвет. Теплоход медленно приближался, из круглых окон кают показались лица пассажиров. На палубе духовой оркестр играл какой-то марш. Дирижер — низкий мужчина в дождевике — не переставая махал руками, и оркестр не умолкал ни на минуту.

Теплоход наконец ошвартовался, оттуда сбросили толстенный канат, который ловко поймал портовый рабочий и привязал к железному столбу. Что ни говори, а нельзя было не улынуться при мысли, что гигантский теплоход привязывают к берегу канатом. Оркестр перестал играть как только спустились сходни. Пассажиры, ежась от холода, сбегали вниз и растворялись в толпе встречающих. Теплоход вскоре опустел. Опустела и пристань, и вновь наступила тишина.

— С...с удовольствием п...попутешествовал бы на этом корабле, — сказал Ришард, — вокруг света... Вот было бы здорово! Повидал бы с...страны, с людьми п...познакомился... Я этнограф, а д...альше Грузии не бывал.

— А Грузию всю исхолил?

— Почти. Легкие дороги поберег на старость. — Ришард отпил пива.

— А мне вот куда из Грузии уезжать не хочется, — сказал Ладо, — пока не обойду каждый ее уголок Я мечтаю Гомецарским ущельем пройти Тушетию и через перевал спуститься в Хевсуретию; потом по Рокскому перевалу перейти на Северный Кавказ, к Эльбрусу, и оттуда по Бечойскому перевалу в Сванетию, как раз к подножью Ушбы.

— Ух ты! — восторженно воскликнул Ришард. — Чудо-дорога! Оттуда можно и в Рачу попасть.

— Нет, я останусь в Сванетии, — сказал Ладо.

— И я тоже, — сказал Ришард. — Не надейся, я тебя не оставлю, — и прибавил: — Послушай, ты в самом деле собираешься на Ушбу?

— Ты думаешь, я не смогу? — спросил вместо ответа Ладо. — Давай говорить откровенно.

— Как у тебя все просто, — покачал головой Ришард.

— Я должен подняться на Ушбу.

— Не разрешат, Ладо, — Ришард наморщил лоб.

— А мы втихаря.

— А?! — Ришард вздрогнул.

— Втихаря, говорю. Никто не узнает: поднимемся и — обратно. Победителей не судят.

— Речь идет о жизни и смерти, Ладо.

— Подумай, время еще есть, — ответил Ладо.

К концу марта зазеленели склоны Шавнабады, Махаты и Мтавминды. С деревьев сошел ржавый зимний налет, они наполнились жизненными соками, и в большом городе, пропитанном запахом бензина и копоти, сразу повеяло весной. Сквозь трещины асфальта пробилась трава. Прохожие невольно улыбались, глядя на нее.

В тот день из всех репродукторов города внезапно раздался знакомый бой Кремлевских курантов. Уже много лет люди привыкли увязывать его с какими-нибудь значительными событиями: он предвещал начало войны, после него в течение целых пяти лет четкий голос передавал приказы Верховного Главнокомандующего, сводки Совинформбюро, краткие, точные описания кровавых схваток с врагом. Бой курантов возвестил и о Победе. Люди радовались знакомым звукам Кремлевских курантов, но почти всегда к радости примешивалось чувство тревоги. С таким двойственным чувством слушали они бой курантов 12 апреля 1961 года — в домах, на работе, на улицах...

«...Работают все радиостанции Советского Союза...». Машины останавливались у тротуаров, прохожие собирались под большими платанами и с интересом смотрели на репродукторы, запрятанные в молодой листве деревьев. Смотрели. Ждали. Весть оказалась удивительной и радостной — впервые в истории человечества гражданин нашей страны майор Юрий Алексеевич Гагарин совершил полет в космическое пространство. Напряженные лица разгладил радостная улыбка. Волна гордости прилила к сердцам, и шофер автобуса, узнав в чем дело, не смог придумать ничего другого, как нажать на клаксон. Его примеру последовали водители всех видов транспорта, и протяжная долгая сирена пронеслась над городом.

Мужчины и женщины, старики и молодежь — всем хотелось высказаться, поделиться своей мыслью. Сплошной шум, гам, ничего не разобрать. Разве что шум этот был радостным.

В тот день газеты вышли с опозданием. У киосков выстроились длинные очереди... Наконец газеты появились. Было что-то родное в открытом, улыбчивом лице Юрия Гагарина.

...Здание Альпийского клуба утопает в яркой зелени сада. Здесь собираются завоеватели вершин, загорелые крепкие ребята. Им не раз покорялись недоступные горы Кавказа, вершины Памира. Альпинисты — обычно люди спокойные, молчаливые, но взгляд их остер, как наточенный топор, и они быстры, как лавинная глыба. Самая большая радость для них — помочь другу в беде, и, наверное, потому они лучше других знают цену дружбе. В душе альпиниста нет места низменным чувствам. Высокие чистые горы — их учителя.

В тот день, когда Юрий Гагарин поднялся в космос, в Альпийском клубе показывали короткометражный фильм «Покорение Ушбы». В маленьком зале яблоку негде было упасть. Майя, Ришард, Ладо, Бидзина и Нуца сидели в третьем ряду. Ришард не переставая кивал головой, здороваясь со знакомыми. Ладо с нетерпением ждал начала картины, радовался, что его товарища ценят и уважают покорители скал.

— Что бы тебя сейчас обрадовало больше всего? — неожиданно спросил его Бидзина.

«Сванетия...» — промелькнуло у Ладо, а вслух он сказал:

— Не знаю, — и пожал плечами.

— Я тебя очень люблю, дружище! — проговорил Бидзина и засмеялся. Неожиданное признание удивило Ладо, тем более что в словах Бидзины не слышалось обычной иронии.

Какой-то высокий жилистый парень громко поздоровался с Ришардом. Он стоял у стены, и его громкий голос слышался на весь зал.

— Говорят, на Ушбу собираешься?

— Посмотрим... — неохотно ответил Ришард.

— Ты ногу ушиб?

— Ушиб...

— Ну тогда прощай, Ушба! Закончилась, друг, твоя альпинистская карьера!

— Я и не думал о к...карьере! — Ришард покраснел и стал заикаться сильнее обычного.

— Выходит, зря мотался по горам? — заметил высокий. — А мне не хватает одного восхождения до нормы мастера. Получу квалификацию инструктора и заживу себе припеваючи.

«И среди альпинистов встречаются идиоты», — подумал Ладо. К счастью, свет погас и неприятный разговор на этом прекратился. На экране возник Кавказ: Каспий, снятый с вертолета. Диктор рассказывал о чем-то, но Ладо не слушал. Шхара, Тетнульд, Цурунгала, Аоилама, Дихтау, Донгуз-Орун, Шхельда — и, наконец, Ушба! Показались ущелье, врезанное в горы, разбросанные по склонам деревушки. На окраине одной из них был разбит альпинистский лагерь. Альпинисты разведывали подступы к Ушбе. Ладо пробрала дрожь: чуть ниже того места, где альпинисты стояли, находились дома Тэмраза, бригадира Азмурзы, дальше — братьев Бадру и Херипа Квициани, а чуть поодаль, рядом с косой башней, — дом Кэту...

Альпинисты с рюкзаками на плечах направились к сенокосным угодьям. Сваны, стар и млад, махали руками им вслед. Внезапно возникло лицо Тэмраза. Ладо покачнулся, будто из-под него выбили стул. Мысленно он был сейчас там, в Сванетии, шел среди высокой, по пояс, травы и вдыхал острый аромат полевых цветов. Кэту собирала цветы в корзину и весело смеялась. Ладо лег навзничь. Небо было бесконечно синим, Кэту, с тяжелой косой соломенного цвета, смотрела сверху, словно сказочная Дали, и медленно сыпала на него цветы. Потом она опустилась на колени и прижалась головой к его груди...

...Альпинисты вступили в полосу льдов. Передний в связке ледорубом вырубал ступеньки, расширял их ботинками на железной подошве, медленно, тяжело продвигался вперед. У расщелины они остановились, посоветовались, и через секунду идущий впереди перепрыгнул на противоположную сторону. За ним последовали остальные. Снова отвесные стены. Молоток. Веревка. Наконец-то одолели! Заметенная снегом палатка. Небритые, усталые, но здоровые лица. Сверкающие в улыбке зубы. Один из ребят с таким увлечением играет на губной гармошке, можно подумать, он не в заметенной снегом палатке, а на южном пляже.

Вершина! Все четыре альпиниста подняли вверх ледорубы и радостно кричат. Никогда еще так остро не чувствовал Ладо, что дорога снова звала его в горы. Там была Кэту. Там был Тэмраз. Там была школа, ученики. Там была Ушба.

- Помнишь уговор? — вполголоса спросил Ришард.
- Конечно, помню.
- Ты не передумал? Поедешь?
- Хоть завтра.
- Тебе надо хорошо подготовиться, Ладо.
- Будем готовиться!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Рано утром какой-то молодой человек догнал Ладо по дороге на работу и спросил, не он ли Иашвили. Ладо силенка вспомнить, где он мог видеть этого не по возрасту толстого молодого человека с крупной рыжей головой, посаженной на широкие плечи, но так и не вспомнил и утвердительно кивнул головой.

— Наверное, помните Тэмраза Джачвлиани... — Ладо чуть не подпрыгнул от радости: «Неужели Тэмраз в Тбилиси». Но Джачвлиани в Тбилиси не было, молодой человек сообщил Ладо об этом. Зато приехал бригадир Азмурза.

Они приехали рано утром сухумским поездом и совершенно случайно встретились с Ладо. Как его зовут? Джумбер Ониани. Нет, Ладо не может его помнить: они встречались раза два в Бечо и то мельком. Джумбер в Верхней Сванетии гость: изредка навещается к своему дяде Азмурзе. Он сейчас стоит и ждет у ресторана «Казбеги», Ладо издали же заметил знакомую фигуру Азмурзы, в зимнем ватном пальто и кирзовых сапогах.

В Сванетии, должно быть, все еще зима и лежит снег. Ладо разволновался, не успел поздороваться. Азмурза опередил его, обнял, поцеловал троекратно, крепко — по-мужски, зацокал языком, похлопал по плечу, даже потрогал рубец узловатыми пальцами.

— А это откуда, дружище?

— Память о Сванетии, — улыбнулся Ладо.

В пылливом взгляде Азмурзы мелькнуло недоверие, но он сразу же перелел разговор: «Ну и штука этот город! Без Джумбера заблудился бы...».

— Сына моего помнишь, Фридона? — заговорил он снова. — В прошлом году в университет сдавал, не попал... Сейчас я приехал, чтобы документ не забрать. Нынче хочу его в зооветеринарный институт определить, в деревне ветеринар нужнее.

— Ты прав, — согласился Ладо.

— Я в Зугдиди картошку завез, оставил приятелю, а сам сюда приехал: ты-то как живешь-здравствуешь?

— Да ладно, хватит трепать языком! — сказал Джумбер. — зим вовемя, раз встретились...

Ладо наконец понял, что они не случайно остановились возле ресторана и прикусил губу. В кармане у него лежала потрепанная рублевка. Проститься и уйти было выше его сил. Как же быть? Не заходить же в ресторан без гроша в кармане? А не зайти — что бы они сказали в Сванетии Тэмразу?.. «Твой друг-де позавтракать и то нас не позвал». Занять деньги на работе? На работе показываться нельзя, к тому же день получишь послезавтра и навряд ли у кого окажутся деньги. Джумбер по-дружески положил руку на плечо Ладо.

— Зайдем выпьем по стаканчику за нашу встречу...

И тут Ладо озарила счастливая мысль: занять деньги у хинкальщика Шалико!

— Пошли со мной, — сказал он.

— Нет, нет, ни за что!.. — начал, как водится, отнекиваться Атмурза.

— Даже если у вас дел по горло, все равно вы должны пойти со мной — вы мои гости. — Ладо не стал больше слушать возражений, сошел на мостовую в поисках свободной автомашины. Она не заставила себя долго ждать.

Маленькая шашлычная, где работал Шалико, была хорошо известна шоферу. Здесь, кроме шашлыка, готовили знаменитые на весь город люля-кебаб и хинкали. Кто только сюда не приходил: шоферы, грузчики, бухгалтеры, писатели, крестьяне с рынка, студенты, искатели экзотики — интуристы..

Хинкальная — подвальное помещение с несколькими алюминиевыми столами — была пропитана запахом пива и черного перца. Ладо спустился в подвал и вздохнул с облегчением — за оцинкованным прилавком собственной персоной стоял Шалико.

— Ва, Ладо! — громко приветствовал буфетчик.

— Ты мне должен помочь, — вполголоса сказал Ладо.

— Ради бога! Деньги нужны? Сколько?

— Да нет, посидеть хотим. В зарплату рассчитаемся.

— Чего ж это ты покраснел, как барышня? Садись, угощу на славу.

Ладо весело улыбнулся и сообщил присевшим в углу гостям, что все миром устроится.

— Как же это так получается, деньги-то и у нас есть, — проговорил Джумбер.

— Не больше моего, — засмеялся Ладо.

— Да больше твоего не будет, — Джумбер хлопнул Ладо по плечу, — много дали за рассказ?

— А вы откуда знаете? — удивился Ладо.

— Читаем помаленьку, не такие уж мы темные. — Джумбер смущенно улыбнулся. — Поздравляю, друг, заслужил.

— Разве? — осторожно спросил Ладо.

— Врать-то не к лицу человеку! Я экономист по специальности, но понять прочитанное вроде могу... Так вот, как только прочел, подумал — повидею, да не знал, где тебя искать. — Джумбер говорил отрывисто, задыхаясь, часто отирая платком пот со лба.

— А ты не читал? — обернулся Джумбер к Атмурзе.

— Только и остается времени что читать, — отмахнулся бригадир.

Официантка поставила на стол бутылку коньяка, кружки с пивом и горячий люля-кебаб.

С минуту назад Ладо с отвращением представлял, как будет пить коньяк в душном подвале, а теперь пил его с удовольствием. Третьим бокалом, как того требовал сванский обычай, Ладо провозгласил тост за святого Георгия.

Лицо Атмурзы посветлело.

— Вижу, не забыл наших обычаев, — сказал он с довольным видом.

— Эх, дружище, не такое уж легкое дело — забывать!

— И у нас тебя помнят, пропади я пропадом! — утешил его Атмурза и, перегнувшись через стол, снова потрогал рубец: — А это?

— К лицу? Чопэ разукрасил, — сказал Ладо и с замиранием сердца подумал, что сейчас Атмурза упомянет имя Кэту.

— О, беспокойный ты человек, больно беспокойный!

— Тогда я был жеребенком, дружище, теперь в жеребца превратился.. Ругают меня?

— Кто ругает, кто хвалит — как обычно.

Ладо заставил себя не задавать больше вопросов. Они и сами заговорят, если хотят, но он подсознательно боялся и этого. Боялся узнать какую-либо неприятную тяжелую весть.

— Помнишь застолье возле Ламарии? — спросил Джумбер. — Я тебя впервые там увидел

— Я был тамадой, — гордо заметил Атмурза.

КНИГА УШБЫ (ГЛАВА ПРОПУЩЕННАЯ)

«...Ладо не работалось, Он поднялся, вышел на балкон и предложил Мацисе сходить к минеральному источнику. Мациса с готовностью согласилась.

Дорога вела вдоль прокопченных башен, сложенных из камня на извести. Всякий раз, проходя по ней, Ладо казалось, что вот-вот на дорогу с крепостных стен, громыхая цепями, опустится мост, на мосту покажется великан в доспехах и попросит его пожаловать в замок.

Внизу, в соседней деревне, среди дубовых деревьев виднелась приземистая церковь Ламарии богородицы. Из-за ограды доносились крики детей и песни.

— Кто это поет? — спросил Ладо.

— Не знаю, сегодня, наверное, вся деревня там, — сказала Мациса и в ответ на вопросительный взгляд Ладо пояснила: — Таков обычай — после сбора урожая устраивают пир.

«Вся деревня, — подумал Ладо, — Кэту, наверное, тоже там».

По заведенному обычаю, как только в колхозе утихала лихорадка трудовых будней, каждая бригада закалывала овцу или хряка, выставляла бутылку другую водки, и вся деревня усаживалась за пиршественный стол, накрытый прямо на зеленой траве под раскидистыми ветвями дубовых деревьев. Сиделись по старшинству. В конце стола — женщины. Дети с медными ковшми в руках ходили между пирующими, наполняли водкой небольшие рога.

И в этот раз здесь собралась вся деревенская молодежь. Некоторые из них, увидев Ладо, наперебой уступали ему место. Ладо и без того чувствовал себя не в своей тарелке, а тут растерялся вконец.

Атмурза усадил его рядом с собой, одним духом осушил рог, поцеловал и кинул его Чопэ. Чопэ небрежно поймал рог. Маленький мальчик тотчас же наполнил его водкой. Ладо решил было держаться так, будто не видит Чопэ, но устыдился своего намерения и насмешливой улыбкой ответил на пристальный взгляд Чопэ.

Француз подождал, пока мальчик наполнит оба рога, и протянул их Ладо.

— Ты что притих, дорогуша? — сказал Француз. — Выпей, полегчает.

— За кого пьете?

— За наших женщин.

Ладо посмотрел в сторону женщин и увидел бледное, печальное лицо Кэту.

— Пей, дружок, все никак не привыкнешь к нашей водке, — осклабился Француз.

— За женщин! — механически произнес Ладо и выпил, не сводя глаз с Кэту.

Кто-то звонким голосом затянул плясовую песню, его поддержали; пирующие оглушительно громко, но в такт, захлопали в ладони. Пели все — женщины и мужчины, стар и млад. Казалось, пляшет каждый их мускул, но выйти в круг никто не решился. Атмурза оглядел возбужденное застолье, махнул рукой, перепрыгнул через уставленную снедью скатерть, стянул книзу одну сторону ремня, гордо поднял голову и с деловым видом пошел по кругу, время от времени пронзительно гикая, распаял пуще прежнего и без того вошедших в азарт певцов.

...Аба рера рамаида,
Вуу рера рамаида...

Певцы словно вырывали припев плясовой друг у друга. Атмурза все плясал и плясал, благо сами певцы перестали наконец петь, а то казалось, он не сумеет остановиться, если и захочет.

Все выпили за здоровье запыхавшегося бригадира. Чопэ неподвижно стоял в стороне.

Хмель разобрал людей. Иным надоело сидеть на одном и том же месте, они пересели к женщинам или заговорили о футболе. Наиболее рьяные кутили, прижавшись лбами друг к другу, продолжали произносить тосты. Возле упавшего когда-то с колокольни большого чеканного колокола мальчики соревновались в борьбе. Девочки криком подбадривали борцов. Чопэ угрюмо смотрел на детей, потом что-то сказал Французу. Француз, удивленно развел руками. И оба посмотрели на Ладо, который вежливо выслушивал рассуждения о футболе людей, никогда не видевших футбольного матча.

— К столу, друзья, к столу, — позвал Атмурза.

Чопэ выделился из голпы, неторопливо подошел к колоколу и пнул ногой.

Колокол был большой, тяжелый, он глубоко осел в землю и, судя по ржавчине и траве вокруг, долго лежал здесь без движения.

Высокий белобородый старик с посохом подошел к Чопэ, грубо схватил его руку.

— Не гневи богородицу! — сказал старик.

Чопэ с минуту угрюмо поглядел на него. Старик понял — ничто не заставит Чопэ изменить своего намерения, перекрестился, с досадой стукнул посохом о землю:

— Проклянет вас бог.

Угроза старика произвела на людей некоторое впечатление, но желание стать свидетелями интересного зрелища взяло верх, и как только старик ушел, они криками начали подбадривать Чопэ.

Чопэ поплевал на руки, ухватил колокол, перевернул его, легко поднял за края на грудь, напрягся и медленно выпрямил руки; стиснув зубы, ступил несколько шагов, выпрямился, отпустил колокол и отпрыгнул в сторону.

Восторженные крики раздались со всех сторон.

— Молодец! — воскликнул Француз.

Чопэ тяжело дышал. Он поискал глазами Ладо и громко, во всеуслышание бросил:

— Теперь пусть другие попробуют.

— Если бы я не плясал так долго, — с деланным сожалением сказал Атмурза, — одной рукой поднял бы.

Вокруг засмеялись. Потом наступила тишина. Волнение Ладо усиливалось. Ему показалось, что все смотрят на него, и им овладело неодолимое желание поднять колокол. Он искоса взглянул на его черный зев, без подготовки, безо всякого расчета схватился за края и, только оторвал от земли, понял, что не сумеет поднять. Жилы на висках вздулись, он собрал все силы, подтянул колокол к груди, подержал, глядя затуманенными глазами на застывшую, расплывчатую массу людских лиц, и вдруг с предельной ясностью ощутил всю бессмысленность своего поступка и, вконец обессиленный, разжал руки. Колокол гулко упал на землю.

Чопэ что-то сказал приятелям. Послышались смешки. У Ладо кружилась голова; он медленно прошел сквозь толпу обступивших его людей.

— Не смог я поднять колокол, — глухо сказал Ладо, — струсил...

Коньяк постепенно начинал действовать. Они приканчивали третью бутылку, четвертая дожидалась своей очереди.

— Знаешь, ты похож на Бальзака, — пристал Ладо к Джумберу.

Сердце его учащенно билось.

— Охо-хо-хо! — хохотал Джумбер. — На которого, на Оноре?

— Серьезно, серьезно, похож как две капли воды.

— Да ну тебя!

— Я тебя люблю.

— Я тоже, — Джумбер стукнул себя кулаком по груди, — я тоже люблю.

«Неужели ничего не скажут о Кэту, о Кэту, о Кэту, неужели...» Он вспомнил, как она пряталась за спинами женщин, стараясь не смотреть, как он поднимает колокол, и ему вдруг стали ненавистны все, а больше всех он сам...

— Все спокойно в Бечо, не правда ли? — в его голосе звучало упрямство. — Не правда ли, все в Бечо спокойно?

— Все спокойно, — ответил Атмурза, — только старый Джанхврат умер, царствие ему небесное, — он слегка наклонил стакан и плеснул на пол чуточку коньяка, как, по обычаю, льют за помин вино. Джумбер и Ладо последовали его примеру.

Атмурза решил наконец расстаться с пальто. Шапку он не снял, и Ладо вновь, как некогда в Сванетии, подумал, что если бы не оттопыренные уши, она сползла бы ему на лицо.

— Кэту осталась одна? — хрипло спросил Ладо.

— Почему же одна? Семья у нее, муж, ребенок.

Ладо ощутил, что проваливается в бездну, падает с невероятной быстротой и обеими ногами дугой обхватил ножки стула.

— И ребенок...

— Ага... Мальчонка что надо...

Ладо закрыл глаза.

— Ты все еще не забыл Кэту?

— Забыл, — сказал кто-то голосом Ладо.

- Вот так!.. Пораньше следовало за ум взяться... захотел жену у чело-
века отбить...
— Не сумел отбить... и колокола не сумел поднять,
— Не стоит вспоминать об этом, дело прошлое, — пробурчал Джумбер...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Город полыхал зноем. Размягченный асфальт был весь в следах от ботинок. Ладо шел пошатываясь из стороны в сторону. Иронические, а может, и жалостливые взгляды провожали его, и он понимал это, несмотря на то, что был пьян и чувствовал себя совершенно одиноким в огромном, раскаленном, как торня, городе. Он был одинок и боялся одиночества. Его потянуло в редакцию. Там хотя бы заговорил с ним, обругали или порадовали — какая разница. В то же время ему не хотелось являться на работу пьяным, но пойти домой, ощутить горячее дыхание глухих стен было ему не под силу.

«У Кэту родился ребенок. Мальчик. Она счастлива. Она обо мне забыла. Не помнит. Пройденное и пережитое — всего лишь мираж, видение, ничего больше. Или, может, Кэту не существует вовсе, может, я ее выдумал? Меня самого тоже не существует! И конец делу».

Он поймал себя на том, что говорит вслух, и смутился, вскочил уже в троллейбус, с трудом протиснувшись сквозь полузакрытую дверь.

...Единственное окно редакторской было занавешено циновкой. В комнате стояла невыносимая духота; тем не менее сотрудники редакции сидели на своих местах, даже Лаврентий Бедиани, и горячо о чем-то спорили.

Только вошел Ладо, разговор оборвался.

— Как хорошо, что ты пришел. Мы обсуждаем твой рассказ, — донесся до него голос Майи.

— Валяй, режь! — улыбнулся Ладо.

— Что твой герой, что ты — странные вы оба люди, — пробасил Пимен.

— Брат ты мне, Пимен, брат.

— В последнее время наша литература потянулась к горской жизни, — сказал Сандро, — все пишут о горах.

— На это есть свои причины, — сказал Романоз.

— В частности? — спросил Сандро.

— Сейчас наша литература как никогда нуждается в положительном герое. Не в плакатном, а в человеке, до мозга костей исполненном жизни. Характер героя формируется в борьбе, в преодолении препятствий, а горы для взрослого на асфальте интеллигента, естественно, являются самым трудным препятствием. В горах ярче всего проявляются индивидуальные возможности героя, его слабости и сила... Писатели нового поколения почувствовали это и снова обратились к горам... Не так ли, Ладо?

— Не знаю, батоно Романоз, вам виднее.

— Ладо, положи руку на сердце, твой рассказ автобиографичен? — заинтересовалась Надя.

— Интервью с писателем, — засмеялась Майя.

— Да так, — неопределенно ответил Ладо.

Лаврентий, не проронивший до сих пор ни единого слова, приподнялся.

— На мой взгляд, все в рассказе от начала до конца фальшиво, — категорически заявил он.

На минуту все притихли и усталились на Бедиани.

— Я обязан сказать это! — прибавил Бедиани.

— Как то есть фальшиво? — не понял Романоз.

— Судя по этому рассказу, — Бедиани длинными худыми пальцами нервно листал журнал, — Сванетия не один из передовых уголков Грузии, где новая жизнь выстроила дороги, школы, больницы, клубы, а местность, населенная дикарями. Я у вас спрашиваю? — Лаврентий повысил голос. — Кому дано право в таком уродливом свете изображать нашу величественную современность?

В выпученных глазах Лаврентия появилось выражение то ли отвращения, то ли насмешки.

«Догадался... догадался, что я пьян», — подумал Ладо, а вслух сказал:

— Валяй, Лаврентий, режь!..

Он нарочно назвал его по имени, но Лаврентий не подал виду, что понял насмешку.

— Что за человек этот учитель? Аморальная личность в самом полном смысле этого слова! Он пристаёт к помолвленной девушке и позорит ее. Хорош пример ученикам, нечего сказать. Лицо советского педагога! Положительного героя!..

Лаврентий вошел в экстаз, горячился, брызгал слюной, размахивал руками и кричал так, словно выступал перед многочисленной аудиторией.

— Это все, что вы вычитали из рассказа? — прервала его Майя.

— Да, уважаемая.

— Значит, вы его не читали, — заключила девушка.

— Мы должны знать, — продолжал Бедиани, — что, если пишем о нашей величественной современности, надо вести рассказ о чем-нибудь особенном, исключительном, грандиозном, колоритном! А гражданин Иашвили увяз в болоте быта! Да-с!

— Значит, увяз?.. — Ладо засмеялся.

«Он пьян», — подумала Майя.

— Вы пьяны вдребезги, Иашвили! — бросил Лаврентий. — Давно следует знать, что нельзя являться на работу с опозданием и тем более вдребезги пьяным. Я не допущу этого! Прошу уйти и выспаться!

— Пардон, батоно Лаврентий!

— Вот видите, товарищи?! Слышали, он назвал меня Лаврентием! Называйте как вам угодно, но порочить нашу современность я никому не позволю! Я сказал!

— Если так, — спокойно проговорила Майя, — вместо компилятивного романа об Александре Македонском написали бы лучше о современности что-нибудь «особенное, грандиозное, колоритное».

— Вас, наверное, никто не учил, что нравственность лучше безнравственности, потому-то вы и флиртуете с этим молодым человеком. Разве не так, милая, разве не так?

Майя побелела. До Ладо не сразу дошел смысл слов Бедиани.

— Клевета! — Романоз стукнул кулаком по столу.

— О, нет, милейший, я собственными глазами видел их на Тбилисском море, собственными глазами,

— Скажите на милость, — вырвалось у Нади.

Ладо схватил Лаврентия за горло и прижал его к стене.

Лаврентий захрипел...

— Ах ты насекомое! — ревел Ладо. — Повтори! Повтори!

Бедиани с трудом удалось вырваться из рук обезумевшего Ладо. Он поправил рубашку и галстук и выскочил из комнаты.

Ладо долго не мог опомниться, потом мутным взглядом обвел товарищей. Бледное лицо Майи показалось ему совершенно чужим.

Вдруг Ладо вскочил с места.

— Убью! — взревел он.

Майя преградила ему дорогу, с мольбой взглянула на него и уткнулась в грудь. Ладо хорошо знал, сколько горечи, боли и незаслуженного унижения испытывала она в этот миг, и его сердце обливалось кровью.

— Где ты успел напиться спозаранку? — Майя через силу улыбнулась.

— Гм, где я успел? У Кэту, оказывается, родился сын!

— Что ты говоришь?

— Мальчик, — срывающимся голосом повторил Ладо, — мальчик!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ладо освободили от работы, и он заперся дома. Часть денег от гонорара за рассказ у него еще оставалась, и при расчетливом расходовании их могло хватить до сентября, поэтому он и не думал беспокоить себя поисками работы. Сидел дома и писал, в глубине души даже радуясь тому обстоятельству, что может беспрепятственно отдаваться любимому делу.

— Принимаешь гостя? — На пороге стояла Нуца.

— Гость от бога.

— А если я враждовать пришла?

— Э, такое ли случается! — у Ладо невольно вырвалась эта фраза.

— Я не с враждой пришла, — Нуца затуманенным взглядом посмотрела на Ладо, — разве не видишь?

— Садись...

— Нет, я хочу осмотреть твою квартиру, если не возражаешь. Как давно я не была здесь. Кажется, со студенческих лет.

— Да, кажется.

— Хотя на похоронах дяди Петрэ я была.

Столь будничное упоминание имени отца кольнуло Ладо. Он ничего не сказал. Но, ее слова как бы подтолкнули сознание, заставили его работать бы-

стрее. «Она не зря пришла... — думал Ладо, — но почему, зачем... что она задумала... Или господь бог, услышав мольбу, явил мне дьявола, чтобы испугать?»

Нуца оглядела полки с книгами, взглянула в зеркало, поправила на себе волосы и долго стояла перед картиной Пиросмани «Наседка с цыплятами».

— Боже, какое здесь все близкое и родное, — сказала она, ни к кому не обращаясь, — и книги, и картины, и письменный стол... И знаешь, — она обернулась к Ладо, — все похоже на тебя. Все такое же большое и громоздкое.

— Да?

— Да! А борода тебе к лицу — настоящий писатель.

Ладо улыбнулся.

— Так как же, господин писатель, вы окончательно решили записаться в ряды безработных?

— Окончательно.

Она приблизилась к нему и, кокетливо улыбаясь, спросила:

— Можно сесть рядом с тобой?

— Садись.

— Майя мне говорила, что вы с Ришардом собираетесь на Ушбу, правда?

— Не знаю, посмотрим, — Ладо не хотелось говорить на эту тему.

— Боже, как он скуп на слова! Если тебе так неприятен мой приход...

— Зачем ты пришла? — оборвал ее Ладо.

Нуца довольно долго смотрела на него в упор; потом осторожно подняла руку, повела по бороде, по шраму.

— Не спрашивай, — ответила она, слегка улыбаясь.

— Зачем ты пришла?

— Не спрашивай! — Нуца покачала головой. — Погода сама скажу.

Ладо всеми силами старался сохранить трезвость мысли, но с каждой минутой чувствовал, что из этого ничего не выйдет.

Он отстранил Нуцу, поднялся и повернул ключ в дверях. Смех Нуцы заставил его вздрогнуть.

— Почему ты запер двери?

— Просто так.

Он опустился на пол рядом с ней. Они сидели прислонившись спиной к тахте, плечом к плечу. Ладо, сам того не замечая, подпал под влияние Нуцы и сделался мягким и податливым как воск, но, когда это дошло до его сознания, ему захотелось воспротивиться ей, воспротивиться своему нынешнему состоянию. Нуца, словно угадав его мысли, не дала ему подняться.

Ладо сдался.

— Не прикасайся ко мне! — проговорила вдруг Нуца.

— Замолчи.

— Если я уступлю тебе, я должна уступить всем своим существом. Я не в силах вынести столького. Все игра... игра... В конце концов мне хочется настоящего...

— Я настоящий, — бурчал Ладо, — настоящий.

...Протрезвление оказалось более быстрым и тяжелым, чем опьянение. Ладо приоткрыл глаза и тотчас опять зажмурился и затих, даже пытался сдержать дыхание. Ему хотелось, чтобы это было видением или сном, но он ощущал у своего лица теплое дыхание Нуцы и где-то в глубине собралось в комок и двинулось к сердцу мучительно тяжелое чувство отращения к самому себе.

— Ладо, — вполголоса позвала его Нуца, — Ладо!

— Да.

— Я очень счастлива.

Ладо промолчал.

— Ты меня слушаешь?

— Да.

— Хочешь иметь от меня ребенка?

Ладо от неожиданности подскочил, схватил Нуцу за волосы:

— Что ты сказала?

Лицо Нуцы скривилось от боли.

«...У Кэту родился ребенок... мальчик...»

— Почему ты сердись? Я ведь сказала, если хочешь.

— Заткнись, — огрызнулся Ладо.

Чем больше злился и огрызался Ладо, тем податливее становилась Нуца. И Ладо со злостью отмечал, что отвечает лаской на ее ласку. Каким зельем она его опоила! Его ли одного? Нет, надо отвязаться от нее, отвязаться раз и навсегда...

— Ты любишь меня хоть немножечко? — прошептала Нуца.
— Нет.
— Врешь.
— А ну тебя.
— Ты ведь будешь со мной, ведь будешь?
— Нет.
— Почему?
— Потому что не должен быть.
— Не надоела тебе роль высокопоставленного юноши?.. Кстати, знаешь, почему я пришла? Я выхожу замуж за Бидзину, но если ты меня позовешь, вернусь к тебе. Это я и хотела сказать.
Ладо схватился рукой за голову.
— Я тебя ненавижу! — простонал он громко.
— Брось ребячиться! Разве я плохая женщина? Разве тебе плохо со мной? Чего же тебе еще надо?
Ладо мигом оделся.
— Вставай, — сказал он холодно.
Нуца стала торопливо одеваться. Все время, пока она одевалась, Ладо стоял к ней спиной, и каждый мускул его дрожал.
— Ладо...
— Уходи.
— Не говори ничего Бидзине, иначе я покончу с собой.
— А, боишься!
Нуца схватила его за руку:
— Ну и говори! Все равно он на мне женится, если я того захочу!
— Уходи.
Ладо долго сидел в темноте, не в силах пошевелиться. Его лицо пылало жаром. Потом он зажег свет и встретился с пытливым взглядом отца. Портрет на стене никогда не был для него фотографией.

Они шли вдвоем по улице. Шли медленно, не обмолвились ни единым словом до самой вокзальной площади. Бидзина был одет в пеструю рубашку с короткими рукавами и синие джинсы. Он плелся, как осужденный, смирившийся со своей участью, с трудом волочил ноги.

— Еще, еще что скажешь? — наконец заговорил Бидзина.

— Ничего больше, — сказал Ладо.

Они пересекли площадь и как по уговору направились к перрону. Все поезда, кроме «Тбилиси—Вале», уже отошли от станции.

— Как мне теперь поступить? — сказал Бидзина, обращаясь к самому себе. — И вообще как поступают в таких случаях?

Ладо горько усмехнулся.

— Ты надо мной смеешься?

— Нет...

Бидзина прислонился к газетному киоску и закрыл глаза.

— Я устал, — проговорил он вполголоса, — очень устал...

— Хотелось бы мне знать, почему мы сюда приперлись? — сказал Ладо.

— Я устал и я боюсь. Я боюсь всех: и тебя, и Нуцу, и самого себя... не знаю, как быть, что делать?

— Я тоже, Бидзина. Я противен самому себе.

— Исповедуешься, — Бидзина зло усмехнулся, — слушаю тебя, сын мой.

— Я кончил, — холодно сказал Ладо.

На перроне постепенно собирался народ, скоро должна была начаться посадка на поезд «Тбилиси—Вале», он отходил что-то около половины второго ночи. «Ох, если бы и я ехал куда-нибудь! — подумал Ладо. — Не могу больше в городе...».

Ночь была безлунная. Воздух после дождя стал еще более тяжелым. Бидзина курил одну папиросу за другой.

— Давай выпьем, — предложил он неожиданно.

Вокзальный ресторан был закрыт. Под железнодорожным мостом они направились к киоску, где продавали лимонад, колбасу, булки и прочее. Продавец после долгих просьб и уговоров вытащил из-под прилавка «левую» водку. Бидзина купил две бутылки. О закуске они и не подумали, обошли какой-то состав в тупике и присели на ступеньку вагона. Бидзина зубами откупорил бутылку. По ту сторону вагона виднелась неоновая реклама: «Пейте грузинский чай...», «Пиво приятно на вкус и полезно».

— Водка тоже приятна и полезна, — засмеялся Бидзина и отхлебнул прямо из бутылки.

Смех Бидзины пугал Ладо. Он понимал, что гнетет его душу, и знал — ничего хорошего ждать не приходилось.

— Послушай, — вкрадчивым голосом сказал Бидзина, — ^{какая} ~~какая~~ ^{нужда} ~~нужда~~ была рассказывать мне обо всем в подробностях. Какая нужда? 303 0101033

Ладо ждал этого вопроса.

— Не мог поступить иначе!

— А, вы правдолюбец, господин писатель.

Слова Бидзины больно царапнули сердце Ладо.

— Я говорю тебе правду — не смог поступить иначе.

— Для чего мне правда, которая делает жизнь невыносимой. Держи ее при себе.

— Горькая правда лучше сладкой лжи.

— А если ложь поможет и спасет?

— Правда лучше, даже если она тебя погубит.

Они замолчали.

— Я знаю, Ладо, — снова заговорил Бидзина, — что ты за птица! Что за существа люди, но не хотелось лишний раз убеждаться, что любовь, дружба, люди — все суета, чушь!.. Не хотел.

— Кто тебе сказал, что все суета?

— Суета! Все суета, суета! Чушь.

— Врешь.

— Думай, как хочешь. Что касается меня, я не могу дружить, не могу любить! Я — ничто.

— Но люди тут ни при чем, не распространяй на всех наши личные слабости.

— Браво, тирада прямо за душу берет!

— Я говорю серьезно, очень серьезно. В таких случаях не насмеваются,

Бидзина.

— Не строй из себя ангела, Ладо.

— Нет, — проговорил он тихо, — я не строю из себя ангела.

Они опять замолчали.

— Знаешь ведь, что я за птица, — крикнул вдруг Бидзина, — знаешь ведь. Так вот, отстань! Убирайся ко всем чертям!

Он был уже пьян. Ладо этого боялся.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

— Спускайся! — крикнул снизу Ришард.

Скала была метров тридцать высотой. С начала весны Ладо и Ришард напряженно тренировались то здесь, в Тбилисском ботаническом саду, то в Армази, близ Мцхета; зачастую тренировка длилась до ночи. Такая тренировка, по мнению Ришарда, имела важное значение. А Ришард знал свое дело.

Август считался наиболее благоприятным месяцем для похода на Ушбу. Ришард удостоверился, что в 1961 году Грузинский альпийский клуб не снаряжает экспедиций на Ушбу — обстоятельство немаловажное, поскольку ни у Ришарда, ни тем более у Ладо не было официального разрешения на штурм вершины. Альпинистская практика Ладо исчерпывалась студенческими альпиниадами, а Ришард повредил ногу именно тогда, когда завоевывал право подняться на Ушбу. Одним словом, узнай в альпклубе об их намерении, дорога на вершину была бы закрыта, а Ришард как член клуба был бы и наказан впридачу. Следовательно, процесс подготовки и сам поход должны были происходить совершенно секретно. Ришард после долгих раздумий установил окончательный маршрут похода; стараясь избежать по вполне понятным причинам лишнего риска, он выбрал наиболее известный и доступный путь.

Ришард полагал, что в случае хорошей погоды подъем и спуск займут пять суток, но Ушба оставалась Ушбой и надеяться на благоприятные погодные условия было бы, мягко говоря, опрометчиво, поэтому они готовились как минимум к семидневному походу.

Ришард в сотый, верно, раз перепроверял каждую мелочь, но особое внимание все же уделял физической подготовке, все время ворчал, что они недостаточно хорошо подготовлены физически, и это дорого может обойтись, и они тренировались до седьмого пота.

Ладо подчинился ему без слов, но главным для него было другое, и чем ближе подходило время отъезда, тем настойчивее овладевали им сомнения в целесообразности похода на Ушбу. В конце концов, что он мог принести, этот поход?

И сейчас, как только он добрался до вершины скалы, эти мысли вновь овладели им, но, глянув вниз и увидев улыбающихся Майю и Ришарда, он устыдился своих сомнений и почувствовал, что все равно пойдет на Ушбу, если даже будет уверен в неминуемой гибели...

Спускаться было куда легче: отталкиваясь ногой от стены, он в один миг очутился на земле и отвязал с себя веревку.

Майя и Ришард стояли у бамбуковых зарослей. Чуть поодаль со скалы в небольшую реку с шумом низвергался водопад. В бамбуковой роще было прохладно.

— Немножко тяжело работаешь, Ладо, — сказал Ришард.

— Задумался, — оправдался Ладо.

Журавский недоверчиво покачал головой. Он не сказал ни слова, но и этого одного было достаточно, чтобы Ладо снова привязал веревку и, не дожидаясь, пока Ришард станет на страховку, быстро и ловко вскарабкался на стену. Он прошел вертикаль, ритмично работая руками и ногами, легко, словно поднялся по лестнице, и тотчас же начал опускаться. И сторонний глаз мог бы убедиться, что он далеко не полностью расходует свою энергию.

Майя восторженно захлопала в ладоши.

«На него можно положиться», — подумал Ришард.

Потом они вымыли в реке лицо и руки, переоделись, сложили в сумки тренировочные костюмы и снаряжение и, перейдя дощатый мост, вошли в липовую аллею.

На Майе было простенькое в горошек ситцевое платье. И оно было ей к лицу, как впрочем все, что она ни надевала. Она была задумчива и казалась грустной.

— Я вам завидую, — сказала она вполголоса, — завидую и боюсь.

— Как, однако, медленно тянутся дни, — вставил Ладо, — уже нет никаких сил оставаться в городе.

— В августе б..будем в Бечо, — голос Ришарда звучал ровно, буднично.

На узкой кривой улице дома покосились от времени. Красный отблеск закатного солнца лежал на стеклах окон. Запыленные акации неподвижно стояли вдоль тротуаров. Ришард молча шел рядом с Майей. Ему хотелось взять ее под руку, но он не решался сделать это.

Из пекарни донесся запах горячего хлеба, и они направились к ней. Голые по пояс пекари загнутым острием железного стержня вытаскивали из торта хлеба. Ришард купил два хлеба.

— У нас б..будет блестящий ужин, — сказал он.

Они свернули на узкую улицу и вышли к Майдану.

Население в этом квартале пестрое, разноплеменное: грузины, армяне, евреи, магометане, от долгого, многовекового общения говорят здесь на каком-то особом языке и даже внешность у них особенная.

«Войду в дом твой и поклонюсь месту сему святому» — гласила древняя надпись на воротах величественного кафедрального Сионского собора. У входа сидели двое нищих. Ришард дал им по половине хлеба.

В соборе горело несколько свечей. В тусклом свете, как в тумане, виднелись иконы в богатых окладах и выцветшие фрески. Пахло ладаном. Несколько человек, опустившись на колени, молились перед алтарем.

Белобородый старик священник вышел на амвон, раскрыл книгу псалмов и приятным голосом, нараспев, принялся читать.

Майя и Ришард слушали его затаив дыхание, но не понимали ничего. Сердца их были полны светлым, всеобъемлющим чувством радости. И не было для них бога, кроме любви.

— Майя!...

— Тс-сс, — она приложила палец к его губам.

Ришард поцеловал ей руку.

— Только бы поскорее вы вернулись с Ушбы, — вырвалось у Майи.

Пожилой монах в черной рясе приблизился к ним.

— Здесь не место для этого, — строго, хмурясь, сказал он, — стыд потеряли вконец.

Смущенные, растерянные, они вышли на улицу. В конце ее жил Ришард. Перед домом был разбит маленький яблоневый сад и огород.

Платье Майи мелькало то в одном, то в другом углу сада; каждый куст приводил ее в восторг.

Комната Ришарда была маленькая, но из окна виднелась чуть не половина города, того старинного города, который именовался Тифлисом, с его крутыми подъемами, островерхими куполами церквей, «плакучей», вечно сырой от подземных источников скалой, домами, нависающими над рекой, дворцом последней грузинской царицы и Метехским замком.

— Я бы с удовольствием здесь жила, — краснея, сказала Майя.

Ришард вздрогнул и поспешно стал разламывать хлеб, потом достал из кастрюли рыбу, завернутую в толстую бумагу.

— Можно я окно открою? — спросила Майя, — Проветрим комнату.

— Я сам того же хотел, Майя, и вообще, — он загнулся, — чувствуй себя как дома!

Майя улыбнулась, кивнула головой.

— Тебе помочь?

— Н..нет, не надо, вот только воды принесу, — Ришард быстрыми шагами вышел. Сердце его ликовало.

На стене у изголовья висела фотография Ушбы. В углу комнаты валялись рюкзаки, спальные мешки, свернутая палатка — «памирка», ботинки на железной подошве, крочья, штурмовки и прочее альпинистское снаряжение. И книги, книги повсюду, где только была малейшая возможность их сложить. Книжки на письменном столе, на платяном шкафу, под кроватью, даже висевшая на гвозде обыкновенная кошелка набита была книгами. Словом, Майя находилась на квартире холостого и довольно рассеянного человека.

— Какова моя берлога? — смущенно улыбаясь, спросил Ришард и поставил на стол графин с водой. — Целую в..вечность не убирал ее.

— Мне здесь очень нравится.

— Издеваешься, — Ришард быстро и умело разделал рыбу.

— Все нет.

— Ну в..вот и готово.

— Что-то мне не хочется есть, посидим лучше, поговорим, — сказала Майя.

— Как хочешь, — с готовностью согласился Ришард.

Майя заметила на письменном столе крохотную куклу Буратино, взяла ее и, точно ребенок, поцеловала во вздернутый носик.

Смеркалось.

— Зажечь свет? — спросил Ришард.

— Не надо.

...В темноте она с трудом различала его силуэт. Поток неосознанных переживаний захлестнул ее сердце. Ее то знобило, то бросало в жар. Голова кружилась, как у пьяной.

Ришард осторожно взял ее за руку. «Какие у него нежные пальцы, — подумала Майя, — нежные и нервные».. Она закрыла глаза и почувствовала горячее прикосновение его губ. Ей хотелось плакать...

И словно оборвалась какая-то тайная струна — Майя совершенно перестала ощущать себя. Она не слышала ничего, кроме биения его сердца, и оно казалось ей биением собственного сердца..

Маленький Буратино шлепнулся на пол.

Ладо довольно давно не встречал Нукри. Товарищ показался ему сильно пережившимся: похудел, на лбу прибавилось морщин, он чаще обычного мигал своими близорукими глазами и улыбался улыбкой измученного человека.

— И ты здорово изменился! Бороду отпустил. В монастырь, что ли, собрался?

— Вернусь с Ушбы — сбрую.

— Далась тебе эта Ушба! Сванетия.. Думается мне, своим рассказом ты окончательно свел с ней счеты.

— К сожалению, не смог.

— Жаль тебя, дружище.

— Выдержим! Ушба — очищающая. Не знаю, как тебе это поточнее объяснить. А как твои дела?

— Потому-то я и пришел, — Нукри застенчиво улыбнулся.

— Что-нибудь новое?

— Скажем, да. — Нукри замялся. — Решил держать экзамены в театральный институт.

Он выжидающе посмотрел на Ладо, но тот упорно молчал.

— В последнее время меня заинтересовала пантомима, — продолжал Нукри, не дождавшись ответа, — чувствую, что могу что-то сделать.. до каких же пор петь в ресторанном джазе!..

— Слава богу, если ты это понял, только Марселем Марсо нелегко стать.

— Но человек должен что-то делать, — с отчаянием в голосе сказал Нукри, — создавать.

— Должен, но... — Ладо не договорил фразу.

— Ты хочешь сказать, что творчество не мое дело?

— Смотря, что ты понимаешь под творчеством.

— Ну и идиот я! — вздохнул Нукри.

— Не глупи.

— Гм, не глупи? Тогда научи, как мне жить! Все чем-то заняты, что-то делают, а я бренчу на гитаре. Решился поступить в театральный, а ты не советуешь. Хорошо, я тебе верю, но по какому пути идти дальше?

— Надо найти работу, Нукри.

— Работу? — Нукри засмеялся. — Да, надо, но где она? В учителя я не погуюсь, убедился. Сам ничего не знаю, как же детей учить? Копаться в чужих рукописях, вроде тебя с Майей, не могу, нервы слабы. Джаз надоел до смерти. Где же работать еще человеку моей профессии? И потом, если служить хорошо, разве ты бросил бы службу?

— Во-первых, я не бросил, а меня уволили. Да, кроме того, я без работы не останусь, устроюсь, как только вернусь с Ушбы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

...Силуэт Ушбы, словно меч, выхваченный из ножен, разрезал звездное небо. Луну скрывали облака. Ладо и Ришард, нагруженные большими тяжелыми рюкзаками, шли по ущелью вдоль реки.

Было темно, но Ладо словно видел все вокруг, как при солнечном свете. Они миновали почту, деревянное строение колхозной конторы, клуб, закусную. На обочине дороги росли тополя. Ладо потрогал рукой шершавый ствол... Из столовой доносилась песня. Пели дружно, красиво, в несколько голосов. Пир, видно, был дедовский, по всем правилам. «Может быть, и Тэмраз там», — подумал Ладо. Он вдруг живо представил себе, как войдет в закусную со своим рюкзаком, поднимет руку вверх и громко скажет: «Мир вам, братья». И как у всех расширятся глаза от изумления при виде Ладо Иашвили. Ладо махнул рукой.

В разбросанных по холмам домам светились огни. Деревня пока не спала. Вскоре показался белый силуэт школьного здания. Ладо не выдержал, не говоря Ришарду ни слова, свернул с дороги и вошел во двор. У самодельных брусьев он скинул рюкзак и направился к входу.

Стояла полная тишина. Звук шагов отчетливо слышался в ночи. Ладо шарил рукой по стенам, шел медленно, на ощупь. Учительская... Кабинет директора... Странно, но он не испытывал никакой вражды к директору, не тайл на него зла, настолько дорогие воспоминания связывали его со школой, учениками, Тэмразом. Ладо подошел к комнате девятого класса и распахнул двери.

Тяжелый спертый воздух ударил в лицо. Ладо растворил окно, и в классной комнате сразу же посвежело.

Где-то вдали рокотала река. Ладо сел за ту парту, где некогда сидела Мадиса. Он помнил каждую мелочь, вплоть до одежды бывших своих учеников, и от этого на душе его становилось легко и радостно. Он провел рукой по выщербленной поверхности парты, улыбнулся и взглянул на силуэт Ушбы.

Он смотрел и думал, что уже не может жить без нее, без рокота реки, этой школы, Тэмраза, Кэту! В течение всего пути Ладо избегал мыслей о Кэту, но сейчас, когда звездное небо столь чистым взглядом смотрело на гордую вершину, не думать о Кэту было вне его сил, невозможно было не любить ее — любовью человека, исполненного чувства собственной правоты и силы! Какими мелочными казались ему страсти и желания людей, из-за которых ему пришлось уйти отсюда. Но все давно прошло и кануло в Лету. И сейчас он как никогда верил в себя, в свои силы. «Только вечное имеет ценность, а вечное — это стремление человека созидать и любить и ничего больше» — думал Ладо и верил, что именно для созидания и любви он явлен в мир, и ничуть не сомневаясь, что покорит Ушбу, а потом начнется другая, настоящая жизнь. Он не знал, какова будет эта жизнь, но чувствовал — она начнется скоро, очень скоро. И радовался ясности своих мыслей, полагая, что они понятны и приемлемы для всех людей на свете.

Он не помнил, сколько времени просидел у окна: может, минуту, а может, и целый час... Голос Ришарда вывел его из оцепенения, Ришард звал его, Ладо стало неловко при мысли, что он покинул товарища. Он шумно сбегал вниз по лестнице. Ришард в полном снаряжении сидел возле его рюкзака. При появлении Ладо он тяжело поднялся и, не говоря ни слова, направился к школьным воротам.

Только они вышли из самолета и ступили ногой на местийскую землю, Ришарда словно подменили, он выглядел предельно собранным, стал скуп на слова. Если заговаривал, то лишь о дисциплине. Ладо улыбался про себя, однако беспрекосно ему подчинялся...

В конце села Доласуфи бил источник шипучий и вкусный, Чья-то заботливая рука огородила его железной решеткой и поставила рядом жестяную банку из-под консервов. Сколько раз Ладо, возвращаясь из школы, утолял здесь жажду! Он наполнил жестяную банку и протянул Ришарду.

— Попробуй!

Ладэ-напісе

— Не хочу.
— Попробуй, это мой источник.

Ришард отпил глоток, вылил на землю больше половины. Ладэ-напісе
вслась.

— Ты что, не в настроении? — спросил он товарища,
— Впереди трудная дорога, — коротко ответил Ришард.
— Посмотрим!
— С Ушбой шутки плохи.

— А я и не шучу, — улыбнулся Ладэ в ответ. За низким холмом шелестело кукурузное поле; впереди на склоне виднелись желтые огоньки деревни. Сейчас они подступят к речке с выстроенными на ней небольшими мельницами, чуть повыше — церковь Ламарии, окруженная дубняком...

Ладэ прибавил шаг. Начались покосные луга. Они доходили до самого подножья Ушбы. По левую руку разлеглась Шихрская долина, справа по лесистому склону горы вилась тропа. Она доходила до Гульского ледника. Гульский ледник и вел к южной вершине. Некоторое время они шли среди высокой травы, колхоз пока не приступил ко второму покосу. Качарский луг... Здесь он стал невольным свидетелем разговора Кэту и Чопэ; впервые здесь с ним столкнулся, здесь погладил Кэту по волнистым волосам и, верно, здесь впервые почувствовал, что их дороги не могут разойтись...

Долина кончилась. Ладэ снял рюкзак, вытащил свернутую палатку... Ришард не собирался останавливаться здесь на отдых: именно сейчас стоило одолеть первые подъемы, не сбиваться с хорошего темпа, но он понял, что противиться бессмысленно, и скинул рюкзак на землю.

Ладэ поспешно вбил железные клинья, привязал к ним палатку, закрепил подпорки... Палатка засеребрилась при свете звезд...

— Мне надо сходить в деревню.

— Ладэ, помнишь наш уговор? — с упреком сказал Ришард. — Личные дела после Ушбы.

— Помню, но я хочу пройтись...

— Я только боюсь, что Ушба останется в стороне, — грустно проговорил Ришард.

— На рассвете выступим.

Ладэ растворился в темноте.

Он остановился на перекрестке. Справа был дом Тэмраза, слева, — подъем. Тропинка вела к дому Кэту. Он простоял довольно долго под несмолкаемой перекличкой деревенских собак, раздумывая, не зайти ли сперва к Тэмразу...

Он пошел вверх по тропинке. Высоко в небе висел серп луны. Он шел быстро. Перевел дух только тогда, когда по-кошачьи вскарабкался на каменный забор и увидел свет на балконе дома Ушхвани. Противоречивые чувства владели им. Надо было принять какое-то точное, разумное решение — и медленно, иначе все пойдет прахом. Способен ли он был вообще соображать в эту минуту? Зубы стучали мелкой дробью. Вдоль забора при свете луны блестя листья грушевых деревьев. Ладэ схватился за ветви, бесшумно соскользнул по стволу дерева на землю, залег в молодой кукурузной поросли, прижавшись лицом к прохладной шершавой земле. Сердце отчаянно колотилось в груди, он вспотел. Воздух был неподвижен, стебли кукурузы стояли прямо, словно застыли, ни звука, ни шороха. Ладэ боялся задеть стебелек. Он продвигался ползком, осторожно, медленно. Кукурузный участок неожиданно кончился, пошли картофельные грядки. За ними темнели кусты. Рядом, у самого балкона, стоял грузовик. Ладэ, согнувшись в три погибели, добрался до кустарника, лег. Земля под зарослями была сырой. До грузовика отсюда было рукой подать, еще шаг — и можно дотронуться до колеса.

«Как быть дальше? Войти в дом, окончательно свести счеты... — Ладэ нащупал в кармане нож, — Нет, подожду, посмотрю, что будет дальше».

Кузов машины заскрипел. Кто-то ступил на него прямо с балкона.

— Ну подавай.

Ладэ узнал голос Чопэ.

— У-па-па, держи, дорогой. Хотел бы я знать, что это такое тяжелое? — голос показался Ладэ незнакомым.

Чопэ (после того, как он опустил ящик и придвинул его к борту грузовика): Весь месяц должны кормиться. Картошка, кукуруза, сулгуни, пшеничная мука и прочее. Что же еще может быть? Семья — сам понимаешь.

Незнакомец (со смехом): Как не понять, но вы так готовитесь, словно навеки решили переселиться.

Чопэ: Кэту, подавай остальное и закончим.

Кэту: Держи чемодан, второй поставим в кабине, в нем ломкие вещи.

Ладо вздрогнул, услышав ее голос.

Чопэ: Присмотри за ужином, друг спешит. Осталось еще что-нибудь?

Кэту: Ничего особенного.

«Как быть теперь? Как теперь быть!...»

Незнакомец: Где вы остановитесь?..

Чопэ: В Очамчире. Помнишь Бекирбу, моего двоюродного брата? Он в Очамчире живет.

Незнакомец: Да, знаю, как не помнить. А с машиной как?

Чопэ: Француз со мной едет, он ее и пригонит обратно. Что там машина, по мне так пусть она разобьется вдребезги, только бы с Нажгулом ничего не стряслось.

Незнакомец: Все будет в порядке, попомни мое слово.

«Ребенок заболел, — подумал Ладо, пополз вперед, чуть не коснулся лбом колеса машины. Отсюда просматривался весь балкон. Женщина в черном вынесла из комнаты стулья, расставила вокруг стола.

Кэту: Пожалуйста, прошу вас.

«Боже мой, неужели эта пожилая женщина — Кэту!!!»

Мужчины сели за стол, Чопэ налил в стаканы водку.

Чопэ: Будем здоровы, дружище!

Незнакомец (он сидит спиной к Ладо): Будь здоров! (Пьет). Все же, что говорят врачи, Кэту, а?

Кэту: Я возила его и в Местиа, и в Кутаиси... Все говорят одно, золотуха, пройдет. Когда же пройдет, и дитя измучилось, и я измаялась.

Незнакомец: На море он непременно поправится.

Кэту: Пошли тебе бог долгие лета.

Она смотрела в одну точку и говорила утомленным, тихим голосом. Ладо испугался, почувствовал, что Кэту смотрит на него, и он невольно отпрянул назад. «Кэту, Кэту. Какое горе заставило тебя стоять как свечу...».

Чопэ: В самый разгар работ приходится уезжать: там сенокос, тут картошку надо копать, кукурузу полоть... Не знаю, как быть... Да впрочем все к чертям собачьим, мальчик бы выздоровел. К тому же, одну ее нельзя отпускать... Всякая сволочь шатается окрест..

Незнакомец: За твоим хозяйством мы присмотрим, не беспокойся.

Кэту: Будь здоров! Вернемся, воздадим сторицей.

«Почему ты пришел сюда, Ладо? Хотел окончательно убедиться, что здесь тебе не место? Вот, убедись! Семья рассуждает о своих каждодневных злосчастьях, супруги бок о бок тянут ярмо, возложенное на них жизнью. Чего ты хочешь, почему ты встречаешь в их жизнь? Что было — то прошло, и никто, кроме тебя, об этом не помнит и не вспоминает. Прошлое никто не вспоминает, воспоминание о нем пробуждает боль, и оно никому не нужно. У Кэту свои заботы. Ее первенец болен. Видишь, женщина в тень превратилась, и никто не сумеет поддержать ее так, как Чопэ... Чопэ... — Слово кто-то незримый упрямо шептал на ухо Ладо эти слова, — Твои мечты разбиты, Ладо Иа-швили, развеяны по ветру твои идеалы, тьма беспробудная, ни капельки света... Уходи, жалкий ты человек, уходи...».

Незнакомец: Пора, дружище, хватит.

Чопэ: Поел бы чего-нибудь.

Незнакомец: Достаточно, приятель, будь здоров, счастливого вам пути, о своем хозяйстве не заботьтесь...

Кэту: Большое спасибо, дядя.

Незнакомец поднялся, пожал руку Кэту и направился к лестнице. Чопэ пошел его провожать. Кэту сняла черный платок и пригладила рукой коротко остриженные волосы.

«Из-за меня перенесла Кэту столько мук, по моей вине».

Чопэ закрыл калитку на засов, подошел к машине, пнул ногой задние колеса, проверяя, не спущены ли шины, и поднялся на балкон.

Потом хлопнула дверь, и воцарилось полное молчание. С деревни доносился ленивый и протяжный вой собак. Ладо ничком лежал в кустарнике. Плечи его вздрагивали.

ДНЕВНИК РИШАРДА ЖУРАВСКОГО

15 августа 1961 года.

Ни один скалолаз не сумеет подняться на Ушбу, если не владеет техникой ходьбы по льду и снегу; Ладо как будто понимает это, но я не смог заставить его потренироваться хотя бы еще два дня. Он так упрямо стоит на своем, что я вынужден выступить завтра же, иначе он пойдет в одиночку и свернет себе шею. Он удивительным образом переменялся. Все время мол-

чит — слова не вытянешь. Что с ним произошло вчера? Он не отвечает на мои вопросы, но я чувствую — он испытал великую боль.

Мы выступаем завтра на рассвете. Впереди крайне сложный путь, и мы должны осилить его. Наверное, Ладо тоже об этом думает. Палатка наша разбита у Морены. Выше — Гульский ледник.

16 августа

Гульский ледник напоминает гигантский окаменелый водопад. После него начинается снежный кулуар. Кулуар оказался удобным для подъема. За три часа мы достигли хребта Мазера, свернули направо и влезли в четырехсотметровый желоб. Здесь начало владений Ушбы, и почти все скалы и ледниковые скаты имеют названия, данные им прежними восходителями. Желоб поразительно узок и имеет довольно большой наклон. Каждую минуту можно ожидать камнепада.

Именно здесь и подстерегала нас первая опасность — здоровенная глыба с огромной скоростью понеслась прямо на нас. Я, не отдавая себе отчета, что делаю, упал наземь. Когда я поднял голову и оглянулся, Ладо стоял, прижавшись спиной к скале, стряхивал с одежды поднятую глыбой снежную пыль. Лицо его было бледно, но он улыбался...

Желоб вывел нас к «Зубцам Мазера». Здесь не нашлось и пяди земли для палатки, и мы были вынуждены штурмовать скалу. Ладо снял рюкзак и, казалось, слился со стеной. Осторожно, медленно, он одолел первые метры, потом дело пошло легче. Ладо взобрался на скалу, вбил клин и спустил привязанную к нему веревку. Сперва подняли рюкзаки; затем на вершину взобрался я. Тут оказалась довольно просторная площадка, и мы поспешно разбили палатку. В хлопотах по обеду мы и не заметили, как подкрался туман. Вскоре в двух шагах ни черта нельзя было различить. Туман принес снег с градом. В такую непогодь горячий обед особенно приятен. Отхлебнул глоток первого из жестяной кружки, и тепло блаженства разлилось по всему телу, и чувствуешь, как постепенно восстанавливаются силы. Мы пообедали и зарылись в спальные мешки. Ветер выл не переставая.

18 августа

Второй день метет метель. Через каждые полчаса мы поочередно выходим из палатки и счищаем с нее снег, иначе она может упасть под его тяжестью. Ладо сброс, рубец на его лбу посинел, он явно изможден, но в глазах его такое смиренное спокойствие, которое я редко когда в нем замечал. «Что-то совершенно новое рождается во мне, — сказал он мне, — кажется я постиг основной смысл! Надо жить для других! Это и есть высшее проявление добра, и только тогда человек обретет счастье». Эти слова мне приходилось слышать от него и прежде. Ладо неожиданно принялся расстегивать спальный мешок. Расстегнул, присел.

— Ух ты, как понятна и бесценна жизнь! — выдохнул он. — Этот ураган.. Ушба... и то, что мы с тобой сидим здесь, мечтаем о вершине и мерзнем, а внизу люди ступают по самому сердцу солнца.. Наше это все, все это наше с тобой!..

У каждой вершины, что у человека, свой особый характер. Никому ногой не ступить на вершину, не изучив, не поняв ее характера, не приоровившись к ней, не полюбив ее. Ни непомерная выносливость, ни техническое мастерство не помогут осилить физическую нагрузку, нервное напряжение, страх смерти; ничего не поможет, кроме любви.

Человек должен любить вершину, которую он решил покорить. Альпинисту надо быть и фанатиком. Не знаю, можно ли меня с Ладо считать истинными альпинистами, но прошедшие двое суток убедили меня, что мы любим Ушбу, и фанатизма у нас предостаточно.

Всю прошлую ночь мне снилась Майя. Впрочем, не могу сказать с уверенностью, снилась или чудилась. Мы ходили по улицам Кракова, взявшись за руки, ходили долго по узким мощеным улицам. С Ратуши доносился бой часов. Часов времен Коперника. Как все это странно — будто воочию увидеть родину далеких предков, которую никогда не видел, в этот трудный час. Я долго об этом думал, и мне очень хотелось очутиться в Кракове.

Вместе с тобой, Майя.

19 августа

Распогодилось. Только наметился рассвет, мы разобрали палатку. Фиде-
товый отблеск зари ложился на заснеженные выступы Ушбы, и свет восходя-
щего оранжевого солнца явил перед нами величественную картину. Все во-
круг виднелось как на ладони. На северо-западе высился старый двуглавый
Эльбрус, окруженный необозримыми фирновыми полями, и дальше множество
заснеженных горящих фиолетово-оранжевым светом вершин, на западе и
частью юго-западе разлежся просторный ледник Ушбы. Далеко внизу под Сва-
нетским хребтом сквозь прозрачные облака виднеется темное узкое ущелье.
На западе — Тетнульд, словно одетый в свадебный костюм, окруженный
друзьями, и, наконец, Ушба в стальном шлеме. С восьмисотметровой высоты
смотрит она на наш крохотный лагерь.

Мы наспех перекусили и собрались в дорогу. План заключался в следую-
щем: пройти «Галстух» — наклонный снежно-ледовый кулуар и сравнитель-
но легкие скалы до «Красного уголка». Солнце уже поднялось и палило не-
щадно. Запарившись, мы, наконец, вышли к основанию «Галстуха». От-
сюда надо было пересечь западную, самую сложную часть склона. Камни и
осколки льда градом сыпались сверху. Мы и шагу не смогли ступить дальше,
а до «Красного уголка» оставалось часов шесть ходьбы. С величайшим трудом
мы выровняли лед и установили палатку. Ладо было трудно идти по снегу, но
он всеми силами старался не выказаться этого. Глядя на него, я невольно ду-
маю, как силен человек! Его можно уничтожить, но не победить!

Из селения Бечо Ушба похожа на башню, в какой обычно живут кисти-
цы, с Тетнульда — на два копыа, нацелившиеся в небо... Если где-нибудь зна-
ют о Кавказском хребте, знают и о существовании Ушбы. Не думаю, чтобы на
нашей планете отыскался альпинист, который не мечтал бы подняться на Ушбу.
Пожалуй, даже покорители Эвереста и Анайурны с гордостью рассказывали
бы о покорении Ушбы. И вот мы, Ладо Иашвили и Ришард Журавский, вдвоем
одолели Ушбу!

С продуктами плоховато. Не знаю, на долго ли их хватит? Впрочем, не
хочется думать об этом.

20 августа

Сегодня кое-как одолели «Красный уголок». Устали до крайности; после
полудня я стал замечать, что пальцы ног начинают мерзнуть, но не было ни-
какой возможности даже для самого короткого отдыха. В небе собирались об-
лака, а мы застряли в теснинах «Красного уголка», и непогода сулила неот-
вратимую гибель. К счастью, тучи прошли стороной, но как будет с ногами, не
знаю. Мы укрылись под узким скальным выступом, забили клинья в стену и
привязали к ней веревки. Вперед самый трудный отрезок пути: высочен-
ная отвесная стена, от одного взгляда на которую рябит в глазах, кружится
голова. Именно эта стена снискала Ушбе имя труднейшей вершины. Ладо дол-
го немигающим взглядом смотрел на испещренную пятнами снега и льда
фантастическую пирамиду. У него было какое-то неземное выражение лица,
словно он стоял далеко-далеко от всего, что его окружало. Если и впрямь воз-
можен разговор с богом, так именно в такие мгновения. А беспощадная дей-
ствительность упрямо напоминала о себе. В рюкзаках осталось продуктов ни
больше ни меньше как на два дня. Я осторожно заметил: «Не повернуть ли нам
обратно, продукты, да и силы, на исходе». «Мне не нужно пол-Ушбы», — от-
ветил Ладо. Я устыдился собственной слабости. Дорога ведет к вершине — это
яснее ясного.

Я думаю о тебе, Майко! До обидного мало длилось наше счастье.

21 августа

Стена нас измучала. На самые сложные пятнадцать метров ушло целых
четыре часа. Последние несколько метров кажутся вовсе непроходимыми.
Внезапно раздался крик Ладо: «Веревка! Веревка! Клинья!». Видно, стену
уже кто-то брал и оставил веревку. Слепой случай или счастье! Благо, сово-
ршенное милостивой рукой, свалилось нам на голову. Клинья были надежно вби-
ты в стену. Собрав последние силы, мы поднялись на скалу, переходящем не-
много и — к вершине. До нее теперь уже рукой подать. Палатку следует раз-
бить сейчас же, чтобы по возвращении с вершины нас ждал ночлег. Так рас-
суждали мы, но Ушба думала иначе. Она обрушила нам на головы ураган.

Ветер трижды сбивал палатку. Теперь-то, кажется, мы окончательно в западном лагере.
Остается только мечтать о быстром конце без мучений. Замерзшие

Я сбиваюсь с мыслей, не могу увязывать их в единое целое. Распухшие руки с трудом держат карандаш, но я все же пишу. И раз я не считаю, что вести дневник бессмысленно, значит, в глубине души все же теплится надежда. Но на что я надеюсь? В чудеса я не верю.

22 августа

Мы валяемся, как падаль. Прошлый ураган был игрушечным по сравнению с этим. Несколько раз мы тщетно пытались выбраться из палатки, но пройти метра два оказалось неразрешимой проблемой. В примусе осталось горячее, но варить нечего. Остались две плитки шоколада.

- Наша песенка спета, — говорю я.
 - Боишься смерти? — спрашивает Ладо.
 - Не могу ее себе представить. И Майю жалко.
 - Мы спасемся, увидишь! — Его голос звучит уверенно.
- Я зажег фонарь — и испугался выражения его глаз. На что он надеется?

23 августа

Погода установилась такая, будто в этих краях сроду не бывало ни тумана, ни ветра, ни снегопада. Тишь да гладь. Мы тащимся черепашным шагом. Через час показался заснеженный хребет — последний отрезок пути к вершине. Идти по свежему снегу вдвое труднее. Тяжелое, частое дыхание раскалывает тишину. Нервы напряжены до крайности. Вдруг Ладо дико взревел, сорвался с места. Я потащился за ним, ничего не понимая, ничего не видя перед собой.

Мы стояли на вершине. Большое горячее солнце всплывало над Ушбой. Ладо опустился на колени. Крупные слезы катились по его небритым щекам. «Меня мучает жажда», — сказал он хрипло и сгреб со льда снег.

Перевод Нодара ТАРХНИШВИЛИ

Рассказы

СТАРИК и девушка, видимо внука, сидят на переднем сидении.

Сзади, там, где кончаются сидячие места, стоит парень и, не отрываясь, смотрит на девушку.

Автобус набит до отказа, иголочки негде упасть.

В проходе застряла женщина и ругает водителя: зачем посадил столько народу, разве можно ехать в такой духоте?!

Парень беспокойно переступает с ноги на ногу, пытается пройти вперед, но его не пропускают. Тогда он окликает приятеля, который стоит впереди, и указывает ему глазами на старика.

— Спроси, ему зять не нужен?

— Сам спроси.

— Дед, а дед, вам зять не требуется?! — громко, перекрывая шум автобуса, спрашивает парень.

Пассажиры хохочут.

Автобус сразу становится похожим на зрительный зал, который потешается над остротами комика.

— Я спрашиваю: вам зять не требуется? — повторяет парень, польщенный общим вниманием.

— Отчего же... — не поворачивая головы, невозмутимо отвечает старик.

— Тогда давайте сначала зайдём в закусочную, которую недавно открыли у моста, а оттуда — прямо к вам!

— Ты сперва свой дом дострой!

Девушка краснеет и толкает старика локтем: неудобно, мол, не отвечай ему...

— А что дом? Совсем немного осталось... Человек я хороший, работаю... По борьбе третий разряд имею!

— Знаю, знаю. В воскресенье троих уложил...

— Не хотите — не надо! Оставьте ее себе!

— И оставлю. Что с ней сделается: не молоко — не прокиснет!

Пассажирам весело. Автобус останавливается, и водитель начинает пререкаться со здоровенным мужчиной в папаше, который выходит на остановке.

— С тебя рубль.

— Я отдал!

— За себя. А за барана?

— С ума сошел, что ли?

— Я же говорил тебе, что за барана тоже надо платить!

— А я сказал, что не дам.

— Тьфу! — возмущенно сплевывает водитель и включает скорость.

Спектакль продолжается:

— Дед, а вы мне «Волгу» купите?!

— Ишь ты, чего захотел! Твой дед, что, всю жизнь на «Волге» разъезжал?

— Тогда другое время было.

— Очень хорошее было время...

— Вот погодите — вернусь после армии, тогда узнаете!

— Грозишься? Плевать мы на тебя хотели!

— Украду ее!

— А спина у тебя не чешется? Может, моей палки захотел?

— Я ведь упрямый, умру, а от своего не отступлюсь!

— Вот-вот! Весь в деда пошел: такой же разбойник, как и он!

Автобус некоторое время еще трясется по дороге, потом останавливается. Парень выходит.

**СЧАСТЛИВЫЙ
КОНЕЦ**

— Эй ты, жених! Не забудь на свадьбу пригласить! — кричит ему приятель, выснувшись из окна.
Автобус трогается. Пассажиры, как бы прощаясь с понравившимся им человеком, смотрят на парня. Он широко улыбается и машет всем рукой.
Девушка сидит, опустив голову и чуть не плачет от стыда. Старик сердито сопит.

В автобусе тихо. Только слышно, как натужно гудит мотор.

— У них в роду все такие сумасшедшие... — говорит старик, обращаясь к пассажирам. — Его дед-покойник красивым девушкам проходу не давал, а женился на хромой и кривобокой... У этого тоже не все дома!

...Но мне все-таки кажется, что у этой маленькой истории должен быть счастливый конец!..

КОНЬ

ПО ДЕРЕВНЕ слух пронесся: арестовали Несторова сына, Рыжего. Давно все знали, что Рыжий не чист на руку, но, как говорится, «не пойман — не вор», и соседи, стараясь оградить себя от его набегов, заискивали перед ним и даже дружески

улыбались ему при встрече, и каждый думал: у меня-то он не украдет, а у других пусть ворует...

На этот раз Рыжего поймали с поличным: забравшись ночью к одинокой вдове, он утащил индейку.

И вот Рыжий, подняв плечи и насупившись, сидит в кузове грузовика между двух милиционеров и нагло пялится на обступившую его толпу.

Все молчат и ждут, что будет дальше.

Но ничего особенного не происходит. Грузовик медленно трогается... И тогда из толпы выскакивает сгорбленный, высохший старик и тонким, пронзительным голосом кричит:

— Попался, злодей! Думаешь, я не знаю, кто в прошлом году коня у меня увел? Теперь-то ты за все расплатишься!!!

— Молчи, старый черт! Выйду из тюрьмы, все кишки из тебя выпущу! — огрызается Рыжий.

Один из милиционеров дергает его за руку. Машина убыстряет ход, старик едва поспекает за ней.

— Рад бы, да не успеешь, нет! — кричит он. — Когда тебя выпустят, от моих костей один прах останется!

Толпа по-прежнему молчит.

Старик останавливается и растерянно смотрит на односельчан:

— Верно я говорю? Разве мне дожить до того времени?

Никто не отвечает ему.

— Слышали? Выйду, говорит, из тюрьмы... кишки выпущу, говорит...

Люди словно онемели...

— А какой конь у меня был! Ах, какой конь! Как за дитем родным ходили за ним я и моя хозяйка... Она, можно сказать, с горя померла... А этот ирод... продал коня на базаре... какому-то лезгину...

Старик смахивает рукавом набежавшую на глаза слезу и, одинокий, сгорбленный, плетется к своему дому.

ХОЛОДНО. Темно. Небо очистилось, и от этого стало еще холоднее. Возле сельмага уже никого нет, все разошлись по домам. Только Большой и Малыш еще топчутся на месте и тихо переговариваются. Делать им нечего.

На Большом — короткий стеганный ватник и грубые солдатские сапоги. Он не такой уж большой, но рядом с Малышом кажется огромным и совсем взрослым. Малыш одет в длинный, до пят, старый тулуп, который все время путается у него в ногах. меховая шапка надвинута на глаза, руки засунуты в рукава, но малычику все равно холодно, и, чтобы согреться, он, неуклюже подпрыгивает на месте.

БОЛЬШОЙ И МАЛЫШ

Если говорить об их дружбе, то Большой напоминает рослого коренника-тяжеловоза, который уверенно ступает по дороге, а Малыш, словно несмышленный жеребенок, бездумно и доверчиво бежит за ним.

Подул ветер.

— Пошли домой... — едва слышно лопочет Малыш.

— Чего выдумал! Смотри — небо чистое, да и снег перестал!

— Ну и что? Еще холоднее будет!

— Терпи, казак!

— Ноги замерзли...

— Ты — как девчонка!

— Сам ты — как девчонка!

— Конечно, ты — девчонка. Посмотри на себя: на кого ты похож?

Совсем стемнело. Из-за деревьев выползла большая круглая луна. Зажглись звезды. Прошел участковый и подозрительно покосился на парней.

— Вы чего здесь?

— А ничего... Стоим...

— Проваливайте отсюда!

Стало еще холоднее. Мороз пробирает до костей. Вокруг ни души, тишина. Не слышно ни стука топора, ни мычания коров. В домах светятся окна. Над крышами поднимаются струйки дыма.

— Пошли, вина выпьем! — предлагает Большой.

— Выдумал тоже...

— Девчонка ты!

— Ладно, пусть девчонка, раз ты так говоришь...

— Ты когда-нибудь был пьяный?

Малыш никогда не пил, и поэтому сказать ему нечего.

— То-то и оно! — говорит Большой.

— Можно подумать, что ты... что ты... — бормочет Малыш.

— А кто прошлый раз два литра вина выпил?

— Два литра... Как же, ври больше!

— Не веришь? Кто из нас врет, тот... хочешь заругаюсь?

— Ругайся... Подумаешь!

— Знаешь что, не стану ругаться.

Большой и Малыш заходят в закусную. Там пусто. Печь погасла, и в помещении почти так же холодно, как на улице. Толстый буфетчик сидит в углу за столиком и считает на счетах. Большой решительно подходит к стойке.

— Бутылку «Саперави»!

Буфетчик встает и, смерив Большого оценивающим взглядом, откупоривает бутылку. Потом кладет на тарелку несколько ломтиков сыра и пучок зелени:

— Учти, чтобы потом разговоров не было... Отец твой и вчера бранил меня. Зачем, говорит, парня спаиваешь! А я что?! Разве ты маленький? Сколько тебе?

— Двадцать, — округляет Большой. — В чем дело?

— А в том: откуда у тебя деньги?

— Как откуда? Сам заработал. Всю осень с трактора не слезал!

Буфетчик замолкает и возвращается к своим счетам. Большой и Малыш проходят в глубину зала и садятся за столик. Большой разливает вино. Малыш сразу отодвигает свой стакан. Большой понимающе кивает головой и на этот раз воздерживается от замечаний: пьет сам и сам же исполняет роль тамады.

— Перво-наперво выпьем за родителей! Не будь их, нас тоже бы не было на свете... А этот тост — за наших друзей: за тех, кто в армии, за Вахтанга и Паату. Скоро меня тоже призовут.

— И меня... — тихо произнес Малыш.

— Выпьем за тех, кого мы любим! — продолжает Большой и вдруг начинает смеяться.

— Ты чего веселишься? — спрашивает из угла буфетчик.

— За девочек пьем! — объясняет Большой и поднимает стакан.

— Весь в отца пошел! — усмехается буфетчик и качает головой.

Большой уже опустошил бутылку. Его смуглое, коричневое от загара лицо покраснелось, губы стали совсем пунцовыми. Положив в рот стручок перца, он, не жуя, проглатывает его, затем встает. Следом за ним поднимается и Малыш.

— Получи с нас! — солидно, по-взрослому говорит Большой и бросает деньги на стол. — Сдачи не надо!

— Веди себя тихо. И не вздумай идти в кино — ты уже пьяный, — говорит ему буфетчик, не двигаясь с места.

На улице всюю светит луна. Резкие тени лежат на снегу. Светло, как днем.

— А ты девушек целовал когда-нибудь? — спрашивает Большой, глядя на Малыша сверху вниз.

Малыш никогда не целовал девушек и молчит.

— То-то и оно!

Глаза Большого неестественно блестят, и Малыш отводит взгляд в сторону.

— Можно подумать, что ты... — шепчет Малыш.

— А кто тогда... в прошлый раз... там...

— Не знаю, меня там не было.

— Не знаешь, не говори!

Некоторое время они идут молча.

— Холодно, — говорит Малыш, зябко поводя плечами и почти с головой закутываясь в свой тулуп.

— Пойдем Нателу напугаем! — неожиданно предлагает Большой.

— С ума сошел? Ее отец нам такое задаст!

— Ее отец в городе. И мать тоже.

— Небось вернулись...

— Да нет, автобус пустой пришел.

— Мне домой надо...

— Ну разве ты мужчина?

— Ладно, пусть так и будет, раз ты говоришь...

— Пойдем, мне нужно ей что-то сказать!

— Она звала тебя?

— А то нет!

— Умоляла? Приходи, говорит, не то повешусь?!

— Не хочешь, не надо. И без тебя обойдусь!

Большой убыстряет шаги, надеясь, что Малыш по обыкновению побежит за ним, но тот остается на месте, и Большой, отойдя на некоторое расстояние, тоже вынужден остановиться.

— Идешь или нет? — с угрозой в голосе спрашивает он.

— Мне надо домой...

— А ну иди сюда! Кому я говорю? — Сопя от злости, он медленно подходит к Малышу. Тот в упор смотрит на него, задрвав кверху голову.

— Значит не хочешь?

— Не хочу! Чего ты привязался?! — выкрикивает Малыш, и Большому слышится в его голосе такая решимость, что он понимает: Малыша теперь никакими угрозами не испугаешь.

Неожиданно Большой размахивается и бьет Малыша по щеке. Малыш в ответ тоже замахивается, но запутывается в тулупе и падает.

Большой уходит. Малыш поднимается, отряхивается от снега. У него от обиды застрял комок в горле. В эту минуту ему кажется, что между ним и его приятелем все кончено и что они уже никогда не будут разговаривать друг с другом. От жалости к себе и от охватившего его тоскливого чувства он начинает плакать.

А Большой размашисто шагает по дороге.

Холодно. Кажется, что морозный воздух потрескивает словно тонкая корочка льда на застывшей поверхности реки.

Большой идет, не оглядываясь.

На площади возле родника — ни души.

У почты тоже никого не видно.

В клубе фильм уже давно начался, и дрожащие от холода безбилетные мальчишки толпятся у окон, пытаются хоть что-нибудь увидеть сквозь неплотные закрытые ставни.

Большой сворачивает с дороги на темную улочку.

Слева от него за плетеной изгородью кто-то рубит дрова.

Справа за дощатым забором — знакомый дом.

Большой останавливается. «Интересно, что делает Натела?» — думает он, глядя на освещенные окна. Ему очень хочется курить, но папирос нет. Разгоряченному алкоголем телу не холодно. Большой тяжело дышит, и клубы пара срываются с его полураскрытых губ.

Он что-то тихо поет. Потом громче.

Но в окне никто не появляется.

За изгородью по-прежнему раздается стук топора. «Нашли время дрова рубить!» — думает Большой и, движимый любопытством, подходит к плетню.

Во дворе Жужуна, неловко взмахивая топором, колет дрова.

Большой прислоняется к изгороди и пристально смотрит на женщину.

Три года назад Жужуна вышла замуж и уехала в город.

Потом вернулась в деревню — одинокая, без мужа, без детей...

Жила она тихо и замкнуто. Странилась мужчин. Зато на праздниках не было человека веселее Жужуны: и петь, и играть на гитаре была она большая любительница. Кое-кому в деревне такая веселость женщины казалась подозрительной, и о ней ходили разные слухи. Однажды пьяный председатель колхоза даже решил нанести ей визит среди ночи, но был с позором выгнан. Говорили, что Жужуна запустила в него кирпичом. Об этом кирпиче особенно долго судачили деревенские кумушки. Так же, как и о том, что Жужуна каждую субботу и воскресенье уезжала в Телави или Гурджаани; видели ее и в Тбилиси. Эти поездки тоже служили пищей для различных сплетен.

...Итак, Жужуна колола дрова.

Большой был навеселе, пожалел женщину и тихо кашлянул. Она подняла голову, узнала его и, помахивая топором, направилась к изгороди.

— Добрый вечер, Жужуна!

— Кого ты там выглядываешь?

— Я? Никого.

— Меня не проведешь! Поджидаешь кого-нибудь?!

— Да нет, просто так стою.

— Так я тебе и поверила!

Она провела рукой по блестящему в лунном свете лезвию топора.

— Ну и стой себе! Нет чтобы зайти и помочь женщине дрова наколоть!

Большой усмехнулся:

— Отчего же, наколю...

— Тогда заходи. Сил моих больше нет. С утра в город ездила, а вернулась — в доме такой холодина, как в погребу!

Большой посмотрел по сторонам и, убедившись, что на улице ни души, перемахнул через плетень.

Жужуна оглядела его с ног до головы и одобрительно улыбнулась:

— Бери топор... Ну и высоченный же ты стал! Трудно поверить, что когда-то я тебе сопли вытирала!

Большой не ответил и, взяв топор, направился к сараю, возле которого лежала куча толстых сучковатых дров.

— Ты мне несколько чурбаков расколи... дня на два хватит, а больше и не надо!

Большой взмахнул топором и расколел чурбак надвое.

— Ну и силища у тебя!

Парень положил топор, снял с себя ватник и перебросил его женщине. Та на лету поймала, опасливо посмотрела по сторонам и накинула себе на плечи.

Ватник был еще теплый изнутри.

— Как холодно... — поежилась Жужуна.

Оставшись в одном свитере, Большой продолжал махать топором. На Жужуну он не смотрел. Под его сильными ударами раскальвались чурбаки, летели в стороны щепки. Готовые дрова он складывал в аккуратную поленницу у стены сарая под навесом.

— Не спеши так... не торопись... — шелотом говорила женщина.

Парень не отвечал ей. Она продолжала:

— Дня на два хватит, а там и зиме конец... потеплеет...

— В случае чего, ты меня кликни, мне это дело — раз плюнуть!

— Где я буду тебя искать? Можно подумать, каждый день встречаемся... месяцами на глаза не попадаешься...

— Зачем меня искать, я здесь.

— Мелко не коли, оставь так... Щепки-то, они быстро горят, а тепла не дают...

Большой бросил на снег топор и перевел дыхание. Он вспотел и то и дело шмыгал носом, по которому стекали капельки пота.

— Устал, небось? — участливо спросила женщина.

— Нет!

— Ну и сильный же ты, прямо богатырь!

Они стояли очень близко, почти вплотную, и, не отрываясь, смотрели друг на друга.

— Положи мне на руки несколько поленьев, я отнесу их домой, — сказала Жужуна.

— Я сам отнесу.

— Да что это с тобой сегодня творится? — неестественно засмеялась она.

Большой наклонился над поленьями, двумя руками сгреб огромную охапку дров и выпрямился:

— Накладывай еще!

Жужуна схватила еще несколько поленьев, положила их сверху, и парень медленно и тяжело, словно медведь, направился к дому. Она торопливо сбежала за ним, потом обогнала его и, распахнув дверь на террасу, остановилась в ожидании.

Тяжело дыша, согнув спину и прижимая подбородком верхние поленья, Большой поднимался по лестнице.

Под его ногами скрипели ступени.

Он сбросил дрова на пол террасы с такой силой, что дом даже качнулся.

— Осторожнее, медведь! Дом развалишь! — засмеялась Жужуна.

Они опять стояли друг против друга. Она по-прежнему улыбалась, а он не смел взглянуть ей в глаза.

— Думаешь, я не знаю, кого ты ждал? — сказала Жужуна, кокетливо склонив набок голову.

— Много ты знаешь...

— Знаю... в первый раз, что ли, тебя здесь вижу?

Она подошла к нему еще ближе.

Парень тяжело дышал.

— О-о, какой ты горячий! — сказал женщина.

Большой усмехнулся.

— А я-то думала, что...

На какое-то мгновение он вдруг нахмурился, и она испугалась.

— Значит, ты вышел? — спросила Жужуна уже другим тоном.

Парень снова засмеялся.

— Смотри, не ходи никуда... В прошлый раз, когда ты затеял драку, тоже пьяный был.

Голос женщины доносился до него словно откуда-то издалека.

— На, возьми, простынешь, — она скинула с себя ватник.

Большой протянул было руку, но Жужуна знаком остановила его: не нужно, я сама, и, приподнявшись на цыпочки, накинула ватник ему на плечи... Руки ее сплелись вокруг его шеи. Отступив назад, она уперлась спиной в дверь комнаты, распахнула ее и потянула за собой парня...

Дрожа от нетерпения, она целовала его в глаза, щеки, подбородок...

— Устал? — чуть слышно спросила Жужуна, проводя рукой по его мокрому лицу.

— Отстань, — огрызнулся Большой.

— Что с тобой?

— Ничего...

Натянув брюки, Большой встал.

— Уходишь?

Он промолчал.

— Подождал бы немного...

— Чего тебе еще?

— Ничего...

— Завтра вечером?..

— Чего завтра вечером?

— Прийти...

— Ты только не подумай ничего плохого... И не осуждай меня. Я никогда не была счастлива. А увидела тебя и... впервые почувствовала, что... Каждую ночь ты снился мне... Ты ведь ничего не понимаешь... Ничего еще не понимаешь...

Парень уже стоял в дверях.

— Постой!

— Чего тебе?

— Смотри, никому...

— Маленький я, что ли?

— Поклянись, что никому не скажешь!

— Не скажу, не бойся.

— Людям только дай повод, начнут языком трепать...

— Не скажу!

— Руки наложу на себя!

— Ну, обещал же...

Парень уже спускался по лестнице. Стоя на террасе, она шепотом продолжала:

— Задами иди, через виноградник, а то встретится кто-нибудь.

— Не бойся, не увидят.

— Еще подумают чего...

— Что подумают?

— Мало ли что, знаешь, какой у нас народ!

Парень уже подошел к калитке.

— Спокойной ночи пожелал бы... Эх, ты!

— Спокойной ночи!

Он вышел на улицу. Сделал несколько шагов и остановился.

Долго стоял, прислонившись к изгороди.

Потом вдруг засмеялся. Громко, радостно. И побежал по улице, смеясь все громче и громче.

Большой стоит перед домом Мальша. В одном окне горит свет. Там уютно и тепло. Мальш, наверное, читает книгу или возится с радиоприемником.

Большой перелезает через забор, крадучись подходит к окну и издает условный свист.

Окно открывается.

— Это я, — шепотом говорит Большой. — Ваши спят?

— Ага.

— Выйди на минутку, что-то расскажу.

— Сейчас. — Мальш захлопывает окно.

Большой терпеливо ждет.

Скоро появляется Мальш. Подойдя к Большому, он покорно останавливается.

— Смотри, не простудись, — говорит Большой.

— Ничего.

Большой с минуту нерешительно смотрит на приятеля, словно решая какой-то мучительный вопрос, затем неожиданно тихо говорит:

— Стукни меня, если хочешь...

Мальш поворачивается к нему спиной.

Оба молчат.

— Зачем пришел? — наконец выдавливает из себя Мальш.

— Так, — расплывается в улыбке Большой.

— Смейся, смейся...

И Большой смеется. Потом вдруг делает «стойку» прямо на снегу, потом, перекинувшись через голову, прыгает высоко, нелепо размахивая длинными руками, и, наконец, издав радостный вопль, выбегает на улицу. Он бежит посреди улицы, высокий, широкоплечий, в распахнутом ватнике, хорошо видный в ярком свете луны, и вдогонку ему со всех сторон несется собачий лай. В домах зажигается свет, открываются двери, оттуда выбегают заспанные хозяева, успокаивают животных. Становится опять тихо, и теперь уже только издали, совсем издалека доносятся едва слышный топот ног и радостные крики.

«Придешь завтра? Пораньше приходи... Смотри, не заставляй ждать!».

...Так прошла эта зимняя ночь...

И конечно же, в небе по-прежнему светит луна, по-прежнему сияют звезды, и по-прежнему холодно, очень холодно...

Перевод Лили ГРОМЕКО

ДАРИКО и **КЕТО** потеряли мужей в войну. У каждой осталось по одному сыну, и мальши росли без отца.

Оплакали вдовы мужей. Подчинились судьбе.

О замужестве не думали. Смирившись со своим одиночеством и вырастили сыновей.

Прошло время, и память о мужьях померкла. Мальчики переросли отцов, и пришла пора обзавестись им семьей. Вдовы и тут не оплошали, разыскали каждому по невесте. И свадьбы сыграли в один год: сын Дарико женился в октябре, а сын Кето — в ноябре.

На свадьбе не принято грустить, и мудрый тамада вспомнил о погибшем отце жениха лишь под утро, когда захмелевшие гости начали расходиться: жаль, сказал он, что хозяина дома нет среди нас и он не может потанцевать на свадьбе своего мальчика. Вот и все... Потом опять заиграли плясовую, опять спели и станцевали.

Через год, осенью, у сына Дарико родился мальчик, а у сына Кето — девочка. Прошло немного времени, и сын Дарико обзавелся еще двумя мальчиками, а сын Кето еще одной девочкой, после чего они решили не иметь детей, испугавшись, как бы третья тоже не оказалась девчонкой.

СМЕХ

Их дворы разделяет общая изгородь.

Посреди изгороди, разумеется, растет большое ореховое дерево.

По одну сторону изгороди, у Дариго, визжат, как поросята, три овчарки, по другую сторону, у Кето, пищат две девчонки.

У Дариго — далеко не ангельский характер, у Кето — тоже. Раз в году, обычно в начале осени, они ссорятся из-за межевого орехового дерева. Потом, когда наступает пора собирать урожай и соседи должны прийти на помощь друг другу, они мирятся и уже до будущей осени, пока не поспеют орехи, живут в согласии и мире. Но жители деревни любят трепать языком, и все удивляются, как молодые невестки уживаются с такими сварливыми свекровьями. А невестки как раз оказались тихими, покладистыми. И с ними Дариго и Кето — не знаю, от души ли, или чтобы досадить соседям, — прекрасно ладят.

Одним словом, в обеих семьях царит спокойствие...

Годы берут свое, и теперь у женщин нет былого задора и сил. То у одной заболит что-то, то у другой. Правда, старухами их еще не назовешь, они только вдовы — с натруженными, мозолистыми руками, с обветренными, обожженными лицами, сухие и жилистые. И, конечно, без их помощи сыновья вряд ли смогли бы выстроить себе такие ладные дома или ухаживать за такими большими виноградниками.

В нынешнем году тоже собрали урожай. Вино уже бродит в марани...

Как-то вдовы решили: дай-ка съездим в город — давно там не были; продадим лобю и купим кое-что для дома. Торговать на базаре в то время в деревне считалось позорным занятием, да и семья не нуждалась в деньгах, вырученных за продажу фасоли. Просто подружки причину нашли, в свет решили выйти, на мир поглядеть и себя показать. Сыновья тоже не были против, только сказали им: делать вам нечего, сидели бы дома, не видите, сколько забот у невесток, присмотрели бы лучше за детьми, сейчас самая пора вам этим заняться, старые уже... Но матери рассердились: вы, говорят, ничего не понимаете, думаете, все, что у вас есть, само собой дается? Семья, как большой кувшин, многого требует... народили детей — дай бог им здоровья! — и заботы вам мало, думаете, они сами собой вырастут?!

Сыновья промолчали в ответ, и женщины начали готовиться...

А невестки, тихо посмеиваясь, шептались между собой: жаль, что свекровям раньше не пришло в голову убраться из дому: теперь-то мы наведем здесь порядок, и мебель расставим как хотим, и занавески на окнах по нашему вкусу повесим...

Отправились они в город.

Лобю продать сперва не смогли. Торговля требовала особой сноровки и умения.

Сбавили цену, и тогда нашлись покупатели. Но один из них все-таки сказал: а если фасоль хорошая, зачем так дешево цените?

И женщины обозлились на город.

Затосковали по дому, пригорюнились.

Покинули базар. Одну пару теплых носок купили себе, одну — невесткам: все равно, мол, спасибо не скажут! Для детей сладостей всяких накупили, сыновьям — каждому по рубашке и по паре ботинок. Поели мороженого, попили газированной воды и уселись в поезд...

Теперь ночь, и они от станции направляются к дому.

Им кажется, что прошла целая вечность с тех пор, как они не видели своих.

Обе молчат.

Обе думают об одном и том же.

Вдали виднеется объятая мраком деревня.

В тишине только и слышно, как шумит гравий под ногами.

Деревня все ближе, и подруги заводят беседу.

— Не наше дело по базарам ходить...

— Вот-вот! И что нам в голову взбрело в город тащиться!

— Главное, все у нас дома есть: и еда, и питье, и одежда...

— Это им там, в городе, жрать нечего!

— Дай бог здоровья нашим детям!

— А внукам?

— Внукам в первую очередь, соколятам моим!

— Сегодня какой у нас день, вторник? Значит, старший на танцы пошел, средний — на музыку, а третий, небось, с утра банки с вареньем вылизывает, обжора!

- Твой-то парень вроде выпить любит?
— Как все, милая... как все!
— А ну их, пусть пьют на здоровье! Свое же вино, сами делали.
— А те... разве те не пили?
— Еще как, царство им небесное...
— Гляди, огни показались!
— Да мы уже дома, два шага осталось...
— Чтoб им пусто было, окаянным!
— Кому?
— Горожанам.
— Чем они тебе не угодили?
— Так говорю, к слову...
— Интересно, дрова наколол мой парень?
— Наколол, конечно, а как же.
— Да нет... Когда я дома, он на меня все смотрит, ждет, пока я сама
наколол!
— Мой тоже. Ни за что топор в руки не возьмет!
— Заходи завтра.
— Посмотрим...
— Заходи, заходи. Сама говорила, квашеной капусты и красного вина
хочется!
— Ты смотри, не разболтай всему свету.
— Что?
— А то, как мы на базар ездили.
— Буду я болтать, делать мне нечего!
— Знаю я тебя!
— Не бойся, не скажу.
— Язык-то у тебя длинный...
— Я только скажу...
— Что?
— Как один мужик ухаживал за тобой...
— Лопни твои глаза!
— Отчего ж ты покраснела? Небось, приятно было?
— Говори, пес с тобой! Только не ври больно!
— Невестке твоей расскажу...
— Рассказывай кому хочешь, мне все равно! Эх ты, а еще подруга назы-
вается!..
Вдовы смеются. Они уже подошли к дому и все еще смеются. Дома услы-
шали их приближение, и сыновья вместе с невестками и внуками высypали во
двор...
— Зажгите скорее свет! Дети, возьмите у бабушки корзину! Что ты при-
везла, бабушка?..
А вдовы все стоят у калитки и смеются, смеются, просто умирают со смеху...

Перевод Михаила КВЛИВИДЗЕ

ДЕТИ ЕКАТЕРИНЫ

● Роман-хроника

ЧАСТЬ II

ТОСКА ПО ДЕВИЧЕСТВУ

У ТРОМ принцесса Саломе и принц Ашиль Мюрат в сопровождении управляющего выехали из своей летней резиденции Салхино в Зугдиди. На безлюдной Марсильской дороге их окружил отряд известного всей Мингрелии своей смелостью Чико Чабуртели.

Один из разбойников, молодой парень, прицелился в кучера, а Чабуртели властно потребовал остановить коляску.

День клонился к вечеру, но даже в сумерках кучер сразу узнал Чабуртели, немедленно остановил лошадей и соскочил с облучка. За кучером сошел и управляющий, следом — сам Ашиль Мюрат. Коляску окружили вооруженные всадники. Вперед выступил Чабуртели и повелительным тоном обратился к кучеру:

— Вы, должно быть, знаете, кто мы такие: один из наших товарищей тяжело ранен, вон он лежит на траве, истекает кровью. Ему необходима помощь, везти его в седле невозможно. — Потом он повернулся к господам и добавил: — Вы должны уступить нам коляску.

Саломе подняла на разбойников удивленный взгляд и хотела что-то сказать, но супруг опередил ее:

— Мы очень спешим, вы сами видите, что в коляске сидит дама, и потом — близится ночь. Не будем же мы ночевать под открытым небом!

— Об этом не беспокойтесь, мы оставим с вами надежного человека и очень скоро возвратим коляску. До дома знахаря Картозия всего две версты. Не могу поверить, чтобы госпожа Саломе боялась, женщина из рода Дадяни не может быть трусихой! — Чабуртели ловко соскочил с коня. — Надеюсь, вы согласитесь со мной, сударыня, что Дадяни — не из робкого десятка! — сказав это, он любезно протянул руку, чтобы помочь Саломе выйти из коляски.

Ошеломленная Саломе не спускала с лихого разбойника удивленных глаз: откуда он мог знать ее имя? Не отдавая себе отчета, она оперлась на крепкую руку, протянутую ей, и сошла на дорогу. Встретившись взглядом с Чабуртели, она была настолько смущена горячим блеском его темных глаз, что едва не оступилась, направляясь к мужу. Чабуртели и тут подоспел на помощь, но Саломе невольно оттолкнула услужливо протянутую руку. Разбойник, по-видимому, не ожидал этого и растерялся, но тотчас опомнился, метнул на Мюратов злобный взгляд и резко бросил:

— Довольно, нам теперь не до церемоний. Несите сюда раненого. Разбойники осторожно внесли в коляску раненого товарища. Чабуртели сел рядом с кучером на облучок и распорядился:

— Вперед! Время не терпит, скорее! Испуганный кучер дернул поводья. В это время раздался неуверенный голос принца Ашиля:

— Конечно, везите, разве мы можем возражать, если от нас зависит жизнь человека.

Чабуртели презрительно усмехнулся: это было запоздалое согласие, но Чабуртели тем не менее счел нужным остановить коляску, спуститься и поблагодарить «добрых» господ. Он обещал Саломе вернуть коляску через час в целости и сохранности. Принцесса вновь почувствовала на себе горячий взгляд разбойника. Она вздрогнула и закрыла глаза, чтобы спастись от этого пылкого, завораживающего взора. Но и с закрытыми глазами она почувствовала, как резко отвернулся Чабуртели, как молниеносно вскочил на облучок, и тотчас раздалось знакомое цоканье копыт: экипаж двинулся. Испуганная и смущенная неожиданным наплывом самых противоречивых чувств, Саломе долго стояла, приводя в порядок свои мысли...

Коляска и в самом деле вернулась через час, и Мюраты заночевали в Накалакеви. Растревоженная странным происшествием, принцесса не сомкнула глаз.

Наутро, когда господская чета усаживалась в коляску, откуда-то как из-под земли вырос Чабуртели, щеголевато одетый, в полном вооружении; любезно улынувшись принцессе, он помог ей подняться в коляску. Саломе вздрогнула от неожиданности. Сначала ее охватил гнев, и она решила дать достойную отповедь наглецу, она даже раскрыла рот, но не смогла выговорить ни слова — Чабуртели так пристально смотрел ей в глаза, что она невольно опустила голову и смущенно улыбнулась. Саломе и сама не знала, чем была вызвана эта улыбка. испугом или каким-то иным чувством, зародившимся при встрече с этим загадочным человеком. С кем только не сталкивалась на своем веку дочь Давида Дадияни, объехавшая полмира, но никогда избалованная Саломе не испытывала ничего подобного. Чтобы скрыть свое смущение, она властно обратилась к мужу и управляющему, словно они были во всем виноваты:

— Чего же вы ждете? Мы и так задержались сверх всякой меры!

Пока кучер взбирался на козлы, Чабуртели поклонился принцессе и вкрадчиво заговорил:

— Я приношу извинения за себя и за своих друзей, госпожа. Может, мы обидели вас вчера, вы уж не взыщите, другого выхода у нас не было. Раненый мог погибнуть, поступи мы иначе. Мы и так-то едва успели. Знахарь сказал, что, опоздай мы на час, несчастного уже не было б в живых. — Слово «несчастный» не понравилось самому Чабуртели, и он поспешил поправиться: — Не думайте, что мы ищем жалости и снисхождения, мы боремся с несправедливостью и угнетением и никому не позволим издеваться над нашими собратьями. — Последнюю фразу он проговорил с угрозой в голосе, но, очевидно, ощутив неуместность своего выступления, прежде чем Саломе успела возразить, он круто отрезал: — Я прошу у вас прощенья вдвойне, как у своей землячки и госпожи. — С этими словами Чабуртели исчез так же внезапно, как и появился.

Все было похоже на сон, на мираж — вчерашняя встреча и сегодняшнее ее продолжение.

«Где-то я видела этого человека, — думала принцесса, — даже как будто разговаривала с ним. Может, это кто-нибудь из Дадияни, переодетый, чтобы остаться неузнанным? Может, хотели подставить нам ловушку, а на самом деле никто не был ранен?»

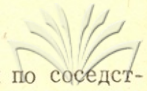
Саломе никак не могла избавиться от этих неприятных мыслей и нервничала все больше и больше.

В деревне Чкадауши перед принцем и принцессой широко распахнулись ворота нового дворца. Дворня кинулась встречать коляску, низко кланяясь господам, но Саломе и теперь не проронила ни слова. Продолжая хмуриться, вошла она в дом и направилась к своему будуару. Она не желала видеть ни мужа, ни прислугу, так была раздосадована на весь белый свет.

Утомленная пережитым волнением, Саломе задремала лишь под утро...

В августе Мюраты были приглашены в Абадети к Тариэлу Дадияни на праздник мариамоба. К всеобщим торжествам прибавились и крестины младенца. Хозяева с особыми почестями встретили крестную — Саломе. Принцесса нарекла девочку Майей и положила в колыбель дорогой подарок.

Во дворце Дадияни пышно отмечали знаменательное событие.

В это же самое время Чабуртели со своими друзьями пировал по соседству, у знахаря Картозия. Это был тот самый искусный целитель, к которому так спешил отвезти Чабуртели раненого товарища. Сейчас спасенный сидит рядом с ним за столом...

Обычно в день мариамоба устраивались гулянья и песни с плясками во дворе церкви на Джолевском холме. На вершине холма была удобная ровная площадка, на которой танцевали во время праздников и по воскресным дням. В тот день полюбоваться на это красочное зрелище пожаловали и Мюраты в сопровождении Тариэла Дадиани. Стоявшие в кругу юноши и девушки хлопали в ладоши, у двух девушек в руках были бубны. Танцующие пары, сменяя друг друга, ветром носились в середине круга.

Чабуртели был прославленным плясуном. Окруженный молодежью, он словно истреб окидывал острым взглядом красавиц, пляшущих в кругу. В это время его пригласила на танец Татия Анджапаридзе — первая красавица края.

Татия была княжеской дочерью и так легко не пошла бы танцевать с кем попало. Но к Чабуртели она относилась по-особому. Ей нравился Чико, прославленный своим мужеством и ловкостью. Воодушевленная тайным чувством, Татия самозабвенно отдавалась танцу. Зрители с восхищением следили за удивительной парой. Все гуляющие спешили поглядеть на них. Не удержалась от соблазна и Саломе. Она присоединилась к толпе и подошла совсем близко к тесно сомкнутому кругу. Принцессе уступили место, и она стала смотреть на танцующих, постепенно все больше увлекаясь этим волшебным зрелищем. Потом она вздрогнула, чувствуя, как по всему телу ее пробежали мурашки озноба, и еще пристальнее взгляделась в партнера княжны Татии. «Да-да, это он», — сказала она себе и невольно подалась назад, но любопытство оказалось сильнее страха, и она продолжала следить за танцующими. Она с трудом подавила рвущийся из горла крик: «Держите его, это разбойник!...». Теперь принцессу сотрясала неумная дрожь, она и сама не понимала, что за чувство овладевало ею: страх, восхищение или жажда мести. Тем временем пляска закончилась. Чабуртели низко поклонился Татии и, поддерживая ее под руку, вышел из круга. Красавица улыбнулась, а ее спутник всем своим видом выражал почтительность и учтивость. Затем Чабуртели выпрямился и тотчас столкнулся взглядом с взволнованной Саломе, которая смотрела ему прямо в глаза и как будто даже улыбалась. Во всяком случае, так ему показалось, он сделал заметное движение в сторону принцессы и приветствовал ее низким поклоном. Застигнутая врасплох, Саломе не сразу ответила на приветствие. Овладев собой, она коротко кивнула, но самолюбивый Чабуртели поспешил удалиться.

«Кто это такой?» — шепотом спросила Саломе у стоявшего рядом Тариэла Дадиани и по-детски указала пальцем на Чабуртели.

— Что тебе сказать, дорогая Саломе, никто толком не знает его настоящего имени. Одни говорят, будто во время кутежа он убил какого-то князя и бежал в лес. Теперь он объявил себя защитником крестьян и поносит на чем свет стоит дворян и помещиков. Слышал я, что недавно он подстрекал к бунту мужиков помещика Пагава. Но я гляжу, он вдобавок и кавалер хоть куда! — В эту самую минуту Тариэл обернулся и увидел остановившегося неподалеку Чабуртели, о котором только что весьма нелестно высказывался. Это обстоятельство не помешало Тариэлу Дадиани приветливо поклониться «разбойнику» и любезно ему улыбнуться. Потом, неожиданно для самого себя, Тариэл сделал несколько шагов по направлению к Чабуртели, протянул ему руку и радушно пригласил к себе в дом.

— Окажи мне честь, дорогой, у нас в гостях Мюраты, не обижай отказом, — машинально произнося привычную формулу приглашения, Тариэл про себя недоумевал: зачем мне понадобилось звать его в дом? А вдруг он слышал, как я о нем отзывался?

В тот же вечер Чабуртели в сопровождении двух неразлучных дружков пожаловал к Тариэлу Дадиани. Он понимал, что был не самым желанным гостем в доме у князя, но все-таки пошел, так как надеялся встретить там Саломе.

Пир во дворце Дадиани был в самом разгаре, когда все трое вошли в зал. Чабуртели вежливо поклонился гостям и хозяевам и сел за стол среди внезапно наступившей тишины. Тамада выпил за здоровье вновь прибывших, и застолье пошло своим чередом.

Чабуртели попросил слова.

— Дамы и господа, — негромко начал он. Гости насторожились. — Товарищи, — неожиданно для самого себя громко добавил Чабуртели, своим проницательным взором окидывая стол: понравилось ли знатной публике его обращение. Потом решительно продолжил: — Перед вами стоит человек без роду, без племени, большую часть моей жизни я провел в лесах, и поэтому многие считают, что я грабитель и убийца. Нет и нет! Упаси нас господь от подобных

злодеяний. Я и мои товарищи именно для того и взялись за оружие, чтобы припугнуть злодеев и убийц, положить конец несправедливости и беззаконию. Сей час мы с вами утопаем в несправедливости и беззаконии, и вам, любезные господа и дамы, принадлежит в этом деле немалая заслуга. Я думаю, что все вы повинны в тех безобразиях, которые творятся на нашей земле...

Гости зашумели, и кто-то возмущенно выкрикнул:

— Да как он смеет!

Но Чабуртели так выразительно взглянул на «смельчака», что все послушно затихли.

— Да, да, это так! — с угрозой проговорил Чабуртели и продолжал, не сводя глаз с Тариэла Дадияни: — Вчера, любезный господин Тариэл, у вашей соседки, у бедной вдовы Марты Куруа отобрали единственную кормилицу — корову. А сегодня кто-то из князей велел эту корову зарезать, чтобы попотчевать своих гостей.

— Клянусь памятью отца, я ничего об этом не знаю, — разволновался Тариэл Дадияни.

— Знаете вы или нет об этом, неважно, но это именно так. Я и мои друзья нщим человека, совершившего это неправое дело, и, если мы найдем его, заставим покалеть о содеянном. Пусть все знают, что мы никому не позволим издеваться над простыми людьми...

Чабуртели одним глотком осушил полный рог вина и покинул зал. За ним последовали его товарищи.

Оставшиеся еще долго пребывали в полном молчании и растерянности.

Более всех взволновала речь Чабуртели принцессу Саломе. Дочери Екатерины Чавчавадзе, разумеется, не могло понравиться такое выступление, она готова была выразить самый яростный протест, но тем не менее слушала смельчака с интересом. Она не могла понять, что это было — безумная смелость или безудержное стремление к идеалу. Выросшая в Париже, Саломе видела немало таких идеалистов, но никогда не принимала близко к сердцу их проповедей. И все-таки ей страшно хотелось встретиться с этим человеком лицом к лицу и разобраться в нем получше.

«Собственно говоря, я вправе потребовать его к ответу за то, что случилось со мной в ту ночь!» — вспомнила Саломе происшествие на Марсильской дороге. Но в душе ее зародилось совсем иное чувство. Такие храбрые и решительные мужчины всегда нравились смелой и своевольной Саломе, и теперь она сама не могла разобраться, что ею движет — жажда мщения или глубоко запрятанное женское тщеславие.

Во дворце Дадияни снова все смешалось. К пережитым неприятностям прибавились неполадки между супругами. Супружеское несогласие тщательно скрывалось, но одно было ясно — Саломе часто ссорилась с Ашилем и подолгу с ним не разговаривала.

Ашиль Мюрат никак не мог понять, почему так изменилась его верная подруга. Порой ему казалось, что Саломе любит другого, но в таком случае, кто же этот соперник, где он? Винил Ашиль и самого себя, полагая, что жену раздражает его нескрываемое стремление вернуться на родину. С тех пор как отношения между супругами обострились, Мюрат стал все чаще поговаривать о возвращении во Францию. Старший сын служил во Франции, и Ашиль внушал Саломе, что там они будут счастливее. Тем не менее Ашиль продолжал так же прилежно заботиться о владениях в Зугдиди, Чкадуаши, Салхино. Это удивляло Саломе, которая твердо решила остаться в Мингрелии и вовсе не собиралась переезжать во Францию. Она не раз говорила мужу:

— С самого начала мы намеревались остаться во Франции, но убедились, что там не обретем счастья. Не только матушка была причиной нашего переезда, но в значительной степени та холодность, которую проявляли по отношению к нам твои соотечественники. Тогда мы ликвидировали все имущество и обосновались в Грузии. Что же ты предлагаешь теперь? Снова все продавать и возвращаться в Париж? Ты надеешься, что нас там примут лучше? Окажут нам больше почестей, чем прежде? Но это невозможно! Не забывай, что династии вашей больше не существует. Кому нужны представители рода, свергнутого с престола! Я даже боюсь, что нас могут вообще лишить свободы.

Сорт вина, выведенный Мюратом, прославился во всей Грузии. Доход оно приносило немалый, но привыкшей жить на широкую ногу семье никаких денег не хватало. Ашиль решил расширить свое предприятие. Но сорт винограда оджалеши плодоносил лишь в определенном районе. Виноградники, разбитые вокруг дворца в Салхино, граничили непосредственно с участками местных крестьян. На землях, пригодных к посадке лозы, жили восемнадцать семейств Лашхия, среди них ютилась и убогая усадьба Агаты — вдовы трубача Михи.

Мюраты затеяли переговоры с семейством Лашхия. Послали к ним управляющего, который собрал деревню и сообщил господские условия:

— Наши господа решили расширить свое хозяйство и увеличить площадь под виноградники. — Управляющий остановился и решил действовать дипломатичнее. — Вы хорошо помните, каких усилий стоило барину наше оджалеси, которое принесло немало пользы нашему краю. Вы были обеспечены работой, и эта работа приносила изрядный доход. Поэтому вы должны радоваться тому, что Мюрат решил расширить производство вина. Он думает и о вашей выгоде. — Управляющий снова замолчал, зорко глядясь в лица крестьян, однако ничего утешительного на этих лицах не прочел. Тем не менее он решительно продолжал: — Только по милости барина вы построили себе эти добротные дома.

Здесь кто-то не выдержал и крикнул:

— Не по милости барина, а по милости этих вот рук. Ты погляди на наши руки, а потом говори.

Управляющему не понравилась такая дерзость, но он пропустил замечание мимо ушей, хитровато прищурился и продолжал:

— Как я уже сообщил вам, господа решили расширить хозяйство. Мы никого не собираемся принуждать, но вы сами должны понимать свою выгоду. — Управляющий широко раскрыл прищуренный глаз и выразительно поглядел на крестьян, собравшихся под раскидистой липой. — Земля, годная под виноградники, в настоящее время занята вашими усадьбами, но по закону эта земля принадлежит Мюратам. Добрые господа не пожелали воспользоваться своими правами и попросили меня быть посредником между ними и вами. Вместо нынешних участков вы получите прекрасную землю в Курзу, столько же, сколько вы имеете теперь. Все расходы по переселению берут на себя Мюраты.

Заслышав о переселении, крестьяне заволновались и дали управляющему достойный отпор:

— Это как же так? — крикнул старик Лашхия. — Вы собираетесь согнать нас с дедовских земель? И явились, чтобы сообщить нам об этом? Да как ты посмел? Да мы тебя сейчас палками. — При этих словах старика густым лесом взметнулись вверх палки крестьян. Но старик тотчас опустил занесенную над головой палку и обратился к своим собратьям:

— Честно говоря, что нам за дело до управляющего, нам сам Мюрат нужен, а ты, братец, убирайся подобра-поздорову, а то как бы греха не вышло! — И старик снова угрожающе поднял свой посох.

Управляющий послешно внял «совету» и еще долго оглядывался, прислушиваясь к грозному ропоту крестьян.

Взволнованный старик Лашхия оглядел своих родичей и соседей.

— Да что же это такое делается, люди добрые! Татарское иго вернулось или крепостное право? Что скажете, братья? Как будем действовать? — Крестьяне снова грозно зашумели. Старик продолжал еще решительнее: — Ишь, чего захотели господа хорошие! Дескать, вы убирайтесь, а свою землю отдайте Мюрату! Вы слышали или не слышали, я вас спрашиваю? Если слышали, то почему молчите, почему не говорите, что делать будем? Может, и правда строимся с насиженных мест?

Здесь толпа в один голос взревела:

— Нет, не быть этому! Костями ляжем, а своей земли не отдадим! — На том и закончилась в тот день сельская сходка.

Управляющий, сильно преувеличив, донес господам о случившемся.

— С топорами и палками кинулись на меня мужики, я едва ноги унес, добром этого дела не порешить! — заключил управляющий.

Садоме рассердилась на него:

— Да ты даже наших условий растолковать им не сумел! Иначе с чего бы им бунтовать. Мы ведь даем им лучшие земли, все расходы берем на себя. А на этих участках они как работали прежде, так и будут работать. Не понимаю, чем они недовольны! Надо было спокойно объяснить им все! Нет, Ашиль, придется нам самим разговаривать с крестьянами.

Обескураженный мурави как побитая собака вышел от господ, браня в душе и строптивых Лашхия, и надменных Мюратов.

Назавтра Саломе велела управляющему привести старика Лашхия, который был старостой деревенским. Ашиль и Саломе битых два часа уламывали упряма и ничего не добились. Старик твердо стоял на своем. Тогда Мюраты решили обратиться за помощью к властям. Вскоре явился пристав из Мартвили в сопровождении двенадцати стражников. Мюраты выделили целый дом для размещения карателей. А приставу отвели самые роскошные покои во дворе.

Пристав — здоровенный детина, ростом в три аршина, — судя по всему, делу своему был предан. Он хорошо понимал, что сходками и мирными перего-

ворами Мюраты ничего не добьются. Поэтому он решил вызывать всех крестьян по одному и угрожал Сибирью.

Первой пристав вызвал вдову Агату. По его мнению, легче всего было уговорить бедную одинокую женщину. И потом ее усадьба непосредственно граничила с виноградниками Мюратов. Пристав послал за вдовой двух стражников, намереваясь тем самым припугнуть не только ее самое, но и остальных бунтовщиков.

Стражников встретили у ворот два плечистых молодца: один был внук Агаты, второй — ученик Тифлисской духовной семинарии Гегечкори. Это были те самые парни, которым трубач Миха завещал трубу и знамя Уту Микава. Агата сообщила внуку в Мартвили о событиях в деревне, и тот поспешил на помощь, захватив своего побратима Гегечкори, приехавшего на каникулы. Оба полностью поддержали решение сходки — землю Мюратам не отдавать.

При виде стражников молодые люди немного растерялись, но быстро пришли в себя и пригласили в дом незваных гостей. Стражник не двинулся с места и приказал:

— Вдова должна явиться во дворец. Ее требует к себе пристав.

Не понравилось молодым и участие пристава в этом деле. Однако они не задержались с ответом:

— Агата больна, мы пойдем вместо нее.

— А вы тут при чем? Пристав вызывает вдову, а не ее гостей.

Парни обиделись, но на сей раз предпочли миролюбивый ответ:

— Мы не гости, а внуки хозяйки.

— Нам все равно, кто вы такие. Приказано доставить к приставу вдову. —

С этими словами стражник ввалился в дом.

Агата хлопотала возле очага. При виде незнакомца она вежливо с ним поздоровалась, но ответа на свое приветствие не получила.

— Собирайся! Тебя пристав вызывает! — грубо бросил стражник.

Агата молча последовала за ним в сопровождении молодых людей. Так вторым и явились они к приставу.

Пристав оглядел прибывших и в комнату пригласил только вдову. Сначала он пытался воздействовать на нее миром и уговорами:

— Неужто вам не все равно, где жить? Имущество ваше перевезут так, что иголка не пропадет, землю дадут не хуже прежней, да еще и деньги впридачу. Чего еще желать, не понимаю?!

— Нет, господин, пусть никто не считает меня беззащитной. Видите двоих молодцов за дверью? Они меня в обиду не дадут и никому не позволят незаконно меня выселять. Пока я жива, земли своей не оставлю. Я хочу умереть возле того же очага, где мой Миха испустил дух. Пусть меня из родного дома хоронят, мне жить недолго осталось! — вдова не выдержала и разрыдалась.

Заслышав плач старушки, ее защитники ворвались в комнату. Не успел пристав подняться, как за его спиной выросли два стражника с берданками.

— Ни с места, стрелять буду!

На крик Агаты сбежалась вся дворцовая прислуга.

— Свяжите этих молодцов! — холодно распорядился пристав.

Парней связали и тут же состряпали обвинение, будто они намеревались убить пристава и поднять в селе мятеж. «Бунтовщиков» отправили в уездную тюрьму.

Дело получило широкую огласку. Вся деревня поднялась на защиту невинно осужденных. Были арестованы главари восстания и двадцать семейств насильно согнаны с дедовских земель.

В том же месяце Мюраты разбили новые виноградники на месте крестьянских дворов и делали вид, что совершают великое благодеяние.

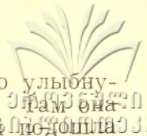
Эта история дала Саломе повод избавиться от неугодного управляющего. Тем временем в деревне объявился Чабуртели. Он с опозданием узнал о мятеже, но все же решил убедиться в случившемся собственными глазами. Теперь он все время крутился среди крестьян, работающих в винограднике, и подробно обо всем расспрашивал.

Как-то раз, проходя по платановой аллее, ведущей ко дворцу, Саломе заметила Чабуртели, негромко беседовавшего с мужиками, которые полдничали в тени деревьев.

Саломе сразу узнала «разбойника» и ощутила знакомую дрожь во всем теле. Она приблизилась к группе мужчин и тоном приказа обратилась к Чабуртели:

— У меня к вам дело!

Видимо, никак этого не ожидавший, Чабуртели немного растерялся и покорно последовал за принцессой. Саломе нарочно не оглядывалась, пока не поднялась на балкон. Повернувшись, она с облегчением увидела стоявшего внизу лестницы Чабуртели.

— Поднимитесь на балкон, я сейчас приду. — Саломе невольно улыбнулась и, чтобы скрыть волнение, быстро направилась в большой зал. Там она принялась бесцельно что-то искать, потом накинула на плечи шаль и подошла к зеркалу. Но шаль была неуместна в этот летний зной. Саломе бросила ее на тахту и поспешно вернулась на балкон.

Она удовлетворенно вздохнула, убедившись, что Чабуртели ее ждет. Саломе опустила в кресло и как будто немного успокоилась. Затем предложила сесть и Чабуртели.

— Нет, я постою, сударыня.

Но Саломе настояла, чтобы он сел в кресло напротив нее. Дерзкий и решительный, Чабуртели и сам удивлялся тому, как покорно выполнял он все желания принцессы. Удивлялся и не мог найти объяснения своим поступкам.

В свою очередь принцесса тоже волновалась и никак не могла завязать непринужденной беседы — не знала, с чего начать.

Внезапно она спросила:

— Как вы сюда попали? Зачем вы здесь? Что вам надо?

Чабуртели не ждал такого вопроса. Он разобиделся, но заставил себя вежливо и спокойно ответить:

— Здесь у вас работает мой двоюродный брат. Я пришел, чтобы с ним поговорить.

— Надеюсь, вы не собираетесь подстрекать на мятеж моих крестьян. По вашим теориям, дворяне всемоу виною?!

Чабуртели всхлинул и собрался было дать достойный ответ гордячке, но неожиданно для самого себя продолжал по-прежнему учтиво и мягко:

— Нет! У моего родственника в деревне захворал ребенок, и я пришел, чтобы сообщить ему об этом.

Саломе, почувствовав свою женскую власть над гостем, стала еще надменнее:

— Почему вы сняли оружие?

— Оружие я оставил дома, здесь мне нечего бояться, но если понадобится, я и без оружия запросто справлюсь с недругом и обидчиком! — Чабуртели встал, собираясь уходить.

Саломе поняла, что беседа принимает совсем другой оборот, нежели ей хотелось, но отступить не стала:

— Но как вы посмели напасть на нас в пути, отобрать коляску и бросить на ночь в поле? А еще хвастался, что никогда не разбойничал!

— Я тогда же объяснил свой поступок. А теперь, простите, сударыня, если у вас больше нет ко мне дел, я откланяюсь. — Чабуртели метнул на Саломе свой горячий взор и иронически улыбнулся.

Саломе не выдержала блеска этих темных глаз, так же как невозможно выдержать сияния палящего летнего солнца. Она смутилась, встала с кресла, потом снова села, взглянула на своего гостя и опять потупилась, обожженная его взглядом. Вконец растерянная, Саломе невнятно пробормотала:

— Нет, я хотела поговорить с вами о другом, совсем о другом.

Она попыталась взять себя в руки, но не сумела. Молча посмотрела на Чабуртели и едва сознание не потеряла под пламенным его взглядом. Саломе готова была кинуться к нему, обнять, приласкать, прикрыть руками эти глаза, это безжалостное солнце, которое сжигало, испепеляло ее плоть.

Чабуртели воспользовался растерянностью принцессы и еще раз сделал попытку уйти. Но Саломе поспешно велела ему остаться. Этот приказ походил на мольбу, куда-то исчезли повелительный тон и барское высокомерие.

Чуткий Чабуртели сразу почувствовал это и еще больше заартачился:

— Нет, я должен идти. У меня неотложное дело.

Не успел он сделать и двух шагов, как услышал голос, полный отчаяния и мольбы:

— Неужели я вас обидела? — помолчав, Саломе добавила: — Где вы останетесь на ночь?

— Не беспокойтесь обо мне. Для меня где смеркается, там и рассветает. Вся земля — мой дом, ночью — лес, трава, чистое небо, луна и звезды — мой братья, я привык к такой жизни и не помышляю о другой!

Чабуртели поклонился госпоже и спустился с балкона.

Саломе вскочила и крикнула вслед удалявшемуся по аллее гостю:

— Я жду вас завтра! Мне нужно поговорить с вами.

Чабуртели остановился и почтительно наклонил голову в знак согласия.

Ночью Саломе мысленно сравнивала Чабуртели со своим супругом.

Нет, Ашиль был добрым, просвещенным человеком и верным другом. И собой он был недурен. Но после встречи с Чабуртели все эти достоинства потеряли в глазах Саломе свою силу.

Чабуртели был совсем другой, как говорится, из другого теста, и Саломе нестерпимо захотелось увидеть его опять, и не просто увидеть, а сделать своим покорным рабом, покорить непокоренного... В жилах Саломе забурлила кровь Екатерины Чавчавадзе.

На следующее утро принаряженная Саломе нетерпеливо ждала Чабуртели. Ожиданию не было конца, и принцесса нервничала. Разобиженная на весь свет, она сидела одна до позднего вечера, но Чабуртели так и не появился.

Саломе провела еще одну мучительную ночь без сна. Утром она решила, что слишком суровым обхождением обидела самолюбивого разбойника, и начала его искать. Она отправилась туда, где накануне крестьяне начали распахивать землю под виноградники. Здесь были сваны, рачинцы, имеретины и местные жители. Саломе осторожно миновала борозды свежеспаханных пластов и приблизилась к большой группе поденщиков. Крестьяне не удивились: в доме Мюратов ничего не решалось и не делалось без вмешательства Саломе. Подозвав к себе управляющего, она сделала ему какой-то выговор, затем дала кое-какие распоряжения, все это время продолжая пристально вглядываться в лица крестьян. Управляющий решил, что какой-нибудь преступник бежал из тюрьмы и скрывается среди поденщиков. Откуда было ему знать, кого искала надменная госпожа! Недовольная Саломе вернулась домой.

Столкнувшись на крыльце с мужем, она не преминула высказать ему свое недовольство:

— Постарай наш управляющий, надо будет подыскать нового — делового и энергичного!

— В чем дело? Он плохо справляется со своими обязанностями?

— Да, плохо, очень плохо. За работниками нужен глаз да глаз. Делом должен руководить умный, опытный человек, а не такой бездельник, как наш моурави... — здесь Саломе запнулась, но вскоре продолжила с обычной своею решительностью.

— Ты видел вчера здесь одного человека?

— Да, видел и, признаться, был удивлен. Что надо здесь этому мятежнику?

— Так ты узнал его?

— Конечно! Это ведь тот самый разбойник, который отобрал у нас коляску.

Саломе вздрогнула, но, преодолев лихорадочный озноб, твердо проговорила:

— Я затем и вызвала его, чтобы отчитать хорошенько. Но он не из тех, кто уступит. И мне показалось, что это именно тот человек, который нам нужен. Такому все будут подчиняться, а то наш управляющий, словно баба, шороха мышиного боится.

В голосе Саломе звучала такая решимость, что Мюрат не посмел возразить. Он только спросил:

— А он согласится быть нашим управляющим?

— Почему бы и нет? Где он найдет лучшее место?

— Нет, дорогая Саломе, ты не знаешь этих бунтовщиков. Я не раз с ними сталкивался — у них такие «высокие» идеалы, что вряд ли он пойдет нам прислуживать.

— Доверь это мне, Ашиль, я сверну ему шею так, что он на коленях будет перед нами ползать.

Саломе тут же приказала дворовому мальчишке, чтобы он немедленно отыскал и привел Чабуртели.

Кто же был этот человек, которого так упорно разыскивала Саломе Дадиани? Отчисленный из Тифлисской духовной семинарии, Чабуртели работал на заводе Ротшильда в Батуми. Но оттуда его тоже выгнали как политически неблагонадежного. Вскоре он поднял восстание мингрельских крестьян против местных помещиков.

Помещик Пагава сдавал крестьянам землю в аренду и требовал за это половину урожая, кроме того, получал богатые подношения к рождеству и на пасху. Чабуртели внушал мужикам, что помещику достаточно и трети урожая. «Если мы будем поддерживать друг друга и стоять на своем, — внушал он, — то непременно добьемся успеха». Осенью крестьяне выставили свои условия. Чабуртели заручился поддержкой соседних деревень, и восстание приняло настолько серьезный характер, что пришлось вмешаться властям. Присланный из Сеняки карательный отряд разорил село, погасил пламя мятежа, и началось расследование. Вот тогда-то Чабуртели с пятеркой вооруженных молодцов и бежал в лес, нагоняя ужас на окрестных дворян. Стражникам было приказано схватить «разбойника», но те не могли обнаружить, где он скрывается. Пуля не брала смельчака. После долгих и безуспешных преследований уездное начальство, занятое более важными делами, махнуло на него рукой. История эта

постепенно забылась, между Пагава и крестьянами отношения наладились благодаря сыновьям помещика — либералам, получившим образование в Петербурге. Но Чабуртели все же избегал встречи со слугами закона и на всякий случай не расставался с оружием. Обо всем этом Саломе узнала в тот же день, в доме у Тариэла Дадяни, но теперь она была так охвачена одной мыслью, одним желанием, что закрывала глаза на прошлое этого человека. Только бы он стал ее верноподданным — больше ее ничего не интересовало! Она так неудержимо стремилась к достижению своей цели, что Ашиль при всем желании не смог бы ей помешать. Он знал это и предпочел покориться.

...После долгих поисков Чабуртели наконец был доставлен к Саломе.

Принцесса долго молчала, завораживающим взором впившись в глаза вытанувшегося перед ней в струнку упряма, и вдруг неожиданно заговорила:

— Я много слышала о тебе. Говорят, ты дерзок и смел, умеешь дружить, на твоих товарищей будто можно положиться — никогда не подведут. Но говорят также, что ты ненавидишь дворян и не гнушаешься разбоем.

— Нет, сударыня, я не разбойник. За эти годы я никого не убил, хотя меня часто преследовали, чтобы убить. Я никого не грабил. Цель моя — защитить моих угнетенных братьев...

— Знаю, знаю, можешь не распространяться. У нас на этот счет различные взгляды. Ты ненавидишь помещиков и забываешь, что среди них много порядочных людей, настоящих патриотов, ты всех дворян скопом считаешь виноватыми, а в крестьянстве видишь свой идеал. А если меня спросить, то я вижу зло именно в некоторых бродягах — лентяях и бездельниках, которые хотят даром заполучить чужое богатство!

Тут Чабуртели не стерпел и решительно возразил:

— Нет, сударыня, вы не правы. Вы плохо знаете крестьян. Грабеж и присваивание плодов чужого труда — отнюдь не наше ремесло... Это выдумка князей и дворян...

— Довольно, оставим этот бесплодный спор, но если тебе угодно убедить-ся, что существуют и добрые помещики, которые стараются как можно лучше обращаться с твоими собратьями, поступай к нам управляющим, сам будешь иметь дело с крестьянами...

Чабуртели опешил: такого он никак не ожидал — где это слыхано, чтобы Дадяни приглашали в управители своего злейшего врага?! Изумленный и растерянный взирал он на принцессу и не произнес ни слова. Тем временем Саломе повторила свое предложение и добавила:

— Может, эта служба кажется тебе оскорбительной или еще что-нибудь смущает тебя?

Теперь Чабуртели заговорил, но голос его уже не гремел набатом — он невнятно пробормотал:

— Это большая честь, сударыня, но...

— Что — но? Ты не доверяешь нам или тебе не подходит эта должность?

— Нет, почему же... — Чабуртели переминался с ноги на ногу и повторил одно и то же. Но вскоре к нему вернулось обычное самообладание, и он заговорил увереннее:

— Сударыня, дайте мне один день на обдумывание. Ваше предложение оказалось совершенно неожиданным, и я, право, не знаю, как мне следует ответить на такую большую честь. Позвольте мне поразмышлять еще один только день....

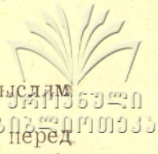
— Согласна. Только не пропадай и не заставляй себя разыскивать. Слово есть слово. Все обдумай и скажи прямо. Не к лицу нам играть в прятки, мы давно уже не в том возрасте. Хотя ты, верно, много моложе меня?

— Нет, госпожа, — улыбнулся Чабуртели, — напротив, это я старше вас, — и тотчас осекся. — Прощайте, сударыня, завтра я непременно явлюсь с ответом.

Он склонил голову и, не мешкая более, скрылся.

Саломе была безмерно избалована любовью и почестями. Привыкшая царить и властвовать, она от всех требовала покорности и поклонения. Муж оказался мягким и уступчивым. Саломе пользовалась этим, Мюрат давно стал рабом ее желаний. Вот и теперь Ашиль всем сердцем противился новой затее супруги, но не посмел ей возразить. Он терялся в сомнениях и догадках, тревога его в конце концов переросла в ревность и сменилась мучительным подозрением.

«Для чего понадобилось Саломе сделать такого ненадежного человека распорядителем нашего имущества? У нынешнего управляющего достаточно и ума, и опыта, и главное — он нам всей душой предан. И не так он стар, чтобы нельзя было ему доверять серьезных дел. Так что же произошло? Зачем Саломе хочет ввести в дом этого разбойника?» — мучился Ашиль, не в силах решить загадку.

Необъяснимая страсть завладела душой и телом Саломе, другим мисдам не оставалось места в ее разгоряченном мозгу.

Назавтра явился улыбающийся Чабуртели, почтительно склонился перед принцессой, стоявшей на балконе. Чтобы скрыть нетерпение, Саломе приказала:

— Поднимайтесь, чего вы там стали...

Чабуртели поднялся на балкон. Саломе была неприятно поражена холодным выражением его глаз. Она отвела взгляд в сторону и спросила:

— Вы все еще колеблетесь?

— Ничего не поделаешь, госпожа, не смею противиться вашему желанию. Если вы желаете, чтобы я стал вашим управляющим, воля ваша, перечить не смею, — и он снова уронил голову на грудь в знак согласия.

Саломе ждала этого ответа, но столь скорое согласие как будто пришлось ей не по вкусу, она на мгновение нахмурила лоб: нет ли тут хитрости или коварства.

— Тогда приступим к делу, — Саломе велела позвать Мюрата, чтобы сообщить ему новость.

Именно в этот момент Чабуртели высказал свою просьбу:

— Только с одним условием, сударыня, чтобы моей повелительницей и госпожой были только вы, повелительницей и защитницей...

Саломе вздрогнула. Можно было подумать, что ей не понравилось это заранее выставленное условие, потом она повернулась к дерзкому «разбойнику» и медленно проговорила:

— Не забывайте, что у меня есть муж и ему принадлежат все мои владения... — но Саломе тотчас поспешила смягчить свои слова: — Конечно, Мюрат не принимает без меня никаких решений.

Голос принцессы звучал не совсем уверенно, и это не укрылось от проницательного Чабуртели,

— Нет, сударыня, мое слово твердо: у меня должен быть один повелитель, и только вы будете моей госпожой.

У Чабуртели был свой план. Он считал, что сумеет подчинить Саломе своему влиянию и с ее помощью будет оказывать помощь и покровительство своим друзьям. Товарищи вчера посоветовали ему согласиться на предложение Мюратов в надежде, что, занимая столь высокий пост, Чабуртели принесет больше пользы общему делу. Да он и сам так считал: лучше быть поближе к народу, чем скрываться в лесах. «Я буду мостом между Мюратами и крестьянством, — думал Чабуртели, — облегчу жизнь своим собратьям. Завоюю доверие госпожи и заставлю ее помогать мне».

Так думал Чабуртели, но Саломе оказалась не такой простушкой...

Чабуртели приступил к исполнению обязанностей управляющего. Саломе ежедневно вызывала его к себе и лично давала ему распоряжения. Ашиль продолжал заниматься своими виноградниками, стараясь не перечить жене и не иметь никаких дел с неугодным его сердцу управляющим.

Саломе с утра до вечера не расставалась с Чабуртели под предлогом хозяйственных хлопот и сама не замечала, как привыкает к этому странному, но похожему на других человеку. Чабуртели ловко пользовался доверием госпожи и тоже не замечал, как все больше подпадает под ее влияние. Саломе требовала от него полного повиновения, а он невольно покорялся ей и незаметно становился безропотным исполнителем ее воли.

Мюрату не нравилось столь явное сближение его супруги с управляющим. Теперь некоторые важные вопросы решались без его ведома, и это его особенно раздражало — как человека практического и дальновидного. И вдобавок ко всему, Ашиль ревновал, хотя и не имел достаточных на то оснований. Оснований не было, но ревность росла, усиливалась день ото дня. Он сам себе удивлялся, но чем больше проходило времени, тем невыносимее становились его страдания.

Жизнь шла своим чередом, а пропасть между супругами все увеличивалась. Как-то раз Саломе распорядилась, чтобы крестьянам, распахивающим землю под виноградники, заплатили столько же, сколько платили за прополку и опрыскивание лозы. Это вызвало общее недовольство крестьян. Чабуртели подержал Мюратов, и тогда впервые пошатнулось доверие к нему крестьян. Но Чабуртели, поглощенный принцессой, занятый выполнением ее многочисленных распоряжений, не заметил этой трещины и не позаботился о том, чтобы восстановить мост между собой и своими собратьями. В тот же день друзья Чабуртели покинули виноградник, и ослепленный управляющий только теперь убедился, что он не только не сумел использовать доверие госпожи в интересах общего дела, но сам стал покорным орудием в ее руках, направленным против честных тружеников.

«Кто же ты такой? Предатель? Борец за всенародное дело или раб своих страстей? Задумайся над этим, братец! — обратился к себе Чабуртели, очнувшись. Трезво оценив обстановку, он еще больше расстроился и горько засто-

нал: — Пока не поздно, надо выправлять положение. Я никогда не стану изменником, лучше уж быть палачом своих чувств! Я должен сдерживать клятву, которую принес друзьям»

Но жизнь снова потекла по привычному руслу. Саломе повелевала Мюрата повиноваться. А Мюрат... Его грызло страшное подозрение. Теперь это замечали и другие, и слухи распространялись и росли, словно снежный ком, и покатались с гор Салхино в Зугдиди, обрстая по пути грязными подробностями и вымыслом. По дворцу поползли слухи. Дескать, Саломе против воли супруга уволила старого управляющего, назначила вместо него известного разбойника Чабуртели, а этот разбойник совсем свел принцессу с ума. Ахиль на почве ревности тяжело заболел.

Так оно и было на самом деле. Близкие замечали, что добродушный и спокойный Мюрат постепенно уподоблялся умалишенному. Терзаемый ревностью, он стал раздражительным и нервным, гневался на всех без всякой причины — слуги не узнавали своего доброго барина. Одним словом, все смешалось в доме Мюратов, где жизнь прежде была налажена с французской пунктуальностью и изяществом.

Тем временем соратники Чабуртели не дремали. Все время находясь в крестьянской среде, они тайно и явно проповедовали крамолу. Народ стонал под барским гнетом и жадно впитывал новые идеи. Бежавший из Салхино Дзоко Сигуа, друг Чабуртели, призывал к решительным действиям:

— Слыханное ли дело — вроде бы крепостное право отменили, а мы все равно не можем избавиться от этих Даднани и прочих господ. Они по-прежнему с нас три шкуры дерут. А тут к местным кровопийцам еще чужеземцы прибавились, наподобие нашего Мюрата. Нет, помощи ждать неоткуда, надо самим брать за оружие. Другого пути нет. Добро тут ничего не добьешься, ни хитростью, ни лестью. Огнем и мечом! Только огнем и мечом одолеем мы угнетателей!

И вот снова поднялись на борьбу крестьяне, работавшие в Салхино у Мюратов, взбунтовались в Бомботи виноградари Арчила Багратиони, в Зугдиди и Чкадуаши их поддержали угнетенные и обиженные. Сплотились подданные Даднани и других крупных помещиков.

Странные чувства владели нашим Чабуртели в последнее время. Погруженный в раздумья, он не замечал порой, как проходил целый день. Так было и в то утро. Лишившийся покоя, бедный «разбойник» решил повидаться со своими друзьями. В пути он остановился передохнуть, как раз у той горы, где прежде скрывались лесные братья. Перед взором Чабуртели ожили картины прошлого. Закручинился отважный Чабуртели, не смог стерпеть справедливого, но горького упрека:

— Нет, ты недостойн прощенья, Чабуртели! Слово, данное друзьям по борьбе, променял на нездоровое, бесплодное чувство. Что ты теперь? Ты, который был другом горных орлов? Тряпка под ногами своевольной барыни...

Чабуртели выпрямился. В глазах его вспыхнул прежний пламень, и взор устремился вдаль, где за высокими горами узрел свой далекий, светлый идеал...

Саломе с супругом собирались ехать в Чкадуаши. Принцесса пожелала, чтобы их сопровождал управляющий, но перевернули все Салхино, а Чабуртели нигде не оказалось. В полдень господы велели закладывать коляску и отправились в путь.

В то же самое утро в Чкадуаши появился Чабуртели, бледный и всклокоченный, похожий на сумасшедшего. Первым его увидел садовник — большой любитель поговорить. Пока садовник болтал о том о сем, Чабуртели лежал навзничь под липой и с трудом сдерживал стон. Садовник был так поражен видом и поведением управляющего, что прервал болтовню и умолк. Тут Чабуртели как будто очнулся после тяжелого сна и спросил у садовника, не видел ли тот Дзоко Сигуа.

— Был он тут недавно, о тебе справлялся... А вчера наш конюх сказал, будто он прячется в Цаленджихе, у табунщика Кварацхелия. Наверно, уйдет с табуном нынешним летом... — снова застрекотал болтливый садовник. — А знаешь, что еще сказал мне конюх? — садовник испуганно вытаращил глаза и огляделся по сторонам, не подслушивает ли кто. — Будто госпожа приказала ему поджечь зугдидский дворец...

— Как это поджечь?

— А вот так, дом старый, а деньги за него можно взять немалые...

— Ты врешь, — грозно проговорил Чабуртели.

— Клянусь прахом матери, мне так наш конюх сказал...

Чабуртели вскочил и приказал привести к нему конюха, но так же быстро передумал и совсем другим тоном сказал садовнику:

— Ладно, я сам с ним поговорю. — Потом он оседлал коня, привязанного там же, неподалеку, раскрыл ворота и велел на прощание: — Если меня будут спрашивать, скажи, что я в Зугдиди, вернусь завтра...

Мюраты не успели доехать до Севаки, как над зугдидским дворцом занялось алое зарево. Пыхлоло пожаром красивейшее здание, и никто не мог помочь. Деревянные этажи дворца обратились в пепел.

Мюраты поспешили в Зугдиди, но когда они въехали во двор, уже догорали ели и магнолии, окружавшие дворец. Слуги выносили из дома чудом уцелевшую мебель.

Ашиль Мюрат жестом мингрельского крестьянина ударил себя по голове и взревел, как раненый медведь.

Саломе молчала. Она стояла как каменная, недвижно, будто горел чужой дом...

В тот же день Мюраты уехали в Чкадуаши. Вечером прислуга слышала, какой неприятный разговор состоялся между супругами. А на рассвете грохнул выстрел из охотничьего ружья...

Самоубийством завершил свой жизненный путь поселившийся в Грузии родственник Наполеона Бонапарта — принц Ашиль Мюрат.

В гезете «Иверия» был напечатан обширный некролог:

«Вчера мы получили печальное известие о кончине принца Мюрата. Покойный был внуком Неаполитанского короля Иоахима Мюрата, женатого на сестре Наполеона I Каролине, которая приходилась бабушкой принцу Ашилю. Более двадцати пяти лет Ашиль Мюрат прожил в законном браке с дочерью последнего мингрельского владетеля — Саломе Дадяни.

У принца осталось трое детей: два сына и дочь. Старший сын, двадцатитрехлетний Люсьен, давно приехал из Парижа и в настоящее время находится в Зугдиди. Второй сын — Наполеон, двадцати одного года, — офицер французской армии. Младшая — шестнадцатилетняя Антуанетта живет с матерью.

После падения империи принц Мюрат окончательно покинул свою родину и поселился в Грузии, в мингрельском поместье Дадяни.

Принц как истый европеец решил поставить сельское хозяйство в своих владениях на широкую ногу. Он выписал из Франции различные сорта виноградной лозы и возобновил совершенно выродившийся у нас сорт оджалеси. Ашиль Мюрат любовно изучал грузинский язык и мингрельский и учил этим языкам своих детей. Покойный не дожил до пятидесяти лет».

28 февраля 1895 года в «Иверии» было опубликовано сообщение о церемонии погребения принца Мюрата:

«В деревне Чкадуаши 22 числа сего месяца состоялось погребение останков принца Мюрата. За несколько дней до похорон из Кутаиса прибыл принц Ольденбургский с супругой. В траурной церемонии приняли участие архиепископ Гурийско-Мингрельский Григор, Мингрельский князь Николоз, кн. Константин Мухранский, тифлисский губернатор кн. Шервашидзе с супругой, сын покойного Люсьен Мюрат, зугдидское дворянство... Усопший лежал во дворе под липой, горько оплакиваемый супругой, детьми и родственниками. В четыре часа пополудни состоялся вынос тела. Похоронную процессию возглавлял католический патер. Принца предали земле в ограде еще не достроенной католической церкви. Слово прощания произнесли католический патер и г-н Вермишев».

Трагическая гибель принца всколыхнула все грузинское общество. Началось расследование обстоятельств, предшествовавших самоубийству Мюрата. Подозрение пало на Чабуртели. Преследуемому властями бывшему разбойнику припомнили его старые грехи, распространившейся сплетне придали силу документа и приписали управляющему убийство принца, поджог зугдидского дворца, и еще многое другое. На следующий день после похорон Чабуртели был арестован.

И без того убитая горем Саломе, узнав об этом, совсем потеряла голову. Она то знала, что управляющий тут совсем ни при чем. Она решила съездить к окружному начальству, вмешаться в расследование и повидать Чабуртели. Но сплетня, распространяющаяся в обществе, дошла и до слуха Саломе, и, находясь в трауре, вдова сочла неприличным вмешиваться сейчас в дело Чабуртели.

Тем временем заключенного перевели в кутаисскую губернскую тюрьму, а усилившиеся после трагической гибели Мюрата сплетни, охватив Имерети и Каргли, достигли Тифлиса.

Саломе вынуждена была на время покинуть Грузию.

Через год Саломе вернулась в Салхино. Траур еще не позволял ей делать визитов, но принцесса потихоньку принимала у себя близких людей...

Зачастила к принцессе молодая соседская вдова Майя Дребуадзе. Целыми днями просиживали обе женщины, облаченные в черные одежды, на большом балконе в Салхино, и в который раз рассказывали друг другу об одном и том же: Светлого дня не видела бедная Майя в замужестве. Всем был известен ее муж — и красив, и умен, и образован. Но Гито Пагава был неизлечимо болен. Сначала от молодой жены скрывали, что у него падучая. Но обычно припадок случался с ним каждую неделю, и скрывать это долго было невозможно.

Через три месяца после свадьбы Майя овдовела.

Родители Гито не отпускали ее от себя ни на шаг. Наверно, они надеялись, что невестка беременна, и ожидание внука поддерживало в них искру надежды. Но прошел год, и Майя заявила, что возвращается к себе. И снова не отпустил ее свекор:

— Ты одна осталась у нас, дочка, ты наша единственная надежда. У твоих родителей есть еще трое детей, а у нас нет никого. Нам недолго жить осталось, все завещаем тебе. Пока мы живы, не покидай нас, — так молили Майю несчастные старики, и она скалилась над ними. Осталась.

Майя ухаживала за свекром и свекровью как за настоящими родителями. Была с ними добра и предупредительна. Но время берет свое. Молодая вдова стала ходить к соседям, ожила, оправилась, снова увидела солнце, небо, землю. А тут как раз стал за ней ухаживать сельский староста. Преследовал Майю по пятам, клялся в любви и верности. Бедняжка поверила его клятвам и привязалась к нему всей душой. Слухи об этой тайной, тщательно скрываемой любви все-таки достигли ушей свекра. Он стал днем и ночью подстергать невестку, чтобы поймать ее на месте преступления, но ни разу не заметил ничего предосудительного в ее поведении. И вдруг как-то раз, отправившись на охоту, свекор застал влюбленных на лесной опушке. В ярости он кинулся к ним, но оба исчезли как видение.

В тот же вечер старик ворвался в дом к старосте, но, к счастью, того не оказалось на месте. Вдове он ничего не сказал, но затаил на сердце обиду. А по селу поползли слухи, где истина переплеталась с ложью, каждое событие преувеличивалось и раздувалось. Сплетники отравили несчастным старикам остаток дней. Свекор внезапно скончался, и его смерть послужила поводом для новых разговоров: дескать, бедняга умер от горя, не вынес позора. Через месяц за стариком последовала и супруга, и Майя осталась в доме одна. Тем временем ловкач-староста поспешил покинуть деревню. Оскорбленная Майя вначале делала вид, что ничего не случилось, но тоска и одиночество замучили ее, и она очень скоро поняла, что не так-то легко покинутой женщине пережить свой позор. Она решила отыскать изменника и потребовать его к ответу за обман, оскорбление, за измену и кто еще знает, за что... Но одна из подружек сообщила Майе, что ее неверный возлюбленный женился. Майя упала в обморок, а оставшись в одиночестве, перерезала себе горло мужниной бритвой.

Утром соседи нашли ее лежавшей в луже крови...

Три месяца деревенская знахарка боролась за жизнь Майи, которая только и мечтала о смерти.

...И вновь потянулись серые, однообразные дни... Именно тогда и познакомилась с Майей Саломе Дадзиани. Плача и причитая, рассказывала несчастная вдова историю своей безрадостной жизни. Когда она останавливалась, Саломе ласково склонялась к ней и просила продолжать. Майю удивляло такое живое участие со стороны этой знатной дамы. А Саломе в свою очередь с удивлением взирала на юную красавицу с черными, полными неспросыхающих слез глазами. Саломе хотелось приласкать бедняжку, которая так искренне поведала ей о своем горе. Принцесса прикоснулась губами к мокрой щеке Майи и, чтобы отплатить доверием за доверие, начала рассказывать о себе:

— Ах, моя милая, я так неожиданно выскочила замуж, что даже не успела задуматься над тем, что меня ждет. Во всем виновата моя матушка. Ты, наверно, знала моего супруга. Это был прекрасный человек — представительный, образованный, знатный, известный всей Франции. Родственник великого Наполеона — чего еще желать! Не скажу, что он меня не любил или не уважал. Нет! Он самозабвенно любил меня, мы создали неплохую семью, но сердце мое непрестанно точил невидимый червь. Это чувство неудовлетворенности постепенно усиливалось. В конце концов я поняла причину своей тоски, но было уже поздно. И знаешь, Майя, в чем была причина? Нет, может, не стоит сейчас вспоминать об этом, но раз уж я доверилась тебе, раз ты так чистосердечно поведала мне свою историю, я тоже хочу быть с тобой откровенной до конца... Так вот, я говорила о том, что слишком поздно поняла причину своей печали. Мой муж, от которого я родила троих детей, внезапно оказался для меня чужим. Чужим — и душой, и телом. Ты знаешь, Майя, как ужасно это ощущение! Нет, не знаешь, и

тебе трудно меня понять, ибо причина твоего несчастья была совсем иной. Но я хочу, чтобы ты знала, чтобы знали все: нет на свете женщины более несчастной, чем та, которая связала свою судьбу с чужеземцем.

— Но отчего же, госпожа? Мой брат женат на француженке, и мне кажется, они вполне счастливы...

— Нет, Майя, не верь. Я не думаю, чтобы твой брат чувствовал себя счастливым. Хотя он мужчина и в большей степени принадлежит себе. Он может полюбить другую, ему никто этого не запретит. Да, это именно так. Мужчине позволительно любить другую и этим заполнять пустоту в своем сердце. Мы, женщины, лишены этого права. И когда я начала искать потерянную любовь, в семье начались неприятности. Нет, воистину несчастна женщина, повенчанная с чужеземцем! Несчастлива, если даже ей построят девять дворцов и поселят ее в рай. — Саломе расплакалась, и растерянная Майя не знала, как ее утешить. Внезапно Саломе подняла голову и повелительным тоном сказала вскочившей Майе:

— Нет, садись, я еще не кончила... Запомни, дорогая, семейная жизнь — это великое и сложное искусство. Часто со стороны семья кажется счастливой, и никто не знает, что делается внутри. Каждая семья имеет свою тайну, и тайну эту хранят муж с женой, супруги — это слово прекрасно звучит, и супружество совсем не зря придумано, если между мужчиной и женщиной существует полное взаимопонимание и доверие. И вот именно здесь возникает сложность. Люди часто вступают в брак, но не сливаются ни телом, ни душой. Это становится причиной трагедии. Чужие друг другу души в поисках родственных душ, кто знает, чего только не совершают явно или тайно. Такая семья холодна, ее не согреют ни дети, ни внуки. И тщетно, тщетно все. Прежде чем решиться на брак, надо очень серьезно все это обдумать. Поэтому вмешиваться в это — большой грех. В моей беде есть доля вины моей матушки.

Здесь Саломе осеклась, словно хотела сама себе возразить или взять свои слова назад, но передумала и продолжила так же горячо и искренне:

— Тоску по родине со всею остротой я впервые ощутила тогда, когда после войны в Алжире мы поселились во Франции. У нас было все, что нужно для счастья: знатность, богатство и слава. Но я не находила себе покоя на чужбине, душа моя рвалась в Грузию. Как раз в это время матушка приехала навестить нас, я призналась ей во всем, и она настояла на нашем возвращении в Грузию. Я укрылась под материнским крылом и успокоилась. Я не скрывала своего восторга и поспешила поделиться своей радостью с Григолом Орбеллиани. Он ответил мне ласковым письмом, в котором хвалил меня за то, что я вернулась на родину...

Супруг мой смирился с судьбой и построил для нас не один дворец, а целых три — в Зугдиди, Салхино и Чкадуаши. За это время дети подросли, и теперь они устремились во Францию. Я почувствовала, что теряю детей, и чуть не сошла с ума. Я уже ненавидела мужа и громко роптала на судьбу. Во всем обвиняла Ашиля и не желала больше его видеть. Я искала потерянного счастья и любви. Моей душе ничего не приносило исцеления, и я вновь мечтала о такой всемогущей силе, которая бы позволила мне начать жизнь сначала... Как утопающий, я хваталась за соломинку... А потом... Ты знаешь, что было потом, и я не хочу сейчас об этом вспоминать. Однажды потеряв родину, я не обрела счастья, даже вернувшись под отчий кров... Ибо никакая сила не может восстановить надломленное счастье. Я тогда похоронила свое счастье, когда начала искать его вдали от родины. Вот что я хотела сказать тебе, милая Майя. Может, хоть эта исповедь принесет облегчение. Только боюсь, что я тебя не утешит, а огорчила своей откровенностью — ведь тебе и собственной беды хватает! Все остальное ты поймешь сама, — Саломе гордо выпрямилась, словно только теперь вспомнила о своей княжеской чести, попрощалась с Майей и ушла с балкона в зал.

Ошеломленная Майя смотрела ей вслед. Гордая и надменная Саломе казалась живым повторением матери. Она была больше остальных детей похожа на прекрасную Екатерину.

«ДАЖЕ ЗА РАЙ НА ЧУЖБИНЕ РОДИНЫ Я НЕ ОТДАМ...»

В 1895 году Грузия праздновала юбилей Рафизла Эристави — первый писательский юбилей в Грузии.

Рафизл Эристави, один из страстных патриотов и вождей национально-освободительного движения, не только сочувствовал благородному делу шестидесят-

ников, но был активным участником всей их деятельности. Поэтому юбилей поэта, состоявшийся 22 октября 1895 года, превратился в общенародный праздник.

В день юбилея к 10 часам утра двор Кашветской церкви был переполнен народом, а поток жаждущих принять участие в празднестве все не иссякал. К 11 часам уж и за оградой не оставалось места, а народ все прибывает.

Стояла теплая тбилисская осень. Прозрачный солнечный день придавал всему вокруг праздничный вид. Головинский проспект по обе стороны от Кашветской церкви был заполнен толпою. Члены юбилейного комитета пытались навести порядок, но трудно было справиться с такой массой людей. В конце концов, публику, заполнившую весь проспект от Кашветской церкви до Театральной площади, попросили расступиться, чтобы юбиляр мог проехаться. Все с волнением ждали появления Рафиэла Эристави. Как только показалась коляска, начались овации. С криками «ура!» сливалось пение хора Тифлисского дворянского училища. В коляске, кроме юбиляра, сидели Илья и Акакий. Возле входа в церковь они помогли старому поэту сойти с коляски и стали один по правую, другой по левую руку.

В церковном дворе собралось блестящее общество. Здесь был епископ Александр и архимандрит Леонид, предводитель картлийско-кахетинского дворянства Константин Мухранский, тифлисская городская голова Аргутинский, командующий Кавказским корпусом князь Амилахвари, представители общественных организаций и прессы, делегации, прибывшие из разных уголков Грузии. Все почтительно склонялись перед идущим к церкви юбиляром, гимназисты бросали ему под ноги цветы, гремели аплодисменты и крики «ваша!» («ура!»).

«Великая троица» вошла в церковь, и начался молебен. После молебна хор учащихся спел «Мравалжамьер» («Многая лета»). Под торжественное пение все вышли из церкви и направились к театру.

Толпа на Головинском проспекте почтительно расступалась, все поздравляла и приветствовала поэта, осыпала его цветами. Так же бурно приветствовала публика Илью и Акакия, выражая свое восхищение их самоотверженным служением отчизне.

Под звуки «Грузинского марша», исполняемого оркестром, «великая троица» с трудом поднялась на сцену театра, в зале яблоку негде было упасть. Зрители стоя приветствовали героя этого всенародного торжества: «Слава нашему Рафиэлу! Слава Илье и Акакию!». Увешанного венками юбиляра посадили на сцене в кресло. В центре сцены стояли женщины в грузинской национальной одежде, правую сторону занимали пшавы и хевсуры в живописных нарядах, левую — многочисленные делегации от Аджарии, Картли-Кახети, Имерети, Мингрелии, Гурии.

Начались приветствия и поздравления. Были зачитаны адреса от тифлисского губернского дворянства, от Общества по распространению грамотности. Этот адрес подписывали — председатель общества Илья Чавчавадзе, товарищ председателя Нико Цхведадзе, член правления Якоб Гогешавили и другие. Затем последовали приветствия от Грузинского театрального общества, от Товарищества по распространению книг Тифлиса и Кутаиса...

«...Мы — грузинские матери — поздравляем поэта, который открыл новую эпоху в нашей поэзии тем, что первым заглянул в сердце крестьянина, изучил его чистую душу, познал его простые и высокие устремления, разделил его глубокие, как море, страдания и своей пламенной любовью к народу заразил многих молодых собратьев по перу. Одним словом, с тебя, дорогой Рафиэл, начинается новая эра в литературе, тобой сильна любовь и дружба между народом и его выдающимися сынами. Поздравляем тебя, автора «Родины хевсура», и желаем тебе, чтобы строки из этого стихотворения вместе с твоим именем навечно запечатлелись в сердце каждого грузина и вдохновляли его на подвиги во имя родины».

С таким адресом обратились к Р. Эристави грузинки-матери. Их сменили представители дворянского училища из Сенаки.

«Наш любимый поэт показал нам картины жизни народа, честно обнажая пороки всех слоев общества. Но особенную силу обрело его перо в изображении судьбы гонимых и угнетенных. Именно потому стихотворения Ваши так дороги учащейся молодежи, что они внушают любовь и сочувствие к беднякам. Молодое поколение, возвращенное на такой литературе, отважно и непреклонно будет бороться за народное счастье, молодежь станет заступницей той части нации, на благоденствии которой зиждится величие Грузии».

Такие стихи, как «Родина хевсура», вызывают к патриотическим чувствам и юношей, и стариков, каждый готов умереть за родину, но ни пяди родной земли не уступить врагу. Так мы понимаем служение отчизне».

Далее слово взяли грузины, живущие в Дагестане.

От имени русских писателей выступил поэт Василий Величко, который закончил свое приветствие стихами, посвященными юбиляру. Свои стихотворные посвящения прочли также Нино Орбелиани, Д. Мачханели, И. Швили, Г. Абашидзе.

В конце выступили горцы. Один из хевсуров обратился к поэту с коротким приветствием: «Пусть жизнь твоя продлится на долгие годы!», и эхом откликнулись его товарищи: «Будь благословенна твоя десница!».

С ответным словом выступил сам юбиляр. Дрожащего от волнения и радости его проводили до трибуны Илья и Акакий. Зал стоя приветствовал поэта несмолкающими аплодисментами и криками «ваша!». Рафиэл Эривани от волнения долго не мог произнести ни слова. Наконец зал утих. Юбиляр вытер слезы и заговорил: «Великая благодарность вам за то, что так высоко оценили мой скромный труд», — слезы не дали ему продолжить. Все в зале поднялись, и снова по рядам прокатился гул овации. Хор грянул «Мравалжамьер». Не в силах справиться со слезами волнения, Рафиэл Эривани достал из кармана листок бумаги и прочел стихи, приуроченные к торжеству:

Кахетинцы и картлийцы,
и хевсуры — исполины,
с сердцем, бьющимся едино,
изо всех краев грузины
собрались, чтобы склониться
и воспеть мои седины.
Слышу снова я и снова
нежно преданное слово!
Что в ответ могу сказать я,
вашей ласкою согретый?

Лишь одно ответчу, братья,
ничего иного нету:
счастлив в счастье я и в горе —
в этом нету святотатства,
мы едины, наше братство —
чувств разбуженное море!
Уходящим будет смена —
вот закон земного круга,
но всесильно и бесценно
слово брата, дело друга!¹

Растроганный поэт спустился с трибуны, поддерживаемый с двух сторон Ильей и Акакием.

В три часа дня закончилась первая половина юбилея. Поэта проводили домой, чтобы он мог отдохнуть. В восемь часов вечера зал грузинского театра опять был переполнен. На сей раз сцену предоставили актерам, которые сыграли две пьесы Р. Эривани. После представления юбиляр снова поднялся на сцену. И снова потекли приветствия. Сначала поэта поздравили представители грузинской, русской и армянской драматических трупп, затем от имени певческих хоров с замечательной речью выступил Иосиф Ратиль.

Конца не было адресам, депешам, подаркам. Вечером в честь юбиляра в зимнем саду Дворянского собрания был устроен торжественный ужин.

Тамада первый тост провозгласил за здоровье юбиляра и поднял большой рог с вином. Гости восторженно аплодировали стоя, пока тамада осушал этот огромный рог, оркестр исполнил бравурный марш, а сводный хор под управлением Ратили спел «Гимн родине» на слова поэта.

Наконец стихи здравицы и овации, и тамада поднял тост за Илью и Акакия. И снова все гости стоя выпили за их здоровье.

Очередное слово взял Георгий Церетели.

— Лучшим украшением сегодняшнего торжества, — сказал он, — было выступление представительниц прекрасного пола. Это свидетельствует о том, что матери-грузинки активно включились в процесс развития национального самосознания. Я верю, что женщины будут растить для отчизны настоящих героев.

Тамада выпил за здоровье армянского драматурга Габриэла Сундукяна. Сундукян тепло поблагодарил присутствующих. «Слишком большая честь, — сказал он, — что за мое здоровье провозглашают отдельный тост в такой день, когда все здравицы должны быть адресованы нашему славному юбиляру. Хочу заверить вас от имени своих соотечественников, что мы, армяне, выросшие на грузинской земле, всегда были и будем вместе с грузинами и в радости, и в горе».

Назавтра Илья Чавчавадзе просмотрел газеты «Иверия» и «Квали». Материалы «Иверии» были ему знакомы, он сам их правил, отсылая в набор, но так заведено было у редактора — внимательно от начала до конца прочитывать свежий номер. Передовица принадлежала перу «Лали» (псевдоним Георгия Ласхишвили). В ней без обиняков высказывалась позиция, которой при-

¹ Перевод Д. Чкония.

держивались «Иверия» и ее редактор. Передовицу «Квали» подписывал «Мазакали», это был псевдоним редактора Георгия Церетели, с которым Илья сотрудничал еще в «Вестнике Грузии». Уже тогда оба они верно служили идеалам шестидесятых годов. Но с тех пор, как Церетели встал во главе «Квали», обнаружилось серьезные разногласия между «Квали» и «Иверией».

Поэтому Илья придирчиво вчитывался в каждую строчку. Сегодня Грузия отмечает пятидесятилетие литературной деятельности своего любимого поэта. Нам никогда еще не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь пожинал плоды пятидесятилетнего труда. Тем радостнее и значительнее сегодняшнее наше торжество. Окинем взглядом путь длиною в пять десятилетий и убедимся, что наш дорогой юбиляр присутствовал при рождении и при первых шагах грузинской мысли. Свою судьбу он связал с бедами и радостями грузинской литературы, с ее падениями и взлетами, с периодами мрака и озарения, когда луч солнца вливался нашему поэту надежду, что дух грузин не погиб в бездонной пучине чужеземной культуры. Можно себе представить муки этого пламенного патриота, когда он видел, как притесняется развитие многовековой родной культуры, как тесно ей в душевной клетке. Но нашему юбиляру посчастливилось быть свидетелем также и расцвета грузинского гения, когда над родиной засиял рассвет, муза расправила крылья и горько заплакала над своей жестокой судьбой. В сороковых и пятидесятых годах воспряли грузинские поэты, блистательно выступили Соломон Додашвили, Григор Орбелиани, Вахтанг Орбелиани и царь поэтов Николоз Бараташвили. Пышным цветом распустилась грузинская изящная словесность. Заточили свои перья и ударили в набат, чтобы разбудить народ и проникнуть в его душу, Чокадазе, Рчеулишвили, Ардазиани и вместе с ними И. Кереселидзе. Разве мог не присоединиться к этой блестящей когорте борцов наш дорогой юбиляр?! И со всею мощью звучало его хевсурско-кахетинское слово. Но вот вопрос — как воспримут собрание певца, который совсем иначе понимал предмет поэзии, который сочувствовал трудовому люду? Ведь он принадлежал к иному кругу, и им было трудно понять его. Это была эпоха, когда поэты доверяли свое дарование приглаженному, вылощенному слову, красивые слова были важнее мысли. Возвышенные фразы, высказанные глубокомысленно и непонятно, — вот характер их лиры. Как сами они принадлежали к высшим слоям общества, так и поэзия их витала в высоких сферах. Рафиэл Эривасти хоть и радовался пробуждению поэтической активности, пусть даже среди узкого круга людей, однако понимал, что не созрело еще время для его песен, предмет его поэзии пока не имел под собой почвы, и у него самого не было единомышленников.

**О, в сиротстве душа! Доли нет грустней!
От нее убежит рой отрадных дней!**

Но прошло сорок лет, и ныне трудно сыскать такой уголок в Грузии, пусть самый отдаленный, возьмем хотя бы неприступные скалы Пшав-Хевсуретии или горы Сванетии, где не звучали бы стихи нашего славного юбиляра.

Немногим из тех, кто был не признан современниками, посчастливилось дожить до иных времен и увидеть новое поколение, которое оценит его заслуги, осуществит его идеи. Таким счастливицом является наш глубокопочитаемый, уболенный сединами поэт.

Наша критика до сих пор еще не оценила Р. Эривасти как вожака и основателя новой поэтической школы. Но ответьте, кого она оценила и изучила?.. К сожалению, еще очень бедна современная критическая мысль. Причин тому много, но одна из основных причин заключается в том, что нашим литераторам недостает знания истории литературы. В силу этого невежества сегодня каждый грузинский писатель убежден, что только с его приходом началась грузинская литература... Вот результат отсутствия у нас настоящей критики, результат ее трусости и слабости.

Рафиэл Эривасти в грузинской литературе XIX в. является мостом, объединяющим Н. Бараташвили и И. Чавчавадзе, с одной стороны, и А. Церетели и А. Казбеги — с другой. Строй его стиха, т. е. внешнее выражение идеи, и содержание, т. е. дух поэзии, отмечены истинно народным характером. Только после Р. Эривасти было возможно появление в нашей литературе А. Церетели и А. Казбеги. Р. Эривасти создал целую область в грузинской поэзии. Его язык, его чувства и идеалы подлинно народны и доступны народу в той же степени, в какой доступны ему собственные чаяния и надежды. Р. Эривасти создал свою поэтическую школу, он внес в поэзию свежую струю

¹ Строки из стих. Н. Бараташвили «Одинокая душа» в переводе К. Липскерова.

языка и фольклора горцев, по дороге, им проторенной, пришли в литературу братья Разикашвили¹, Шио Мгвимели, Алпшинашвили и др.».

Илья прочел эту статью с таким же удовлетворением, как и статью в «Иверии». Он не нашел здесь отзыва тех споров, которые шли между сторонниками «Иверии» и оппозиционным крылом газеты «Квали». Было ясно, что Георгий Церетели хоть и широко открывал двери этим молодым оппозиционерам, членам «Месаме даси», но сам оставался верен идеалам 60-х годов.

Затем Илья перешел к чтению приветствий, щедро приведенных на страницах обеих газет. На видном месте была напечатана речь Акакия Церетели. Потом Илья пробежал начало своего выступления:

«Нашему почтенному юбиляру принадлежит заслуженное место в грузинской поэзии, его стихотворения отмечены подлинно народным чувством. Он глубоко проник в жизнь трудового народа и является выразителем его чаяний. Поэт создал целое направление народной литературы. Последователями его являются братья Разикашвили...».

Здесь Илья остановился и перешел к выступлению Иване Мачабели:

«Нынешний день должно считать знаменательнейшим днем в нашей жизни. Сегодня мы еще раз продемонстрировали свое единство. Сегодня подтвердилось наше единение даже с теми уголками Грузии, которые казались нам безнадежно оторванными. Когда закончилось чествование юбиляра и собрание уже расходилось, хевсуры в своих живописных одеждах, подбрасывая вверх шапки, братались с нами — одетыми в современные сюртуки. Что же привело сюда этих жителей недоступных гор, чему они так рады? Ведь раньше разве только призыв царя Ираклия мог заставить их откликнуться и встать на защиту отечества. Но нынче — совсем другое дело. Не нужна мужественным горцам боевая кольчуга, ведь они пришли по призыву пера и слова, слова поэта, которое значит не меньше, чем призыв царя Ираклия!.. И как облака, стремящиеся в небе навстречу друг другу, столкнувшись, рождают гром и молнию, так и грузины, собравшиеся сюда со всех уголков нашей родины, были объединены одним чувством. Эта встреча родила бурю самых горячих чувств — и в том числе чувство благодарности к тому человеку, который стал причиной нашего собрания. Охваченные радостью, наблюдали мы, как аджарец в башлыке и житель Батума протянули руку грузину, живущему в Баку».

В статье Екатерины Габашвили один абзац привлек внимание Ильи:

«...Ни один из выступавших сегодня не вспомнил твоих любовных стихов. Как же так? Неужели суждено быть позабытой той поре в жизни певца, когда юность зовет его воспеть женщину, когда в прекрасных взорах видятся ему картины жизни родного края, исполненные тайны и прелести, когда он обожествляет возлюбленную, в ней черпает силу и поэтическое вдохновение, ей посвящает свои лучшие мотивы? Так неужели эта пора окажется позабытой нами?».

Перевод Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

Продолжение следует

¹ Одним из братьев Разикашвили был великий грузинский поэт Важа Пшавела.

УЖЕ ТРЕТИЙ ГОД «Литературная Грузия» ведет эту анкету, привлекая к обсуждению состояния многонациональной советской литературы 70-х годов и связанных с этим периодом ее развития проблем самый широкий авторский актив. Первыми на вопросы нашей анкеты ответили известные московские литературные критики А. Дымицкий, И. Гринберг, С. Трезуб, Е. Осетров, Л. Аннинский, чьи ответы были опубликованы в сентябрьской книжке журнала за 1974 год.

Затем свое мнение высказали писатели, критики и литературоведы Ленинграда — Б. Мейлах, Г. Холопов, А. Эльяшевич, В. Шошин, Г. Цурикова, Д. Молдавский. Их суждения напечатаны в № 7 за минувший год.

Не так давно в Вильнюсе состоялась (помещенная на грузинском языке в № 1 альманаха «Критика» за этот год) беседа грузинского критика Зазы Абзианидзе с литовскими коллегами Ионасом Ланкутисом, Витаутасом Кубилиусом и Альбертасом Залаторюсом.

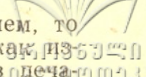
Стержнем этого разговора явились вопросы анкеты «Литературной Грузии», правда, несколько детализированные и расширенные З. Абзианидзе. Это дало нам основание считать И. Ланкутиса, В. Кубилиуса и А. Залаторюса участниками нашей анкеты, тем более что мы обещали нашим читателям в предыдущих ее публикациях приобщить к обсуждению интересующих нас проблем также критиков и литературоведов братских республик. Из них первым мы предоставляем слово литовским товарищам, которым выражаем свою благодарность за принципиальные, взвешенные, интересные и обстоятельные выступления. Дав возможность хотя бы в общих чертах обозреть панораму сегодняшней литовской литературы, они тем самым помогли нам подметить общие для двух наших братских литератур тенденции и проблемы.

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В 70-е...

З. АБЗИАНИДЗЕ: Сегодня перед многими из нас возникает вопрос: что же нового привнесли 70-е годы в советскую литературу? Или наши писатели все еще стоят перед проблемами, рожденными предыдущим десятилетием?

И. ЛАНКУТИС: В этой беседе я в основном буду исходить из опыта современной литовской литературы.

Отвечая на ваш вопрос, можно предположить, что 70-е годы породили в литературном сознании острое ощущение необходимости идейно-эстетического обновления. Сам процесс такого обновления пока не очень заметен, но для многих писателей и критиков стал очевиден тот факт, что проблематика, выдвинутая предыдущими десятилетиями, в основном исчерпана, а многие прежние художественные открытия также потеряли свою свежесть. Литературный процесс как бы застыл в ожидании зарождения новых творческих тенденций и концепций, новых жанровых форм и стилистических направлений. Можно говорить о многих хороших и отличных произведениях последних лет, но пока нет открытий и явлений, которые по своему значению могли бы равняться «Человеку» Эдуардаса Межелайтеса или литовскому исповедальному роману 60-х годов.

В. КУБИЛЮС: Если литература — это диалог писателя с читателем, то для постижения литературного процесса 70-х годов следует уяснить, как изменился за этот период читатель. Из анкетных данных, разбросанных в печати, вырисовывается приблизительно такой портрет современного литовского читателя: привязанность к классическим формам литературы. В Литве среди деревенских жителей самым большим читательским признанием пользовались классики реалистической прозы — Жемайте (75 процентов), Е. Симонайтите (23,3 процента), П. Цвирка (21,2 процента), А. Венуолис (15,5 процента). В кругу городской интеллигенции наиболее популярной книгой в 1973 — 1974 годах были беллетризованные мемуары Ю. Балтушиса «С чем пуд соли съеден» (41,8 процента), затем сочинения В. Миколайтиса-Путинаса (16,8 процента) и Ю. Марцинкявичюса (11,8 процента).

Симпатии массового читателя к классической ясности и простоте создавали постоянную оппозицию по отношению к крайности художественного эксперимента, заставляя не одного новатора вернуться от изощренных форм к простейшему ямбу или сюжетному повествованию.

Привязанность массового читателя к полюбившимся книгам оказывала воздействие и на издательскую практику, порождая обилие повторных изданий при уменьшающемся количестве впервые выпускаемых книг (в 1974 году был издан лишь один новый роман). Такая диспропорция крайне неблагоприятно сказывалась на литературном процессе.

Анкетные данные показали, что за последние годы значительно умножилось число читателей, которые обращаются к книге в поисках легкого развлечения. Миграция населения из деревни в город, свободное время по вечерам, пятидневная рабочая неделя — все это потребовало своего рода «увеселительной индустрии». И литература отдает ей свою дань: поэты рифмуют тексты для эстрадных песен, прозаики пишут детективные романы или попросту развлекательное чтиво: немножко политики, немножко секса... Ради аллодисментов публики возвышающая сила художественного слова, серьезность жизненной правды здесь подменяются елеинными сценками, декоративными поэмами, бездумным шутовством. Эта «служба быта» от литературы чаще всего — довольно низкого качества. В будущем, по мере увеличения гонораров, она привлечет и талантливые силы, не только ремесленников. Неуклонно возрастающий поток развлекательной литературы, ее агрессивные претензии считаться художественными ценностями, популярность ее авторов (согласно опросу литовского комсомольского журнала, они даже попадают в список десяти самых популярных в республике людей) являются все большей угрозой позициям серьезной художественной литературы.

«Массовая культура», существующая в нашей стране, пока в скромных масштабах, особенно притягательна для недоучившейся молодежи. Только у нас эта «массовая культура» не обрела еще той нивелирующей силы, которая способна убить в нашем обществе серьезные идейные и духовные устремления. Прошлым летом мне довелось посетить целый ряд районных книжных магазинов, и в них я не нашел ни одной книги литовского писателя. Тиражи книг, всего лет десять назад казавшиеся такими внушительными, стали голодным пайком — они расхватываются моментально. Ежегодно армия активных читателей увеличивается на десятки тысяч людей (в одном только 1974 году было выдано 8147 дипломов о высшем образовании), в то время как количество бумаги, выделяемое на нужды художественной литературы, осталось почти таким же, как и 15 лет тому назад, и лишь в самое последнее время начало понемногу возрастать. Если книжные магазины собирают 50 000 заказов на роман И. Авижюса, издательство все равно вынуждено ограничиться тиражом в 25 000 экземпляров, потому что иначе не осталось бы бумаги на издание 3—4 книг молодых авторов. Литовская литература, таким образом, развивалась в данный период чуть ли не в условиях книжного голода; новая книга исчезала с прилавков, прежде чем о ней появлялась какая-либо информация, и даже плохой писатель мог гордиться энтузиазмом читателей, а рекомендательная критика утратила практическое значение.

А. ЗАЛАТОРЮС: Если 60-е годы для советской литературы были годами стремительного восхождения в гору, головокружения от раздвинувшихся горизонтов и неожиданных открытий, то в 70-е она сравнительно спокойно выступала по плоскогорью, осторожно оглядываясь вокруг. Безрассудная стремительность сменилась рассчитанным балансированием.

Такое балансирование, пожалуй, неизбежно. Однако не все то, что неизбежно, находит безусловное оправдание и одобрение наших чувств. Вот почему, сравнивая литературное развитие 60-х и 70-х годов, мы испытываем больше симпатий по отношению к 60-м. Тогда было больше страсти, смелых экс-

периментов, быстрее нарождались новые темы и идеи, интенсивнее шло освоение «неведомых земель» в человеческой душе и в сфере возможностей поэтического слова. Правда, в семидесятые также появился ряд значительных произведений, дебютировали талантливые авторы, но всеобщего вододушевления и подъема уже не было. Отчего так произошло?

Причины этого, несомненно, различные — и общественные, и литературные. Каждый понимает их по-своему, дает им свое толкование. Мне бы хотелось затронуть здесь лишь причины литературного характера.

В 60-е годы писателю было проще. Достаточно было реабилитировать художественные качества, в послевоенный период ставшие «табу», — вывести тип противоречивого и одинокого героя, используя лирические интонации и интеллектуальную фразеологию, разрушить привычные пространственно-временные связи, прибегнуть к игре ассоциаций и иронии, — и тотчас становилось интересно. Сегодня этого мало. Не вызывает прежнего энтузиазма даже публицистическая смелость, эзопов язык или пренебрежение к знакам препинания. Напротив, ощущается тоска по одухотворенной простоте, совершенству, человеческим универсалиям. Литература должна теперь опираться на себя, а не на то, что находится рядом и около нее.

В связи с этим встает проблема выдающихся личностей, необузданных талантов. Эту проблему и выдвинули исполненные динамизма 60-е годы. Тогда быстро заполнились зиявшие в литературе щели, для «затыкания» которых понадобились скорее мастерство, образованность, новизна мироощущения, нежели стихия большого таланта. В итоге был достигнут определенный качественный стандарт, высвободиться из которого не так-то просто. Должна созреть необходимость такого высвобождения, а также возможности и силы для его реализации.

З. АБЗИАНИДЗЕ: И в связи с первым вопросом: можно ли говорить о литературном поколении 70-х годов с таким же правом, с каким мы говорим о поколении их непосредственных предшественников? Как, в частности, проблема нового поколения стоит в литовской литературе? Можно ли подметить определенные, присущие лишь литературной молодежи новации?

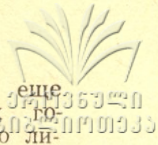
И. ЛАНКУТИС: В литовской литературе 70-х годов приобрели известность и признание такие писатели, как С. Шальтянис, Р. Гранаускас, Ю. Глинскис, Р. Шавялис, братья Пятрас и Повилас Диргелас, Б. Вилимайте и другие. Новые имена появились в прозе, поэзии, драматургии, критике. Но своего индивидуального творческого лица новое поколение еще не сформировало. И вообще говорить о поколении как новом литературном явлении и начинании в данном случае вряд ли можно. Литературная молодежь пока еще не выработала своих обособленных позиций и чаще всего вливается в те русла и течения, которые существовали в литературе на прежнем этапе. Как и в конце 60-х годов, здесь можно заметить такие творческие тенденции, как психологизм и лирическое повествование, распространение почти во всех жанрах гротеска, метафоризма, символики и ассоциативного мышления, популярность поэтической драмы и др.

А. ЗАЛАТОРЮС: Вглядываясь в современность, мы полагаем, что в литературной жизни нечто очень существенное — поколения. Но проходят десятилетия, и на памяти литературы остаются отдельные личности.

Разумеется, игнорировать вопрос о поколениях было бы также неверно. Вся беда в том, что само понятие поколения — неопределенно. Ведь поколение — это не только в одно и то же время дебютировавшие писатели. Его сплачивает определенная идейная, психологическая, эстетическая общность, а главное — творческий потенциал, позволяющий не только прослыть оригинальным, но и оставить непреходящий след на литературном поприще. Новое поколение творчески трансформирует опыт прежнего, по-своему отрицает его, точнее отражая зреющие в обществе настроения и художественные запросы. Оно приходит само — его нет нужды пестовать, его невозможно остановить.

У 70-х пока что нет оснований гордиться таким поколением. Возможно, в других национальных литературах дело обстоит иначе, но в литовской литературе художественные новации по-прежнему связаны с теми поколениями, которые выступили в конце 50-х (Ю. Марцинкявичюс, А. Балтакис, А. Малдонис, И. Микелинскас, К. Сая, В. Бубнис) и особенно в 60-х годах (Ю. Вайчюнайте, И. Юшкайтис, С. Гяда, М. Маргинайтис, В. Шимкус, Ю. Алуцис, Р. Гранаускас). Потенциал творческого обновления сохранили писатели и более старших поколений (Ю. Грушас, Э. Межалайтис, И. Авижюс, М. Служкис).

Поколение 70-х еще не всколыхнуло литературной жизни, не обрело голоса, который бы услышали все. Тут можно выделить разве что отдельных прозаиков (Р. Шавялис, братья Пятрас и Повилас Диргелас).

В. КУБИЛЮС: Говорить о литературном поколении 70-х годов еще рано: имею в виду, конечно, литовскую литературу. Если в начале 60-х годов уже возможно было определить лицо нового поколения, то сейчас это лицо еще слишком расплывчатое. Но 70-е годы бесспорно вносят определенные черты в облик начинающих и уже сложившихся писателей.

Какой тип писателя доминирует в нынешнем диалоге с читателем? Если в первые послевоенные годы в литературу приходили прямо из окопов, изрешеченных бандитскими пулями комсомольских комитетов, то теперь приходят выпускники высших учебных заведений. Из 54 новых членов Союза писателей Литвы, принятых за период 1970 — 1975 годов, 46 имеют высшее образование, среди них 43 — филологическое. Они работают в редакциях, вузах, переводят с других языков, каждые два или четыре года выпускают свои книги — словом, живут литературным трудом. Сегодня уже исключением является писатель, который зимой сторожит театральный реквизит, а летом ходит с гармошкой по селам со свадьбы на свадьбу. Французы называют писателя «homme de lettres», дословно пишущий человек. Этот период был особенно урожайным писателями именно такого типа — пишущими людьми. В Америке такие писатели создали так называемую литературу профессоров колледжей. Нам далеко до подобного рода литературного сциентизма... Конечно, профессионализация — неизбежна. Но как избежать кабинетной пыли и бесплодной суеты в сфере чисто литературных амбиций? В этом отношении идеальной представляется мне творческая личность. Ю. Марцинкявичюса, исполненная чувства гражданской ответственности, живой связи с действительностью, активной нравственной обсервации и очищающего драматизма. Каждое его произведение создано пером мастера-профессионала и при этом отмечено свежим восприятием мира и новой стороной человеческой сущности.

С середины 60-х годов заметно начало меняться отношение писателя к жизни — фактор весьма существенный для будущего произведения. Оно стало более непосредственным. Если писатель хочет написать роман о деревне, он не просит творческой командировки, а поселяется в деревне. Так, И. Авижюс написал «Потерянный кров»¹, так В. Гирдзияускас, работая на заводе счетных машин, создал «Производственный» роман «Люди были добры ко мне». А поэт М. Мартинайтис полемически возгласил: жизнь — повсюду, в тебе, в твоём доме, вокруг тебя, только внимательно присмотришься ко всему, только по-смей сказать правду — и не нужны тогда никакие творческие командировки в жизнь.

Такое пристрастие к действительно увиденному и пережитому, стремление к достоверности создали необходимую психологическую платформу для документальности, которая занимает в литературе все более важные стратегические позиции. По силе эмоционального воздействия многие романы оставила позади документальная повесть В. Солоухина «Приговор». Потрясающий цикл очерков создали белорусские писатели (А. Адамович и др.), записавшие на магнитофонную ленту рассказы жителей сожженных гитлеровцами деревень. Литовские писатели, правда, не прибегают к новейшей технике. Но вот В. Пяткявичюс сумел дневник превратить в интересную книжку для детей «Почемучка». Самая блестящая из работ этого рода — эссе К. Воруны «В гостях у Чюрлёниса», изданное уже после смерти автора. Это сжатое как стихотворение и мелодичное, но в то же время многогранное произведение. Сколько в нем крутых поворотов действия, контрастных временных планов, драматизма, непреходящих и гибнущих ценностей! И какой плавный переход с выража на вираж, какая воздушная легкость всего здания, когда в его основе — конструкция смысловых и эмоциональных лейтмотивов! Это один из первых, но весьма значительный шаг на пути становления литовской документальной прозы.

З. АБЗИАНИДЗЕ: Как подметил Э. Межелайтис, «ныне взор художника все чаще устремляется на каждого отдельного человека». Видите ли вы в этой тенденции развитие горьковской гуманистической концепции или это вообще доминирующая черта искусства нашего времени, осознавшего, что «любить одного человека гораздо труднее, чем все человечество»?

А. ЗАЛАТОРИУС: Еще В. Шекспир доказал, что подлинная магистраль литературы проходит через переживания и судьбу отдельного человека. Только изображая поступки и чувства индивида (свой или чужие), писатель может добиться той оригинальной конкретности, которая составляет живую душу произведения. Конечно, конкретное выступает обычно как символ или код чего-то более общего, но без этого творение стало бы нагромождением тезисов и аб-

¹ Роман И Авижюса удостоен Ленинской премии по литературе 1975 года. (Ред.)

стракций, а не цельным произведением искусства. Ну а кого любить труднее человека или человечество, — это каждый решает индивидуально. Пожалуй, в обоих случаях нет большого труда. Гораздо труднее, когда во имя этой любви пытаешься что-либо сделать.

З. АБЗИАНИДЗЕ: В таком случае я бы уточнил предыдущий вопрос и вместе с тем несколько расширил его: не думаете ли вы, что господствующая в сегодняшней советской поэзии (да и в прозе, честно говоря) тенденция «вертикального» поиска сужает «горизонтальный» пласт литературы? Насколько объемлет самоуглубленный взор художника важнейшие вопросы современности — будь то научно-техническая революция или же проблема экологического равновесия?

И. ЛАНКУТИС: В течение 60-х годов литовская литература усилила внимание к внутреннему миру отдельной личности. Это породило тенденцию самовыражения, способствовало развитию внутреннего монолога, технических приемов «потока сознания», активизировало рост форм «микроромана», «микроромана» и т. п. Этот процесс продолжается по сей день и во многих случаях приносит весьма плодотворные художественные достижения. Но, с другой стороны, в последние годы все чаще обнаруживается, что стихия самовыражения уже начинает стеснять рост литературы, ограничивает ее возможности. Особенно это заметно в творчестве некоторых молодых писателей, склонных к анализу субъективных коллизий сугубо индивидуального характера. Главным источником художественного изображения во многих случаях становится личный опыт автора, а он не всегда велик (его хватает на первую книгу). Очень остро сегодня стоит вопрос об изучении более широких пластов социальной жизни, расширения тематики, панорамного изображения исторического опыта народа и современного развития человечества. Вызывает тревогу малое количество эпических полотен, исторических романов, документальных повестей. Но есть надежда, что появление таких произведений, как упомянутый здесь «Потерянный кров» И. Авижюса, «Миндаугас» и «Собор» Ю. Марцинкявичюса, исторические драмы Ю. Грушаса, станет хорошим примером удачного сочетания масштабности идейного обобщения и проникновения во внутренний мир личности.

В. КУБИЛЮС: Я не вижу никакой опасности в движении литературы по вертикальной линии. Такой маршрут движения естествен и неизбежен для серьезного искусства.

В настоящее время в литовской литературе все более смелые и глубокие рейды совершаются в область универсальной человеческой проблематики, чтобы в свете идеалов социализма ответить на вековые вопросы человеческого существования: кто ты, для чего живешь, в чем смысл твоей жизни, что есть любовь и что есть смерть. В «кратких поэмах» Ю. Марцинкявичюса и Ю. Вайчюнайте ожили мифы о Прометее и Орфее, К. Сая на основе литовских народных сказок создал новейший миф о справедливости, честности, самопожертвовании. Мощный моральный потенциал, заложенный в этих универсальных ситуациях, выливается из мироощущения советского человека, его сегодняшнего состояния. Формирование такого потенциала, особенно интенсивное в драматургии Ю. Грушаса, — важное достижение литовской советской литературы. Этическое начало отвоевало свои права в литературе, его уже не вытесняет мелкое описательство; этическое начало становится даже решающим фактором в структуре всего произведения (повести И. Микелинскаса).

И все-таки деревня по-прежнему осталась осью проблематики и важнейшим источником фактуры образа в литовской литературе, как и в послевоенные десятилетия. Здесь, в деревне, продолжается острейшая ломка привычного уклада жизни, связанная с индустриализацией сельского хозяйства и ликвидацией хуторов. Этот неизбежный переход к индустриальным формам жизни, вызывающий болезненную реакцию устоявшейся психики земледельца, на высоком художественном уровне отобразил молодой писатель Р. Гранаускас в книге «Едоки хлеба», которая сродни своим правдивым пафосом прозе Г. Матевосяна. Очень характерен своей социальной емкостью роман В. Бубниса «Три дня в августе». Здесь дана наиболее полная в современной литовской литературе панорама социалистической деревни — каменные домики с легковыми автомашинами и отравленные пчелиные ульи, чужеродная жена в «католическом доме» и требование районного начальства о постройке двухэтажной бани на берегу озера. Это социальный роман в подлинном смысле слова: здесь участвуют различные социальные группы, действие охватывает несколько различных пластов жизни, а нити индивидуальной психики уверенно держит в невидимых руках исторический процесс.

Как видим, вертикальное и горизонтальное движения в литературе неразделимы.

А. ЗАЛАТОРИУС: Самоуглубленность и аналитичность — особенно ценные качества современной литературы. Так называемая «вертикальная» тенденция, на мой взгляд, не может преградить путь проявлению «горизонтальности». Можно рассуждать исключительно о себе и в то же время затронуть большие эпохальные проблемы. Важно, чтобы эти проблемы были органически спаяны с личностью творца, ибо художник, как библейский бог, созидает по своему образу и подобию. Чего нет у творца, того он не может дать и своему творению. Правда, он может изобразить людей более примитивных, чем он сам, но более умных и сложных — едва ли. Поэтому я и упомянул в начале о проблеме ярких творческих индивидуальностей. Есть и другая сторона вопроса. Большие заботы и тревожения эпохи еще не стали у нас духовной принадлежностью всех людей (тем самым и писателей), не сделались предметом всеобщего обсуждения. Мы пока что помещаемся в теплой воде оптимистических иллюзий. А вычитанные из книг, невыстраданные эти заботы будут торчать как чужеродные тела. Между прочим, в аналитической литературе их и сегодня предостаточно.

З. АБЗИАНИДЗЕ: Можно ли заметить в известных вам литературах народов СССР, и прежде всего в литовской литературе, некоторую закономерность во взлетах или спадах тех или иных жанров? Не зависит ли хронология этой «кривой» от подмеченной Э. Межелайтисом тенденции?

В. КУБИЛЮС: Взлеты и падения отдельных жанров зависят от многих причин как социально-политического порядка, так и внутренних закономерностей самой литературы. Сводить весь этот комплекс к тезису Э. Межелайтиса не стоит.

Литовская литература уже в шестом десятилетии прогремела смелостью своих художественных исканий. В данный период этой смелости заметно прибавилось. Создатели «литовской школы романа» больше рассуждали, какова эта школа и какой должна быть, больше старались канонизировать свой опыт, нежели писали новые романы. И все же литература шаг за шагом продвигалась по пути художественного обновления, так как в противном случае она превратилась бы в хранилище трафаретов.

Наибольшие изменения произошли в драматургии — Ю. Марцинквичюс возродил жанр историко-поэтической драмы, Ю. Грушас и К. Сая обратились к поэтике гротеска, что в русской драматургии уже предпринимали Ю. Шварц и А. Попков, а в эстонской — Ю. Смуул в своем монологе «Вдова полковника».

И. Авижюс и В. Бубнис доказали жизненность панорамного романа, как это сделал и В. Богомоллов своей эпопеей «В августе сорок четвертого...» Р. Ланкаускас, Л. Яцинявичюс, С. Шадьянис развили тип лаконической повести, удачно совместив план иронический с проникновенно-лирическим. Такая повесть существует и в эстонской прозе (произведения Э. Вегемаа, А. Валтона). Она все более решительно вытесняет роман с ключевых позиций. Это, по-видимому, является главной особенностью жанровой модификации прозы на данном этапе.

Поэтический слог, уже в прошлом десятилетии вернувший себе неподдельность внутренних состояний души, порывистую раскованность мысли, теперь все чаще смущенно избегает интимной откровенности, задушевных, простых и цельных историй переживания. В. Шимкус ввел в ткань стиха внезапный прием парадокса, М. Мартинайтис воссоздал первозданные ситуации национального мифа, С. Геда прибегал к неожиданным скрещением смысловых акцентов, крайнему напряжению слова, выбитого из привычного контекста. Только этой стилистике с ее отвлеченно-безличным движением стиха, разрушенной цельностью ситуации, упрощенной фразеологией недостает, как мне кажется, интеллектуального витализма, животворного соприкосновения с духовным опытом своего поколения.

В новелле Ю. Апутис и Р. Гранаускас в конкретный план повествования ввели неуловимую игру лирических видений, глубокий драматизм мысли, создали необычную для литовской прозы ритмику фразы, где динамизм удачно сочетается с поэтическим сиянием и скрытой символической подтекста. Подобную фразу можно ощутить в прозе эстонца М. Траата и армянского писателя Р. Арамяна.

Таким образом, с конца 60-х и с начала 70-х годов, в литовской литературе проступили новые стилистические тенденции. Они функционируют на фоне традиционного реализма, соперничая с формами адекватного отраже-

ния действительности и в то же время переплетаясь с ними в пределах одного произведения. Насыщенность слова, максимальная концентрация образа, крутые повороты композиции вторгаются в художественное пространство, мерно текущих предложений, детальных описаний и плавных мелодий как симптомы больших исторических потрясений. Колоритные описания повседневного быта, связанные еще с традициями крестьянской литературы, насыщаются философской масштабностью человеческого бытия и раздирающим чувством динамики, рожденными уже темпами городской цивилизации. Монументальная законченность образов разрушается напряженной текучестью внутренних состояний, которые лишены четких временных и пространственных очертаний (такова и повесть В. Катаева «Трава забвения»). Не преобладание какого-либо одного стилистического направления, а их разностороннее взаимодействие во многом определяет сегодня сложный «химический состав» и атмосферу художественного творчества.

К началу 70-х годов, на мой взгляд, окончательно исчезли такие понятия, как «ведущая литература», «отстающая литература». Теперь произведение каждой национальной литературы мы читаем с почтительным ученическим чувством. Это хорошее чувство.

А. ЗАЛАТОРИОС: «Кривая» жанров была и останется кривой. Причины этого процесса каждый раз очень конкретны. Сегодня, когда литература исходит прежде всего из культурного, а не из чувственно-бытового опыта, особенно большое значение для популярности и распространения того или иного жанра приобретает масштабность дарования самих писателей. Разумеется, развитие жанров определяют и условия общественной жизни: ее динамизм или стабильность, так называемый «социальный заказ» и т. д. Временами полноводное русло того или иного жанра ни с того ни с сего иссыкает.

В 60-е годы в литовской литературе в центре всеобщего внимания оказался роман (А. Беляускас, М. Слудкис, И. Микелинскас, Б. Пяткявичюс). По инерции и теперь иногда с энтузиазмом говорят о литовском романе, хотя этот жанр значительно ослабел. Не удовлетворяет уже не только качество, но и количество (два-три романа в год). Напротив, драма, долгое время бывшая пригульным детищем литературы, за последнее пятилетие вырвалась вперед (главным образом благодаря драмам Ю. Грушаса, Ю. Марцинкявичюса и К. Сая). Поэм, если не считать драмы-поэмы, теперь почти никто не пишет, хотя лет 15—20 тому назад за них брались даже начинающие авторы. Довольно популярна сегодня повесть или «краткий роман» на 60—100 страниц (Р. Ланкаускас, С. Шальтянис, Л. Яцинявичюс). Стучится в дверь развлекательная проза. На одном и том же уровне популярности вот уже несколько десятилетий удерживается только лирика.

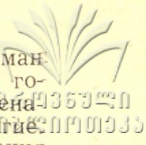
В целом, сегодня стираются четкие жанровые границы, происходит так называемая «гибридизация жанров» (Э. Межелайтис).

З. АБЗИАНИДЗЕ: А теперь вопрос, касающийся критики: каковы сегодняшние тенденции литовской критики? Не встают ли перед вами проблемы более научного, точного обоснования литературных оценок или же вопросы «вторжения» в литературоведение смежных дисциплин? Ваше отношение к «новой критике»?

И. ЛАНКУТИС: Мне прежде всего хотелось бы отметить значительный творческий рост в этой области. Критики и литературоведы республики много внимания уделяют проблемам методологии. Важным стимулом для этого было постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Методологические вопросы обсуждались на совещаниях, стали предметом изучения в научных учреждениях и Союзе писателей.

XXV съезд партии литовские литературоведы и критики встретили объемистым сборником «Современные проблемы критики». Книга подготовлена Институтом литовского языка и литературы Академии наук Литовской ССР совместно с Комиссией по критике при Союзе писателей Литвы. В ней принимают участие 13 авторов, то есть почти весь актив наших критиков. В сборнике на основе творческого опыта современной литовской литературы и критики рассматриваются актуальные проблемы социалистического реализма, принципы партийности и народности, идейно-эстетической оценки и критического подхода к изучению специфики отдельных жанровых форм, говорится о социологическом, типологическом и структурном аспектах анализа литературных явлений, искусстве интерпретации, о взаимоотношениях критика — писателя — читателя.

Методологическая активность положительно отразилась и на практической деятельности многих критиков. Прежде всего, это заметно в новых кни-

гах наших критиков. Среди них хочется упомянуть такие работы, как «Роман и современность» А. Бучиса (отмеченную республиканской премией 1975 года), «Традиция и поиски» В. Арешки, «На рубеже десятилетий» П. Бражениса, «Диалог с героем» С. Липскиса, «Ионас Авижюс» Е. Букалене и другие. О росте профессионального уровня критики свидетельствуют выступления В. Кубилюса, В. Галиниса, К. Настопки, Р. Пакальнишкиса, А. Залаторюса, А. Самулениса, В. Дауётите и других авторов. С удовлетворением можно отметить, что многие современные критики — это квалифицированные филологи, умеющие применять способы анализа идейно-художественной ткани произведения, тонко понимающие творческий замысел автора, чутко реагирующие на любые художественные поиски. Для каждого более или менее значительного произведения критика сегодня способна определить довольно точное место в системе духовно-эстетических богатств.

Но за филологической образованностью, а иногда и за узкими методологическими ее упражнениями скрываются и некоторые слабые места нашей критики.

На мой взгляд, сила и уровень критики зависят не только от ее умения правильно оценивать произведения, не от ее профессионального мастерства, а прежде всего от ее способности стать творцом новой общественной мысли, повлиять на духовное состояние своих современников. Таковую роль критика наиболее успешно и аффективно выполняет в моменты знаменательных жизненных поворотов и переломов, когда назревает пора существенных перемен в духовном состоянии общества. Тогда и сама жизнь, и литература наталкивают критику на новые идеи, на новые духовные ценности.

Наше время — время равномерного, последовательного общественного и литературного развития, бережно сохраняющего все социалистические завоевания прошлого и направленного на осуществление конкретных и твердо установленных задач экономического и культурного строительства. Многонациональная советская литература переживает период сравнительно спокойного внутреннего усовершенствования и роста.

Задачи критики в данный период особенно сложны и ответственны. На ее плечи ложится обязанность требовательно проверять духовное состояние общества, откровенно и прямо говорить о том, что нас удовлетворяет, привлекает как новое, достойное всеобщей поддержки и что не удовлетворяет, вызывает тревогу, мешает нашему духовному прогрессу. Это должен быть разговор крупный, весомый, вызывающий всеобщее внимание не только в литературных сферах. К сожалению, такого разговора все еще нет ни на страницах наших журналов, ни в критических книгах, появившихся за последние несколько лет. Боюсь, что во многих случаях мы об этом и не думаем, увлекаясь рецензированием отдельных произведений, мастерством литературного исследования, разговорами о новых методах литературного анализа и т. п.

Что же мешает нашей критике стать движущей силой общественной мысли? Может быть, нет людей, которым под силу такие задачи? Нет современных Белинских, Чернышевских, Добролюбовых? Быть может, это и так. Но в таком случае надо сделать все необходимое для того, чтобы они появились. Среди множества факторов, очевидно, важную роль могло бы сыграть создание благоприятной атмосферы для большого, делового и принципиального разговора по крупным проблемам современного духовного состояния нашего общества. К сожалению, этому очень часто мешает тенденция парадных отчетов, нежелание подвергать открытому обсуждению сложные вопросы. Уж очень широко в повседневную жизнь многих наших ведомств, творческих организаций, редакций вошло мелкое дипломатическое стремление к «спокойной жизни». Из-за таких соображений часто в самом зародыше заглушаются полезные дискуссии, у людей пропадает охота браться за жгучие проблемы.

А. ЗАЛАТОРИУС: Критики — наименее привилегированный слой литовской литературной общественности. Их книги издательства выпускают безо всякого энтузиазма, хотя они пользуются спросом (зато оперативно издаются сборники статей и рецензий самих писателей). Они с завистью взирают на грузинских коллег, имеющих свое периодическое издание. На их головы сваливается зачастую вина за невзгоды литературы. Редакции избегают критических, полемически заостренных статей и рецензий, поскольку писатели, в особенности влиятельные, нередко используют свое влияние, чтобы подавить неблагоприятные о себе мнения. Конечно, есть практичные люди, всегда готовые приспособиться к любым условиям. Такие критики быстро усваивают формулу: восхваляй «именитых», а желчь при желании изливай на «мелюзгу». Эта удобная формула раскрывает перед ними двери и редакций, и Союза писателей. «Непрактичным» труднее...

Среди новейших тенденций современной критики можно назвать две. Во-первых, повышенный интерес к социологическому анализу произведения, к вопросам идеологии творчества. Для второй тенденции (нечто вроде антинота первой) характерно стремление глубже проникнуть в структуру произведения, в его языковой материал. Сторонниками обоих направлений созданы интересные работы. В общем и целом уровень литовской критики значительно возрос, хотя по-прежнему нет недостатка в рецидивах любительства, эклектизма. Еще остро стоит и проблема распознавания и определения художественной ценности произведения. Подчас благодаря актуальной теме или интересной форме превозносится произведение, во всех других отношениях довольно посредственное.

Объективность и научность литературных оценок — едва ли не самые слабейшие места нашей критики. Некоторое утешение можно найти разве в том, что подобные проблемы чувствуют критики и в других странах. Менее утешительно другое: недостаточная эрудиция критиков, замыкание в узких рамках своей литературы, скудное знание мировой эстетической мысли и философии. Лишь немногие критики свободно оперируют литературными фактами и трудами теоретиков других народов (В. Кубилиус) или последовательно применяют новые принципы исследования (К. Настопка). Большинство же довольно нехотя раздвигает горизонты своего знания, пытаясь восполнить их стилевой и словесной завлекательностью. Недавно вышел из печати объемистый сборник статей литовских критиков, озаглавленный «Современные проблемы критики» и посвященный методологическим вопросам. Быть может, он станет своего рода вехой, которая ознаменует начало более интенсивных поисков научных основ.

К «новой критике» я особенно благорасположен. По мере возможности слежу за работами ее представителей. В упомянутом сборнике с аналогичных позиций пытаюсь обсудить проблемы интерпретации прозы. Но одно — интересоваться, а другое — творчески применять на практике. Мешают инерция мышления и другие барьеры.

В. КУБИЛИУС: Критика меньше всего знает сама себя. Какова ее жанровая система и стилистические модели? Как следует анализировать критические книги? Это белые пятна, так как, занятая нормативами других жанров, критика не решает оглянуться в свою сторону. Колеблется между художественным творчеством и научным анализом, охватывая самые различные области знания, принимая на себя множество идеологических, эстетических, воспитательных функций, критика, однако, обладает и собственной алгеброй внутренних законов (не всегда, правда, очевидных), по которым она должна обсуждаться и расцениваться наравне со всеми другими родами литературы.

Литература представляет собой систему ценностей, больших или меньших по своему достоинству, и в задачу критика входит их определение. Вытекающие отсюда напряженность, категоричность, полемическая заостренность и составляют, по всей видимости, внутренний сюжет критических работ, а поиски ценностей обуславливают интеллектуальное переживание, оправдывающее чтение данных работ. Настоящий критик неизменно чувствует истинную ценность произведения и стремится раскрыть ее в каждом предложении, в чем и состоит его отличие от рядового любителя. В последнее время, впрочем, большое распространение получили статьи-интерпретации; их авторы, по замечанию представителя французской «новой критики» Ж. Пуле, уже отказываются от роли судей. Довольно, говорят они, выставлять отметки писателям. Единственная обязанность критика — выяснить, что хотел сказать автор произведения. Печать ломится от статей, пересказывающих содержание романов, пьес, стихотворений или объясняющих их структуру, тыкающих пальцем то в один, то в другой образ: всмотритесь, какая глубина... Такая описательная критика каждое произведение рассматривает как заведомо неоспоримую ценность (по замечанию В. Озерова, в 1972 году всесоюзные журналы не опубликовали ни одной критической рецензии). Когда критика дипломатично уклоняется от оценки и одинаково серьезно интерпретирует как отличное произведение, так и недолговечную поделку, она не выполняет своего долга перед литературой и обществом, так как ни та, ни другое не могут существовать без оценочных критериев и чувства ценности. Когда критика примиряется с серостью и провозглашает классиками посредственных авторов, литература утрачивает перспективы и жажду совершенствования.

Если историк литературы занимается лишь объективным подведением итогов развития, то критик призван быть оппонентом каждого нового произведения, без всякой жалости испытывая его по законам сопротивления материи, постоянно переоценивая и даже полемически уценивая уже свершенное, чтобы

36940
критика

выявить неиспытанные возможности дальнейшего развития. Таким образом, попытки критики установить в литературе иерархию ценностей — занятие необходимое, трудное и обременительное. В этой связи одним из важных критериев оценки деятельности критика следует считать то, является ли он правомерным адептом устоявшихся ценностей или берет на себя смелость самолично определять эти ценности, низлагая закостеневшие авторитеты и выдвигая свежие перспективные силы.

Понятие ценности в литературе меняется, потому что литература все время создает новые ценности. Если критик мерит новые ценности по масштабам вчерашнего, он становится догматиком. Критерии критика должны меняться в таком направлении, чтобы они не зажимали ростков нового, а способствовали всестороннему развитию всех возможностей национальной литературы.

«Новая критика» предлагает для анализа литературного текста более точные методы. В литературоведческих работах эти методы (особенно структурализм) применяются и у нас. Но в критике область их применения довольно ограниченная. Притом возникает и основополагающий вопрос: создаст ли формализация литературы — «специфической знаковой системы» — реальную основу для объективных оценок, возможна ли точная, неизменная, раз навсегда установленная «научная информация» о произведении искусства — объекте в высшей степени изменчивом и неисчерпаемом?

Если долгое время в критике преобладала традиция иллюстративного, линейного мышления, то теперь пришло время мыслить проблемно. Критика может вести диалог с писателем или читателем лишь при условии, если она находится на одном с ними уровне мышления и художественной культуры. Острый разрез общественной ситуации, проникновение в подоплеку явления, трезвое осознание того, в какое время живешь и что происходит вокруг, огромное количество информации в одном предложении, богатство и живость ассоциаций — вот в чем состоит ценность и достоинство современных критических работ.

ОТ ПРОТОТИПА

К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ОБРАЗУ

СВОЮ творческую жизнь Анастасия Эристави-Хоштария начинала в то время, когда еще жили и творили такие столпы грузинского критического реализма, как Илья Чавчавадзе и Георгий Церетели. Напутствие Акакия Церетели оказалось счастливым для ее длинного жизненного пути.

Ко времени, когда вышло в свет самое значительное произведение писательницы — роман «На скользком пути» (1896), у грузинских шестидесятников были четко определены взгляды на проблему создания художественного образа, то есть типа, литературного персонажа.

Илья Чавчавадзе прежде в предисловии к своей повести «Человек ли он?!», а затем в целом ряде своих программных литературно-критических статей сформулировал те основные принципы, которыми должен руководствоваться писатель, создавая художественный образ. Вспомним его статью «Акакий Церетели и «Витязь в тигровой шкуре». И. Чавчавадзе пишет: «Писатель или какой-либо другой создатель, как бы досконально и прекрасно не изобразил одного человека — будь то Иван или Петр, всегда должен отдать предпочтение тому, кто способен отразить общее... Тип — обобщенное лицо однородных людей, из которых почерпнуты наглядные черты и собраны воедино, в одном человеке».

Проблема типичности наиболее значительна в художественном творчестве Георгия Церетели, в его публицистике.

При создании полноценного художественного образа он выступает сторонником обобщения, хотя в отличие от Ильи Чавчавадзе считает возможным использовать первообразом конкретную личность, которая отражает общее. В этой связи заслуживает внимания его полемическая статья «Лекции в кружке Пальм и Эрицова». Споря с русским

НА ПРИМЕРЕ ПЕРСОНАЖЕЙ
 РОМАНА АНАСТАСИИ
 ЭРИСТАВИ-ХОШТАРИЯ
 «НА СКОЛЬЗКОМ ПУТИ»

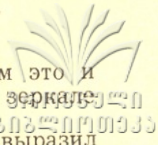
драматургом Пальмом о значении драмы и силе ее воздействия, Г. Церетели развивает следующую мысль: «В ней (т. е. в жизни, в действительности) каждая живая личность сама по себе тип; она носит в себе глубокий отпечаток той жизни, которая создала эту личность. В ряду бесчисленного множества таких личностей есть такие, которые целую голову стоят выше других, им подобных, в целом составе жизни. Действия их производят в жизни больше эффекта, они и обращают внимание всех. Такие личности у всех на глазах. Они-то и есть настоящие жизненные типы, производящие на всех живое впечатление»¹.

Основной романов и рассказов Г. Церетели является реальная жизненная действительность, действующие лица зачастую имеют своих прототипов. Сделав их героями произведения, писатель как бы прибавляет им красок, иной раз меняет их антураж, для того чтобы создать образ человека, наиболее характерного для своего круга.

В этой связи весьма примечательно мнение Н. Г. Чернышевского о создании художественного образа, высказанное в его диссертационной работе «Эстетическое отношение искусства к действительности».

Чернышевский пишет: «Правда, что первообразом для поэтического лица служит очень часто действительное лицо, но поэт «возводит его к общему значению». Возводить обыкновенно незачем, потому что и оригинал уже имеет общее значение в своей индивидуальности; надобно только — и в этом состоит одно из качеств поэтического гения — уметь понимать сущность характера в действительном человеке, смотреть на него проницательными глазами, кроме того, надобно понимать или чувствовать, как стал бы действовать или говорить»

¹ «Тифлисский вестник», 1879, № 38.

этот человек в тех обстоятельствах, среди которых он будет поставлен поэтом, — другая сторона поэтического гения; в-третьих, надобно уметь изобразить его, уметь передать его таким, каким понимает его поэт, — едва ли не самая характеристическая черта поэтического гения»¹.

О том, какое влияние возымела русская революционно-демократическая мысль на грузинских шестидесятников, написано и сказано много. Поэтому останавливаться на этом не буду, скажу лишь, что вышеприведенные строки нашли глубокий отзыв в творчестве грузинских писателей.

Грузинский критический реализм является той благодатной почвой, в которую корни уходит творчество Анастасии Эристави-Хоштария. Когда читаешь ее романы и рассказы, в сознании невольно воскресают образы из «Записок проезжего» или «Отаровой вдовы» И. Чавчавадзе, из «Первого шага» и «Серого волка» Г. Церетели и т. д.

В беседе с Давидом Касрадзе Анастасия Эристави-Хоштария следующим образом сформулировала тот основной принцип, которым должен руководствоваться писатель в своем творчестве: «Автор — художник. Им подобранный герой не объект фотоаппарата, а главный предмет его творчества, который он дополняет и украшает разными деталями, примеченными в других. Мое усердие было направлено на воспроизведение настоящей жизни. Тенденция моя была такой, чтоб сгустить краски на вредном, отрицательном, подчеркнуть его. Наконец, художественное произведение ведь **зеркало**. (Выделено мною. — Н. Ж.). В этом зеркале человек должен увидеть и недостатки, снять с лица сажу»².

Разговор шел о самом популярном произведении А. Эристави-Хоштария — о романе «На скользком пути». Появление этого романа повлекло за собой много толков и пересудов в обществе. Особенно всполошились представители высшей знати, которые опознали в этом произведении себя.

Подобное явление имело место и тремя годами раньше, когда в журнале «Квали» («Борозда») появился рассказ Сопрома Мгалоблишвили «Поденная дяди Фомы». Эристави грозились, что никогда не выпишут этого журнала, так как их осмеяли. Взволнованному Сопрому Г. Церетели написал по этому поводу следующее: «Пиши, да только с размаху твоего живого пера, и пусть будут выведены типы, а какое нам дело до них. В том-то и суть, что они петушат-

ся. Видно, опознали себя, а нам это и нужно, чтоб уродам показать в **зеркале** свое лицо»³.

Акакий Церетели так же выразил свое поэтическое кредо в стихотворении «Поэт»:

Способность замечать дала
Мне в дерзкий дар природа,
И я ловлю, как зеркала,
Все, что мелькнет у входа.

(Перевод Б. Пастернака)

Ярким примером того, как литературное произведение вызвало бурную реакцию общества, может служить появление одного из шедевров русской прозы — лермонтовского романа «Герой нашего времени». Лермонтов первообразами своих героев взял реальные, конкретные личности, которые распознали в них себя и гневно обрушились на автора. К тому же последовали и нападки критиков. Создавшаяся ситуация вынудила Лермонтова предослать ко второму изданию своего романа следующее предисловие:

«Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека; это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии»².

Почти все герои Анастасии Эристави-Хоштария имеют в жизни своих прототипов.

Постараемся воспроизвести, как обращается писательница с реальным жизненным материалом, как она лепит художественные образы, которые зачастую принимают обобщенный характер.

Начнем с любимого образа — главной героини романа «На скользком пути» Кетино Зурабишвили. Кетино — это идеал совершенства, возвышенности, светлой души.

У Анастасии Эристави-Хоштария остался незаконченным роман «Сали»³. По признанию автора, он автобиографичен. Художественная сторона его во многом уступает ранним произведениям писательницы. Несмотря на это, роман дает нам ключ для раскрытия целого ряда характерных черт героев других ее произведений.

Сали — это сама Анастасия, ее автопортрет. Взаимоотношения Сали с трудовым людом, ее раздумья над несправедливостью существующего строя воскрешают перед нами личность Кетино Зурабишвили.

В художественном творении, будь то литературное произведение или образец

¹ Андрo Чилая. Георгий Церетели. Тб., 1967, с. 405.

² М. Ю. Лермонтов. Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, М., 1965, с. 7.

³ Сали — ласкательная форма от женского имени Саломе.

¹ Н. Г. Чернышевский. Эстетика и поэзия. СП, 1893, стр. 76—77.

² Давид Касрадзе. Литературные портреты. Тб., 1944, с. 112 (на груз. яз.).

изобразительного искусства, очень часто узнается сам автор. Эту мысль и имел в виду Леонардо да Винчи, когда писал: «...Общий порок живописцев, что им нравится и что они делают вещи, похожие на себя»¹. То же самое замечал и Микеланджело².

Белинский считал, что редко можно сыскать произведение, подобное «Евгению Онегину» Пушкина, где так ярко представлялась бы личность автора, как в этой поэме.

Роман «Сали» обрывается на том, что стало известным убийство императора Александра II в 1881 году. Тасо Эристави к тому времени было всего 13 лет. Таким образом, писательница сумела передать лишь впечатления детских лет. Тем не менее в романе ощутима необыкновенно благородная натура ее автора.

«Не раз горько сжималось ее юное сердце, не раз просилось на волю. И эта деревня, маленькая и тесная, в которой можно задохнуться, ничем особенным не отличается от монастыря. Все свои желания, мысли и мечты она хоронит в себе, не дает им выхода»³. Когда читаешь эти строки о Кетино Зурабишвили, перед нами предстает одна личность — Сали-Кетино, неугомонная, вечно ищущая.

Биографии Сали и Кетино Зурабишвили почти не имеют точек соприкосновения, но едины их устремления, высота их души. Профессор А. Хаханашвили сравнил образ Кетино с Наташей Ростовской Толстого и тургеневской Лизой Калитиной⁴. И действительно, Наташа — это сама поэзия. Она влюблена в искусство, может без конца петь, напевать. Ее пение — это музыка души молодой женщины. Ведь Наташа вся устремлена вверх, и в этом ей сродни Кетино Зурабишвили. Она также преклоняется перед искусством, сама рисует, творит. Лиза Калитина — тоже натура поэтичная. Она любит музыку, поэзию. По своей внутренней глубине, постижению сложности жизни — это передовая женщина эпохи. Лиза излишне верующая, что способствовало трагическому концу ее жизни. Кетино тоже верующая, ведь она воспитывалась в монастыре и там ей привили преклонение перед религией. Так создавала писательница свою Кетино Зурабишвили —

в этом персонаже личное озарено образами идеальных женщин!

По словам Анастасии Эристави, прототипом главного героя своего произведения Окро Сардионишвили ей послужил Константин Церетели. «Окро» — вымышленный тип. Я имела в виду Коцию Церетели. Это был статный молодой человек, ослепительный красавец. Он вернулся из-за границы и сразу же стал идолом среди женщин высшего общества. Его сестры хотели, чтоб он женился на миллионерше. Но Церетели любил не миллионершу, а Кетино, замкнутую девушку, художницу, мечтательницу. Кроме Церетели, и другие типы также взяты из реальной жизни. Многие узнали себя. Церетели даже грозилась»¹.

В «Сали» одним из главных героев является отец Сали — Отар Гаремошвили. Это отец Анастасии — Георгий Эристави. Его биография совпадает с описанием жизни Отара Гаремошвили. Для нас интересно, что его деятельность, самые значительные начинания с полной точностью совпадают с нововведениями Окро Сардионишвили. Таким образом, в личности Окро Сардионишвили писательница вместе с Коцией Церетели имела в виду и своего отца Георгия Эристави. Приведем всего два примера. Отар Гаремошвили — князь, человек весьма добродушный. Он несколько раз уступил крестьянам оброк, подарил земли, что вызвало гнев соседних помещиков. Отар мечтал открыть в своей деревне школу, но его никто не поддерживал. Так же повел себя и Окро Сардионишвили.

В художественной литературе известен не один пример, когда писатель, создавая художественный образ, подразумевал двух или больше число реальных личностей. По признанию Льва Толстого, главным прототипом Наташи Ростовской была его свояченица Татьяна Берс. Писатель присоединил к ней и свою жену С. А. Берс. «Я перетолок Союю с Таней и вышла Наташа», — говорил Л. Толстой. В лице одного из героев «Войны и мира» — Долохова переплетены черты партизана Отечественной войны А. Фигнера, Федора Толстого-Американца и бравого кутялы В. Дорохова². Когда мы рассматриваем Окро как литературный персонаж, перед нами воскресают нашумевшие в русской литературе образы «лишнего человека», в частности тургеневских Рудина, Лаврецкого, предстает замечательный герой Л. Толстого — Константин Левин, этот мыслящий, вечно ищущий деятель. Вспоминается Арчил — герой «Отаровой вдовы» Ильи Чавчавадзе.

¹ Д. Кокрадзе. Литературные портреты. Тб., 1962, с. 114 (на груз. яз.).

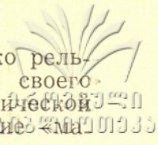
² Сведения приводятся по книге М. И. Андрониковой «От прототипа к образу». М., 1974, с. 26.

¹ Леонардо да Винчи. Избр. произв. в 2-х томах, т. 2, М., 1935, с. 179.

² Джорджо Вазари. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих, т. 2, М., 1933, с. 431.

³ Анастасия Эристави-Хоштария. На скольком пути. Игра судьбы. Тб., 1960, с. 34.

⁴ А. С. Хаханов. Очерки по истории грузинской словесности. Литература XIX века. М., 1960, с. 389.

В лице Окро Сардионишвили А. Эристави-Хоштария создала образ «лишнего человека», который не нашел нужной почвы для своей деятельности. Он оказался одинок во всех своих начинаниях. А. Эристави-Хоштария, так же как целый ряд писателей ее плеяды, не имела ясного представления о том, кто должен был стать разрушителем существующего строя и главным обновителем жизни. Могла ли личность, подобная Окро, или пусть даже целая плеяда подобной ему передовой молодежи добиться каких-либо существенных перемен? Писательница не предвидела силу того класса и тот путь борьбы, который смог бы изменить судьбу общества.

По ее признанию, в своем романе «На скользком пути» она описала жизнь деревни Пца¹.

В Пца жили родители матери А. Эристави—Елизавета и Заал Багратиони. Одной из самых мощных семей там была семья Александра Багратиони, отца Тасо Багратиони, супруги Вано Мачабели².

Там же жил и Шалинэ Багратиони, дочь которого Нано была признана прототипом героини романа А. Эристави—Макинэ.

У Шалинэ Багратиони были сын Георгий и дочь Намо. Когда пришла пора учиться Георгию, отец стал продавать земли и переехал с сыном в Тбилиси, жену и дочь оставил в Пца. Наконец, там у него осталась одна мельница и небольшое поместье. Шалинэ дал своей дочери в приданое солидную сумму; часть денег он взял взаймы с тем условием, что по возвращении долга мельница в Пца останется Георгию. Случилось так, что под конец Нано отказалась вернуть брату мельницу.

Была лютая зима. Георгий, возвращающийся из Пца в растрепанных чувствах, простыл в дороге и слег с воспалением легких; через десять дней он стал жертвой болезни.

Этот случай во всей Верхней Картлини вызвал много толков и пересудов. Нано все порицали и обвиняли, так как считали виновницей гибели брата.

Создавая образ губительницы брата Макинэ, Анастасия Эристави, безусловно, имела в виду свою соседку. Но суть в том, что эту бытовую историю писательница превратила в основу острой социальной трагедии.

Образ Макинэ—одно из значительнейших творческих достижений Анастасии

Эристави-Хоштария. Он настолько рельефно воспроизводит все пороки своего времени, что в грузинской критической литературе возникло даже понятие «макинэвство».

Писательница убеждает читателя, что Макинэ породило ее время, что именно в такой социальной среде могло возникнуть подобное существо. Макинэ — отпрыск той эпохи, когда главной движущей силой общества становятся деньги. Грузинское привилегированное общество было не в силах расстаться с присущей ему расточительностью; это делало невозможным сохранить материальное благосостояние, и оно катилось по «скользному пути». Тут и зародилось «макинэвство», которое ничем не брезгало, могло пожертвовать всем, даже жизнью родного брата, лишь бы сохранить свое благополучие.

Первообразом героя романа Ростомы Зурабишвили, на наш взгляд, должен был служить Давид Багратиони-Давиташвили, помещик Пца, старший брат Тасо Мачабели и Георгия Багратиони¹. По рассказам его близких, у Давида был в Пца особняк с прекрасным садом, украшенным на европейский манер. Именно в таком духе описывает писательница усадьбу Ростомы Зурабишвили в начале романа.

Идеалом Давида, как и Ростомы, было богатство, которого он так и не добился. Управляющим у него был лезгин, который вечно обманывал его и наконец завладел всем его имуществом. В таком же плане предстают в романе взаимоотношения Ростомы Зурабишвили с его управляющим Григолом. Писательница рисует неприукрашенную картину того, как вторжение капитализма вырвало экономическую почву из-под ног аристократического сословия. Григол — детище нового социального положения.

В романе последовательно описывается история жизни Григола со всеми деталями, každодневными мелочами, чтобы читатель яснее мог себе представить полную биографию этого отпрыска своего времени.

Так лепила свои образы Анастасия Эристави-Хоштария. Реальный жизненный материал, литературные традиции в совокупности с творческой фантазией служили ей основой для создания образов полнокровных, наделенных большой обобщающей силой.

¹ Георгий Багратиони — видный деятель, был предводителем дворянства сначала Горийского уезда, затем Тбилиси. В обществе его знали как человека бескорыстного, патриота. В рукописном фонде Публичной библиотеки им. К. Маркса хранятся его воспоминания. Этот материал дал нам ключ к раскрытию целого ряда деталей романа.

¹ Пца — деревня в Верхней Картли, расположена на левом берегу реки Пронэ. Ныне входит в Карельский район.

² Сведения о пшинских Багратиони я получила от дочери Вано Мачабели — Елены Ивановны Черкезишвили, за что приношу ей глубокую благодарность. — Н. Ж.

Трансформирующее право Искусства

В РЯД ЛИ среди истинных искусствоведов и тем более художников найдутся лица, которые искусство считали бы копией действительности. Мало кто высказывает сомнения в том, что действительность в искусстве дается в переплавленном виде. Однако сами эти понятия — «действительность», «переплавление» (трансформация) настолько

разно трактуются, что неточности в определении критериев «переплавления» становятся неизбежными. Это стало тем более ощутимо в условиях научно-технической революции; в искусствоведческих работах усиливается стремление к усугублению познавательной функции искусства, притом не столько в смысле познания человеческих, идейных интересов, сколько в смысле естествоведческого познания действительности.

Нередко приходится повторять ту давно заслуживающую признания истину, что искусство постигает не естествоведческие истины, т. е. не объективные закономерности физического и биологического мира, а сугубо чувственно - человеческие, социальные и эстетические интересы, проистекающие из конкретных исторических условий современности.

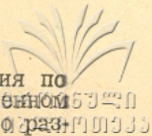
Однако необходимо учесть, что одно признание разницы между предметами науки и искусства не может избавить нас от серьезных принципиальных ошибок. Подобным признанием в сущности мы констатируем нашу осведомленность в том, как основоположниками марксизма устанавливалась разница между этими отраслями человеческой

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ РЕАЛИИ
КАК ОДНА ИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ПРОЯВЛЕНИЯ ИДЕЙНОСТИ В ИСКУССТВЕ

деятельности: естествознание занимается «обработкой природы людьми», тогда как искусство — «обработкой людей людьми»¹.

Ясно, что вместе с этими положениями, естественно, возникает вопрос и о том, как и насколько разное отражается в науке и искусстве действительность. Точнее, какое содержание вкладывается в понятие «действительность» в науке и в искусстве в отдельности, адекватны эти понятия или же они состоят из качественно разных элементов, аспектов и т. д. Каждая из этих отраслей имеет свои собственные объекты, отличающиеся друг от друга: в одном случае объективная действительность выступает как независимая от человека единица, в другом — объективная действительность преломляется в идейно-эстетическом ракурсе того социального субъекта, который призван обрабатывать духовный мир людей. Во втором случае понятие «действительность» имеет иное содержание, которое складывается в зависимости от идейно - эстетических интересов определенного поколения, социальной среды, класса и т. д. Именно потому оно имеет и отличные от эмпирической действительности содержание и форму, которую привыкли называть «художественным содержанием», «художественной фор-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, Соч., изд. II, т. 3, с. 35.

мой», «художественной действительностью» и т. п.

Все это настолько элементарно, что как будто не должно вызывать каких-либо сомнений. Однако на деле при трактовке или обсуждении предмета, функции и «собственных», относительно не зависящих от бытия «прав» искусства дела обстоят не так уж благополучно. В этом убеждают споры искусствоведов. Любая дискуссия может дать характерный материал для подлинных недоразумений. Извлечем иллюстрирующие наши положения примеры из материалов дискуссии, проведенной журналом «Творчество» в связи со статьей М. Кагана «О романтическом»¹. Эта дискуссия нацеливалась на освещение вопроса о так называемой романтической струе советского искусства как одном из проявлений нового на нынешней ступени его развития. Иначе говоря, дискуссия сделала попытку осветить нашу живопись не «в статике», как это нередко случается в искусствоведческих трудах, а в процессе, и этим, безусловно, еще раз продемонстрировала действенность диалектического метода в оценке жизненного процесса искусства.

Тем не менее упомянутая дискуссия еще раз убедила нас и в том, что «внутреннее хозяйство» искусствоведения, как многостовая наука, требует некоторого упорядочения: отставание «частной» теории изобразительного искусства явно сказывается именно при серьезной постановке той или иной важной проблемы, не говоря уж о том, что не всегда ощущается строго научная требовательность к себе со стороны отдельных искусствоведов, считающих равнозначными столь различные понятия, как «мировоззрение» и «мироощущение», «познание» и «художественное постижение», «ломка» реалий и их «преобразование», «трансформация» и «деформация» действительности и т. п.

М. Каган отметил существование в социалистическом реализме двух ветвей — «строго реалистической» и «романтически реалистической», из коих первую счел схожей с художественной прозой, которой, по его словам, «свойственно произведение жизни в формах самой жизни». Что же касается романтического течения в живописи, то его он уподобил поэзии, которая «пренебрегает эмпирическим правдоподобием, развязывает обобщающие возможности фантазии, допуская целую систему условностей»².

Возведение на одну ступень живописи и художественной прозы говорит об

общеэстетическом ракурсе суждения по вопросам живописи. А на современном этапе эстетики, когда столь глубоко разрабатываются проблемы морфологии искусства¹, возникает естественное желание дифференцировать подход не только к каждой отрасли, но и к каждому виду и роду искусства.

В силу того, что в отличие от изобразительного искусства в литературном произведении образ не дается в зрительной конкретности, читателю придется особо напрягать свои творческие силы и мобилизовывать весь свой ассоциативный «багаж», чтобы воссоздать в воображении тот образ, который построен писателем на словесном материале.

Но, с другой стороны, ведь фигуративность и иллюзорное отражение реальной действительности в живописи тоже не дают основания утверждать, что она якобы воспроизводит действительность в «формах самой жизни».

«Художественная действительность» и действительность, существующая объективно и независимо от художника, это понятия не адекватные. Одна и та же объективная действительность в произведениях прогрессивного и реакционного художников получает диаметрально противоположное освещение. Следовательно, художник не сужает свою задачу до отображения «форм самой жизни» без определенной художественно-эмоциональной интерпретации или даже самой настоящей трансформации в сторону идеализации или наоборот. Независимо от того, на стороне какого художника стоит наука об искусстве, она не вправе отрицать ту элементарную закономерность, что искусство становится истинным только в том случае, если оно проявляет определенную классовую, социальную, общественную симпатию или антипатию к тем или иным объективно существующим явлениям действительности, а не тогда, когда удовлетворяется повторением именно «форм самой жизни».

Мы отлично понимаем, что, говоря о «формах самой жизни», искусствоведы желают этим самым подчеркнуть одно из необходимых условий реалистического искусства — достоверность, без которого убедить зрителя невозможно. Но нередко упускается из виду суть понятия «достоверности» художественного произведения. Это происходит в силу того, что не всегда осмысливаются с надлежащего ракурса само понятие и критерии «художественной достоверности». Под критерием последней нередко подразумевается не идея, диктующая степень и характер трансформации реалий,

¹ Журн. «Творчество», № 11, 1973; №№ 5, 6, 10, 1974.

² М. Каган. О романтическом. Журн. «Творчество», № 11, 1973, с. 13.

¹ Мы имеем в виду фундаментальную работу М. Кагана «Морфология искусства». Изд. «Искусство», Ленинград, 1972.

а самые реалии, как они существуют объективно, «в натуре», независимо от конкретной идейной целеустремленности творца художественного произведения. Не считают ли приверженцы подобного толкования понятия «достоверности», что признание ведущего значения идеи в искусстве исходит из «идеалистических позиций» искусствознания?!

Дискуссия «О романтическом» привлекла наше внимание потому, что в ней была затронута именно одна из самых основных теоретических проблем — отношение изобразительного искусства к «формам самой жизни». Здесь, возможно, наиболее типично-неправильно было развернуто суждение по этому поводу А. Валицкой. Она попыталась теоретически осмыслить концепцию, по которой решающее значение в искусстве приписывается не идейно-предфигуративной ступени творческого процесса, а предметам объективной действительности, так как они существуют независимо от активной и предшествующей эстетической целеустремленности к ним творческой личности¹.

По этой концепции, творческий процесс начинается с момента соприкосновения художника с фактом. После этого у него возникает желание «отобрать, пересоздать и воплотить», т. е. по существу акцент переносится не на ту ступень творческого процесса, которая предшествует «отбору» и вообще практическому осуществлению произведения, а на последующую.

О каком «отборе» может быть речь, если ему не предшествует, не обусловливает его и в корне не определяет конкретная идейная целенаправленность художника? В сущности такой концепции можно придерживаться, только лишь недооценивая активную роль идейного фактора той стадии творческого процесса, которая предшествует «отбору, пересозданию и воплощению» действительности.

Вряд ли следует не учитывать, что определяющим фактором в творческом процессе выступает не готовое бытие, которое существует в ожидании отбора из него наиболее подходящего материала для создания произведения, а идейная целеустремленность, тенденциозно направляющая всю «триаду» («отбор, пересоздание, воплощение»), что эта «триада» не имеет самостоятельной и не зависящей от творческой позиции художника функции, что она всецело обусловлена именно конкретным идейно-эстетическим замыслом художника.

Перенесение внимания с исходных и направляющих идейных факторов на эмпирическую действительность свиде-

тельствует о живучести традиции того проявляющегося в искусствознании домарковского метафизического материализма, который не развивал действительной стороны отношения человека к миру и отображал действительность пассивно-зеркально¹.

При подобной в корне ошибочной позиции речь о втором или третьем члене «триады», т. е. о «пересоздании и воплощении», «творческом преломлении», о «свободе соиздающей фантазии художника» (А. Валицкая) звучит как ни на чем не основанная декларация.

Ведь разница между мнимым и истинным искусством как раз в том и заключается, что если первое из них может удовлетворяться более или менее строгим соблюдением правдоподобия внешней стороны действительно существующих фактов и явлений, истинное искусство при художественной оценке и перевоплощении последних исходит из глубоких человеческих, общественно важных интересов, не «вычитываемых» на поверхности предметной, биологической или даже социальной действительности.

Приведем такой пример. При переговорах между представителями даже враждующих между собой государств обычно соблюдается подчеркнуто вежливая форма обращения друг к другу, но эта внешняя сторона ни в коей мере не вскрывает истинных взаимоотношений. С другой стороны, не всякий же спор и не всякая борьба служат признаком вражды и злых намерений, как и не каждое ласковое слово означает доброе намерение.

«Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то наука была бы излишней»². Эта закономерность остается в силе и при художественном отношении к действительности, с той только разницей, что в науке сущность явления познается чисто интеллектуально-логическими суждениями, а художественная сущность постигается образно-поэтическим проникновением в глубинные пласты общественных событий. Кроме того, тенденциозность и пристрастие искусства обычно проявляются как способ постижения сущности природы или общественных явлений. Прогрессивное искусство при изыскании ракурса постижения сущности отображаемого объекта, как правило, исходит из сугубо человеческих, гуманистических позиций. Оно решительно выступает против реакционных сил мира, тогда как одна и та же наука, «обслуживающая» две остро враждующие страны или партии, в силу объективной природы предмета нау-

¹ А. Валицкая. О романтическом и реалистическом. Журн. «Творчество», № 6, 1974, с. 13—14.

¹ К. Маркс. Тезисы о Фейербахе; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., II изд., М., 1955, т. III, с. 1.

² К. Маркс. Капитал, т. III, с. 830.

ки, «вынуждена» прийти к одним и тем же научным заключениям. Подобного объективистского отношения к действительности у искусства не бывает и в принципе не может быть, если только оно не относится к категории так называемого «фотографизма». В сущности в этом и заключается разница между научным и художественным отношением к одной и той же действительности. Мне кажется, что именно этого не учитывают или учитывают недостаточно искусствоведы, приписывающие искусству тот же предмет, что и науке и не делающие акцента на творчески-тенденциозном отношении художника к действительности (что, кстати, могло бы принести науке только лишь вред).

Крайне важно учесть, что глубинные человеческие интересы не «берутся» просто с поверхности жизненных фактов, так как факты не являются прямым отражением скрытой в них сущности. Но если учесть и то, что в зависимости от общественной позиции художник в одном и том же факте может вскрыть разные и даже исключающие друг друга сущностные пласты, то должно быть понятно, насколько наивно непосредственно подражать фактам и тем более рекомендовать подобное «отображение» действительности в качестве истинного метода реалистического искусства. Непосредственное изображение факта только в тех случаях может дать желательный образный результат, если явление и его сущность полностью совпадают, всецело отвечая при этом социально-художественной позиции автора произведения. Бывают ли подобные счастливые совпадения? И вообще можно ли считать за истинное произведение искусства перенесение фактов на холст или в мрамор без поэтического переживания и соответствующей трансформации?

Приверженцы повторения внешней стороны факта не учитывают того чрезвычайно важного обстоятельства, что подобный подход к явлению может сильно подвести художника в смысле истинности отображения действительных жизненных процессов. Ни для кого не секрет, что наш народ очень многое пережил в исторических условиях капиталистического окружения, что во имя всеобщей справедливости, равенства и мира он шел и идет на серьезные лишения личного плана. Можно ли при установлении содержания жизни советского человека рассматривать эти лишения как положения первостепенной важности для искусства, безошибочно иллюстрирующие наш образ жизни по существу?

Целью художника не должно быть концентрирование внимания только на жертвах, приносимых советским челове-

ком. Не должно быть не потому, что это не соответствует истине, или из каких-либо других соображений, а потому, что эти жертвы не есть историческая самоцель советского народа и представляет собой объективную и невольную необходимость в воплощении коренных демократических идей современности, не говоря уж о том, что особое акцентирование внимания на жертвах мало чем может способствовать художнику в позитивно-эстетической интерпретации не только фактов действительности, но и цели, ради которой идет народ на жертвы. Подобная тенденция, если судить по некоторым кинофильмам на темы, например, Великой Отечественной войны, приводит художника (в данном случае — режиссера) либо к голому эмпиризму, либо к невольной негативно-эстетической интерпретации даже справедливой войны.

В произведении искусства исходной позицией, видимо, должно быть то, ради чего приносилась или приносятся жертвы. При таком подходе, как мы полагаем, художник не потеряет своей активной позиции в оценке и в эстетической интерпретации именно сути объективно протекающих явлений, иначе трудно стать лицом к лицу с истинным смыслом и с сущностными основами исторических событий.

Можно ли добиться всего этого передачей лишь «внешнего облика» «во всей конкретности» бытия без поэтического проникновения в ту цель, ради которой совершается то или иное событие?

Возможно ли без художественной трансформации, только лишь с помощью «монтирования» фактов вскрыть истинную сущность деяний советского человека и подобным методом добиться идейно-эстетического воздействия на зрителя, как это представляют себе некоторые искусствоведы?¹

Рядовой солдат, честно отдавший жизнь за родину, и какой-то генерал, изменивший ей же, с точки зрения анатомии или физиологии — явления однозначные; по внешнему виду генерал должен быть даже опрятнее. Но с позиции элементарнейшей морали и гражданственности, которые являются чуть ли не главными критериями творческого отношения к человеку, их, конечно, следует рассматривать только с совершенно разных позиций.

Советское искусство, для которого основным критерием общественных явлений и человеческих качеств является не анатомия, физиология, не конфигурация, не внешний вид человека в фактологическом смысле, а его патриотическая и гражданская честь, не имеет никакого права подчинять свой коренной

¹ Цитируем из вышеуказанной статьи Валицкой, см. с. 14.

и высокий аспект оценки человеческих ценностей критериям эмпиризма.

Вряд ли следует возражать против истинно художественной и смелой трансформации реально существующих фактов бытия. Наша эпоха, эпоха великих социальных, политических и научных свершений, отличается особой импульсивностью, что, естественно, способствует развитию смело трансформирующегося образного мышления. Искусствоведение же, по нашему мнению, очевидно, должно направить свою функцию социального контроля не в сторону безудержного торможения того, что исторически обуславливается и проявляется как эпохальная неизбежность, вытекающая из своеобразного ритмического строя эпохи, а в сторону поощрения идейной целенаправленности, призыва искусства к высоким задачам создания истинных идейно-художественных ценностей. Это осуществимо не путем пассивного повторения того, что эмпирически «бывает», а путем активного «выискивания» смелых и мажорных форм, способных быть адекватными не голым фактам, но высоким идеям общественности, борющейся за преобразование жизни человечества. Великие идеи не могут быть осуществлены серыми и «мелкими приемами», одним лишь подражанием быту. Художественные приемы и формы должны быть способными вызвать заражающий восторг или глубокое негодование, даже если для этого потребуются не самоцельная и безыдейная, а вполне сознательная и здоровая трансформация реалий — от классической идеализации до крайних форм гротеска.

Ни одна из великих художественных эпох не избегала художественной трансформации предметов в смысле идейно-целенаправленного позитивно-эстетического «преломления» действительности, и нам, советским художникам и искусствоведам, нечего избегать ее. Вряд ли могут принести пользу выхолащивающие творческую деятельность «теории» и трусливые концепции, невольно тяготеющие к бездушному фотографизму. Ведь они не вмещаются в границы элементарных закономерностей нормального, истинного творчества нашего времени.

Именно идейно-эмоциональное отношение к сущностным основам бытия способно раскрыть суть исторически важных тенденций, социальных и идейных преобразований времени. Поэтическое, эмоциональное проникновение в эти сущностные пласты действительности и эстетическое их преломление могут способствовать воплощению в оригинальные художественные феномены.

К сожалению, в силу укоренившейся привычки мы не всегда отдаем себе отчет в том, что, декларативно поддержи-

вая свободу фантазии и поэтичности ^В искусстве, мы в то же время, ^{создаем} преграды против этой естественной ^{не-}обходимости. Очевидно, нам все еще мешает недооценка коренных закономерностей творческого процесса и, в частности, его полной зависимости от идейных целеустремлений художника.

Если не познать в достаточной степени социальной сущности и идейной функции искусства, то, конечно, нам не удастся учесть ту несложную истину, что решающим началом в творческом процессе выступает не физическое, биологическое и даже не социальное бытие в том виде, как оно объективно «протекает» «само по себе», а активная функция поэтического «вмешательства» художника в глубинные пласты общественной действительности, что развитие природы по сравнению с развитием культуры инертно и не кинетично. В частности, изобразительное искусство по сравнению с внешним миром в течение своего развития за 60 — 70 столетий, испытало колоссальные процессы изменения и преобразования. Это еще раз свидетельствует о том, насколько наивно считать ведущим элементом развития искусства не социальные и идейные целеустремления художников того или иного времени, а лишь бездушные предметы действительности.

Такова, на наш взгляд, объективная закономерность искусства, и неправильно представлять себе социалистический реализм вне этой закономерности, считая, что ему, якобы «в порядке исключения», не положено художественно трансформировать реальный мир и «монтировать» свои «образные модели». Партийная позиция в искусстве подразумевает не пассивное подчинение гражданской воли художника «формам бытия», а активное, поэтическое переплощение действительности.

Те, кто не уважает смелое художественное преобразование в искусстве социалистического реализма, исходят не только из стремления «принципиально» уделять больше внимания внешнему виду живой действительности, чем поэтическому отношению к сущностным пластам ее, но еще и из других, якобы более «специфических» соображений. А именно: фигуративность изобразительного искусства представляется им недостаточным основанием для регламентации поэтической фантастики в изобразительном искусстве; их пугает опасность невольно способствовать развитию в нашем искусстве деформирующих тенденций модернистского характера.

Разве тот факт, что изобразительное искусство, по сравнению с музыкой и поэзией, отличается фигуративностью и этим ближе стоит к элементам предметного мира, может служить достаточ-

ным основанием для лишения его трансформирующей функции?

Если бы главным измерителем реалистичности музыки и поэзии считалась внешняя схожесть с уже существующими звуковыми образцами в природе, то нам пришлось бы отказаться от великих произведений музыкального и поэтического искусства. Не считают ли некоторые наши коллеги, что изобразительное искусство из-за своей фигуративности является исключением из общэстетических элементарных закономерностей?

Что же касается подтекстовой предосторожности не впасть в модернистскую деформацию, то это тоже базируется на недоразумении. Модернистская деформация действительности имеет под собой конкретные историко-социальные основания. Дело в том, что она является воплощением негативно-эстетического отношения художника к действительности и вызвана тем, что за маской упорядоченности и внешнего блеска капиталистического мира искусству интуитивно удалось вскрыть истинную сущность бесчеловечности, царящей в его недрах¹. Для оптимистически настроенного большинства передового человечества подобное искусство неприемлемо, так как прогрессивно мыслящий мир ощущает действительность позитивно-эстетически и либо осознанно, принципиально, либо естественно по традиционной эстетической установке отвергает деформирующее начала искусства, эстетику безобразного, исходящую из шокированно-го сознания определенных кругов интеллигенции империализма.

Касаясь некоторых коренных аспектов, а также тех, которые пусть изредка, но все же встречаются в нашей искусствоведческой литературе в виде неясных и запутывающих неопытного читателя воззрений, хочется упомянуть об отдельных идеологических предпосылках, препятствующих освещению ряда принципиальных вопросов.

Дело в том, что упомянутая нами выше эмпирическая концепция некоторых искусствоведов, в том числе и А. Валицкой, декларативно провозглашающих «большую свободу созидательной фантазии», но строго требующих придерживаться подражания предметам, фактически игнорирует необходимость перевоплощения социально-поэтических идей в искусство. В этом, очевидно, в какой-то степени проскальзывают пережитки эмпирического материализма, отвергнутого классиками марксизма-ленинизма из-за односторонности подхода к явлениям действительности. Не из диалектического материализма исходит также мнение, что

¹ З. Какабадзе. Человек как философская проблема, Тбилиси, 1970, с. 57—58.

для создания художественного произведения якобы «все дано» в объективно существующей природе и в социальной бытии и что от художника в сущности требуется лишь некоторая инициатива и исполнительская культура, которые он вполне может получить в том или ином художественном учебном заведении.

Приверженцам подобных воззрений, очевидно, не мешало бы напомнить о том, что любые идеи, в том числе идея прекрасного, являются социальным достоянием человека и признание их существования в объективном мире независимо от человека может привести искусствоведа к объективному идеализму.

Наивно придерживающиеся этой концепции искусствоведы, учитывая значение природы как источника развития в человеке чувства прекрасного и как постоянно стимулирующего фактора, явно недоучитывают сугубо социальной и активной идейной сущности искусства. Недооценивают того, что без «подчинения» объективно существующих реалий идейным целеустремлениям художника искусство совершенно не способно выполнить свою идеологическую функцию.

Пережитки эмпирического материализма и идеалистических эстетических концепций прошлого в нашем эстетическом мышлении, независимо от категорического желания быть свободным от них, все же сопутствуют нам и мешают разбраться в проблемах развития искусства. Кроме того, эти пережитки мешают избавиться от некоторых догматических воззрений по ряду творческих закономерностей. И наконец, самое главное — эти же пережитки препятствуют правильному толкованию применительно к творческому процессу ленинской теории отражения действительности, которую необходимо осмыслить в органическом единстве с учением о партийности литературы и искусства, т. е. об активной преобразующей функции идеологии в ходе социально-психологического преобразования человечества.

Эмпирический материализм гораздо легче находит надежное пристанище в изобразительном искусстве, чем в художественной прозе, архитектуре, поэзии и тем более в музыке. Причиной этого является «предметность» или, точнее, фигуративная специфичность изобразительного искусства.

Никому не придет в голову отвергать симфонию Бетховена по той «причине», что автор во имя воплощения великих музыкальных идей слишком уж отдалился от эмпирически существующих звуков бытия. Такая необходимость единогласно признана в истинно великой музыке, поэзии, архитектуре и даже в прозе, так как осознана трансформирующая сила литературных, архитектурных и тем более музыкальных идей. В изо-

бразительном же искусстве трансформация бытовых материалов признается лишь в отношении классического наследия. Мало кто может запротестовать против вымышленных пропорций «Моисея» Микеланджело или портретов Тициана, где эмпирические нормы заменены художественно необходимыми «нормами». Но зато, когда дело касается нашего современного искусства, определенная часть тех же искусствоведов, беспрекословно разделяющих общепринятые мнения о Микеланджело, Тициане и т. д., считает своей кровной обязанностью предостеречь современника от попыток «монтировать» реалии и исходить только из природы, а не из социально-художественной идеи, требующей художественной трансформации предметов действительности. «...Нет необходимости в коренной ломке (?) реалий предметного мира, — пишет, например, А. Валицкая, — чтобы «монтировать» свою образную модель». Получается, что готовые образы якобы существуют в самой природе и художнику следует только лишь заметить таковые. Можно подумать, что великие произведения классиков не «смонтированы», что такие образы, как «Моисей», «Джулиано Медичи» или «Брут», «Кумская сивилла» и любой другой образ, созданный Микеланджело, Леонардо да Винчи, Тицианом, Боттичелли, Гойей и т. д., можно найти в готовом виде в природе. Не считают ли подобным образом мыслящие теоретики, что наш современник, творец образов тех, кто совершает гигантское преобразование мира, должен отображать жизнь, следуя принципам не великих классиков, а мелких натуралистов и даже «бездушности» так называемого фотографизма?

Не до конца осознанная и несколько даже наивная боязнь быть заподозрен-

ным в поддержке деформирующего модернизма не должна служить причиной борьбы против позитивно-эстетической «ломки» в классическом смысле этого понятия, не должна тянуть советское искусство к мельчанию в творчестве, мешать развитию в нем истинной художественности, развитию высокого поэтического, настоящего искусства. Притом не следует путать принципиально разные понятия — «трансформацию» действительности с ее «деформацией».

Боязнь вредного влияния субъективистской эстетики с ее безудержным произволом и антихудожественной продукцией бездарных бизнесменов от искусства не должна дезориентировать искусствоведа и поворачивать его в сторону давно отвергнутого классиками марксизма эмпирического материализма с тенденцией выхолащивать истинные творческие принципы социалистического реализма. Подобные заблуждения сильно мешают творчеству в правильном осмыслении трансформирующих прав и возможностей изобразительного искусства. По нашему мнению, эти препятствия не непреодолимы. Необходимо только одолеть ту инерцию продолжающуюся традицию в искусствознании, которая, интенсивно занимаясь историей изобразительного искусства, не уделяет достаточного внимания его теоретическим проблемам. Постепенно и тщательно разрабатывая объективные закономерности фигуративной природы изобразительного искусства и предоставляя должное место в науке его «частной» теории, безусловно, можно способствовать приведению в относительный порядок внутреннего «хозяйства» искусствоведения, которое не должно отставать от актуальных эпохальных проблем, требующих широкой связи с интегральными науками современности.

Михаил ВЛАСОВ

Встречи и
вспоминания

Рядом с Миронычем

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ память, увы, не беспредельна. Особенно явственно ощущаешь это, оказываясь перед необходимостью восстановить события более чем полувековой давности. В такие минуты кто подчас не ругнет себя в сердцах за то, что не удосужился когда-то вести хотя бы самые бесхитростные и незатейливые записи о том, чему суждено было стать невольным очевидцем и свидетелем...

И все-таки жизнь подчас ставит человека в центр таких событий и превращает его в участника столь великих дел, что все увиденное и услышанное властно запечатлевается в памяти с поистине фотографической достоверностью.

Жизнь ветерана Красной XI Армии, принесшей свободу трудящимся Закавказья, народного художника Азербайджанской ССР Михаила Александровича Власова была насыщена множеством именно таких событий — ярких и незабываемых. Но все факты, которым он был свидетелем, очевидцем и участником, буквально меркли перед воспоминаниями, относившими его в год 1919-й, в осажденную белогвардейцами и интервентами советскую Астрахань. В ту огневую песенную пору газетные сводки с фронтов гражданской войны за неслыханную стойкость называли блокадную Астрахань «Красным Верденом». Мутные волны российской контрреволюции нескончаемо накатывались на железную, воистину несокрушимую оборону этой большевистской крепости на Волге. Накатывались и разбивались в пыль! Героический гарнизон красной Астрахани, волей великого Ленина, волей Коммунистической партии сплавленный в нерушимый гранитный утес, богатырски отбил все до единого яростные вражеские штурмы, чтобы, закалившись в огне непрерывных боев и накопив силы, самому обрушить на белогвардейскую нечисть уничтожающий ответный удар...

Астрахань была колыбелью и кузницей возродившейся и булатно выкованной в ее стенах XI Армии, которая 25 февраля 1921 года принесла свободу оставшим трудящимся Грузии. В тяжкую годину гражданской войны, испытывая ни с чем не сравнимые лишения, Астрахань нашла силы и средства, чтобы дать отступавшим сюда с боями полкам Одиннадцатой — бойцов, оружие, снаряжение и провиант. Она ободрила и обогрела красноармейские ряды, укрепляла их веру в неминуемый разгром контрреволюции.

И тут, перефразируя известное изречение В. Маяковского, следует сказать о человеке, чье пламенное сердце клокотало в груди обороны красной Астрахани. Речь — о Сергее Мироновиче Кирове, виднейшем деятеле Коммунистиче-

ской партии, верном, испытанном ленинцем, замечательном революционере. В конце февраля 1919 года, выполняя решение ЦК РКП(б), принятое по личной инициативе Владимира Ильича, он выезжает на труднейший форпост революционной борьбы — в Астрахань. С 25 февраля 1919 года Киров возглавляет Военно-революционный комитет Астраханского края. 25 апреля назначается начальником политотдела и 3 мая — Членом Реввоенсовета XI Отдельной армии.

Даже в самом обширном очерке невозможно со всей рельефностью рассказать о выдающейся роли Сергея Мироновича Кирова в сплочении защитников Астрахани. А ведь это неоспоримый факт: именно его волей и неукротимой энергией, волей и энергией ближайших соратников и сотрудников С. М. Кирова — М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, К. А. Механошина, В. М. Квиркелия, Г. А. Атарбекова, М. К. Левандовского, Н. Н. Колесниковой и многих других верных ленинцев была воссоздана XI Армия, мобилизованы на отпор белогвардейщине все людские резервы этой советской крепости в устье Волги, сплочены ряды партийной организации края и укреплено большевистское руководство войсками.

С прибытием С. М. Кирова в Астрахань все почувствовали, как буквально в гору пошли дела, направляемые не знающей усталости твердой командир (или, как говорили тогда, — краском) Михаил Власов находил на должности адъютанта-порученца при Сергее Мироновиче Кирове. Внешне это была весьма скромная и непритязательная роль. Однако тесное и повседневное общение на протяжении долгих месяцев с незабвенным Миронычем позволило ему воспроизвести многие живые человеческие черты замечательного революционера-ленинца, поведать о впечатляющих эпизодах астраханского периода деятельности С. М. Кирова, ярко характеризующих этого пламенного трибуна Октября. За активное участие в революционном движении и в борьбе за установление Советской власти в Закавказье Михаил Александрович Власов был награжден боевым орденом Красного Знамени.

Ниже публикуется литературная запись воспоминаний народного художника Азербайджанской ССР М. А. Власова, сделанная незадолго до его кончины.

ВЫБОР ПУТИ

1916 год. Петроград. Союзница Антанты — царская Россия, обливаясь кровью, ведет войну с кайзеровской Германией и ее сообщниками по разбою. Первая мировая война была ожесточенной схваткой двух алчных империалистических группировок за интересы, весьма далекие от тех, которыми жил трудовой народ. Я в те дни учился в выпускном классе санкт-петербургского императорского училища, готовившего офицеров конной гвардии царя. Однако принадлежность к дворянской элите, к самой верхушке правящей пирамиды общества тогдашней России, не сделала меня слепым и глухим к нуждам простых людей. Еще юношей воочию увидел я всю призрачность опереточной мишуры, мельтешенье мрачных теней, окружавших трон дома Романовых, сердцем почувствовал всю антинародность насквозь прогнившего паразитического самодержавного режима. Даже назначение после производства корнетом в «лейб-гвардии его величества» гусарский полк не изменило моего решения. Я дал себе клятву в неизбежной грядущей борьбе за счастье трудового народа быть только в его рядах. Уже тогда я принял решение отказаться от всех своих сословных привилегий и полностью перейти на сторону трудящихся. В этом я видел свой высший патриотический долг. Сделал этот решительный поворот от прошлого я в тот день, когда пал Зимний дворец. Так окончательно определилась вся моя дальнейшая жизнь.

В декабре 1917 года, узнав о начале формирования Красной гвардии, я пришел во Второй городской район Петрограда. Рассказав все о себе и своих думах, я предоставил себя в полное распоряжение народной власти. С этой ми-

нугуы вчерашний лейб-гусар, офицер личной гвардии царя Николая II стал рядовым бойцом Первого Советского конного отряда.

Вскоре мы, красивые кавалеристы, были направлены на финскую границу для несения сторожевой службы. В мае 1918 года я получил приказ Астраханский гарнизон. До сентября этого года, находясь в его составе, командовал сотней Калмыцкого конного дивизиона.

20 сентября 1919 года меня назначили на адъютантскую должность в комендатуре штаба XI Армии. Эти обязанности выполнял до апреля 1921 года. До вступления Одиннадцатой армии в Порт-Петровск (ныне Махач-Кала) я находился в непосредственном подчинении у С. М. Кирова. При этом мне приходилось выполнять самые разные задания Сергея Мироновича. Порой они были вовсе незначительными, что называется самыми будничными. Подчас получал я от него и чрезвычайно ответственные, важнейшие поручения. Работая при С. М. Кирове адъютантом, я тесно общался с ним, наблюдал Мироныча в самой разнообразной обстановке. Это помогло мне воочию увидеть редкостную многогранность незаурядной личности этого профессионального революционера. Личное бесстрашие Кирова было поразительным, трудоспособность — редкой и поистине непостижимой. Его энергия неизменно удивляла всех, кто работал с ним плечо к плечу. Я ни разу не видел Сергея Мироновича растерявшимся или разгневанным, а ведь порой ситуации бывали такими, что казалось выше человеческих сил противостоять минутному настроению. Никогда — ни в большом ни в малом — наш Мироныч не злоупотреблял огромной властью, которая была ему доверена. Киров был неизменно жизнерадостен, находчив, остер на язык и по-человечески прост и доступен. Даже обычный минутный разговор с ним заряжал красноармейца огромной энергией...

Как сейчас вижу его: невысокого и плотного, всегда аккуратно выбритого (правда, в те годы он носил под нижней губой крохотную бородку-полоску и очень коротко стриженные усы). Карие глаза глядели пронизательно и буквально светились умом. Киров был всегда одет очень просто: носил обычную красноармейскую гимнастерку цвета хаки, черные бриджи, заправленные в высокие сапоги. Шинель и шапку не любил, даже в стужу предпочитая им кожанку и фуражку армейского образца. Никогда я не видел на его широком поясе кобуры с револьвером. Иной раз, торопясь на совещание, Киров брал с собой потертый черный портфельчик.

Сердечность и доброта Мироныча были необычайны. Невозможно не вспомнить, как он говорил с людьми: просто, образно, с хорошим юмором и неизменной прибауточкой.

— Ай да Мироныч! Что за человек? Ленинский у него лоб, — бесхитростно рассказывал мне однажды часовой, с которым Киров, проходивший по штабному коридору, перекинулся несколькими фразами.

«НАПРАВЬТЕ ВЛАСОВА В МОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ...»

Попал я в распоряжение Сергея Мироновича при следующих обстоятельствах. В ходе упорных боев за Ганюшкино летом 1919 года курсанты Астраханских пехотных курсов и военные моряки Волжско-Каспийской флотилии разгромили так называемый «Ловецкий полк» генерала Толстова — отборную часть беляков, укомплектованную форменными головорезами.

На рассвете толпа пленных была остановлена на Большой Демидовской улице прямо напротив штаба XI Армии. С. М. Киров еще не уходил отдыхать и, увидев пленных белоказаков, зашел в дежурку. Я как раз находился там и сразу же, очень волнуясь, представился члену Реввоенсовета. Так близко я видел Кирова впервые.

— Кто составляет списки пленных? — осведомился у меня Сергей Миронович.

— Пока никто, товарищ Киров, — доложил я. — Белых-то ведь взяли целую прорву. Надо подготовиться...

— Что значит «прорву»? — строго спросил Сергей Миронович. — И сколько, конкретно, составляет эта «прорва»? Ну а если завтра пленных будет еще больше? Отложим составление списков на неделю? Будем готовиться год? — Киров повернулся к подоспевшему коменданту штаба и сказал: — Вот пусть товарищ Власов сам и пересчитает эту «прорву», да поскорее оформит ее списком. Парень он молодой, видимо, шустрый. Понадеемся, без особого труда сдюжит с такой длинной цифирью. Сдюжите, верно? — уже светло улыбаясь, спросил меня Киров.

Я со рвением принялся за дело: очень хотелось наилучшим образом выполнить личное задание Сергея Мироновича. А оно оказалось непростым. Около двух с половиной тысяч белобандитов предстояло не просто переписать, а «рассортировать»: офицеров — отдельно, унтеров — отдельно, рядовых — отдельно...

К вечеру начальник административного управления штаба XI Армии Владимир Афанасьевич Благоевещенский лично доложил мои списки товарищу Кирову. Надо сказать, что Сергею Мироновичу они очень понравились: как никак, а еще в петербургском кадетском корпусе грамматикой и каллиграфией с нами «на полном серьезе» занимались большие мастера своего дела. Почерк у меня всегда считался недурным. Да и разграфил этот документ я с максимальной старательностью: даже цветными карандашами подыграл...

— Это что, Власова работа? — оживившись, спросил Сергей Миронович.

Благоевещенский подтвердил: да, мол, краском Власов лично составил этот документ, как вы ему и поручили. И очень старался...

— Кем он у вас работает? — заинтересовался Сергей Миронович.

— Адъютантом коменданта штаба, товарищ Киров, — доложил начадминур. (Впоследствии именно В. И. Благоевещенский сам воспроизвел мне весь этот свой разговор с Сергеем Мироновичем во всех деталях).

— Направьте Власова в мое распоряжение, — последовало тут же распоряжение С. М. Кирова. — Очень нужен мне грамотный и исполнительный порученец...

Через несколько минут я уже знал о решении Члена Реввоенсовета. Радость свою скрыть никак не мог. Шутка ли сказать: такое доверие оказано! С самим Миронычем работать, быть его, пусть маленьким, но все-таки помощником! Я навел на свой облик блеск по скромным возможностям того времени, подтянулся и побежал в приемную. Обращаюсь к личному секретарю С. М. Кирова товарищу Шатырову:

— Доложите Сергею Мироновичу: Власов, мол, прибыл...

— Заходи, заходи, лейб-гусар, — приветливо произнес Шатыров.

И вот уже я, очень робея, захожу в просторный кабинет Члена Реввоенсовета.

Киров поднял голову, отставил карандаш. Глаза его потеплели.

— Ну, слушаю...

— Товарищ Член Революционного Военного Совета армии! — чеканил я, боясь от волнения и усердия сбиться на стиль рапорта «по-гвардейски». — Краском Власов прибыл в ваше распоряжение...

— Ну и чудесно, — ответил Сергей Миронович запросто. — А не боишься новой должности, товарищ краском? Дел-то ведь тут просто прорва. — Последнее слово явно подчеркивает, необидно подтрунивая надо мною и как бы напоминая эпизод нашего с ним знакомства. Но ирония Мироныча отечески-мягкая. Я успокоился, улыбнулся.

— Однако шутки в сторону, товарищ Власов. Будем работать! А дел у нас и верно хватает. Ой как хватает!

Так я стал личным адъютантом Сергея Мироновича Кирова...

«РАЗ ДОВЕРЕНА ТЕБЕ ТАЙНА...»

Иногда мы не задумываемся над глубинным смыслом некоторых простых слов. Именно так не отдаем себе подчас полного отчета и в том, что это за слово такое — доверие. А я в ту пору осознал его смысл и суть во всем неизмеримом объеме. Трудно передать словами охватившую все мое существо ни с чем не сравнимую гордость, высокую волну величайшего желания энергией и подлинным трудолюбием, нерушимой верностью революционному долгу хоть в самой малой степени походить на человека, содействовать успеху деятельности которого отныне назначили меня.

Далеко за полночь после памятного разговора, в итоге которого я стал сотрудником Сергея Мироновича (пока горела лампа в кабинете Кирова, идти отдыхать я и не думал), дверь приемной открылась и, услышав легкие шаги Члена Реввоенсовета, я выбежал ему навстречу. Четким шепотом произнес пароль, и тут же из рук Сергея Мироновича ко мне в руки перешли два массивных ключа.

— Этот от секретариата, — пояснил товарищ Киров. — А вот этот — от комнаты, где хранятся шкафы регистрада. Вопросы ко мне есть? — Сергей Ми-

Фронович явно давал понять, что это поручение имеет особую конфиденциальность.

— Никак нет. Вопросов не имею. Все ясно...

— Держать ключи, товарищ Власов, следует только при себе лично и вручать их тоже надо лишь мне одному. Если, разумеется, я не сделаю специального распоряжения...

В ту пору С. М. Киров непосредственно возглавлял регистрод — особый совершенно секретный сектор, руководивший нашими товарищами-подпольщиками, работавшими по заданию партии в белом стане. Поручив мне охрану документации регистрода, Киров оказывал величайшую честь, особое доверие. Я хорошо понял это и был готов оправдать его любой ценой, если потребуется, ценою самой жизни.

С первыми днями моей работы при С. М. Кирове связан курьезный эпизод. Думаю, что вспомнить его будет небезынтересно, поскольку он ярко высвечивает некоторые грани характера Сергея Мироновича — непревзойденного конспиратора, а вдобавок человека очень остроумного, находчивого на выдумку.

Однажды глубокой ночью я встречал С. М. Кирова у дверей, чтобы, сообщив пароль, как всегда принять ключи. Но в этот раз в коридоре был организован дополнительный пост, на котором стоял часовой-кубанец. Так требовала предельно тревожная обстановка момента. Не успел я прошептать условленные слова, как Киров вдруг резковато и нетерпеливо потребовал:

— Не слышу, товарищ Власов. Погромче!

Уже отчетливее и действительно погромче я произнес: «Цевье» — «Царицын»...

— Да что это с тобой, дружище, сегодня? Простудился, что ли? Ничего не слышу, — вновь, еще нетерпеливее, бросил фразу Мироныч.

— «Цевье» — «Царицын», — более внятно, баском перечислил я слова пароля и отзыва.

Киров засмеялся:

— Ничего себе, хороши секреты для всего коридора. Не уйми я тебя, ты бы их во все горло, пожалуй, кричать начал. А? Или так по «Гарнизонному уставу» все же не положено? А может быть, в лейб-гусарах учили пароль сообщать по-шалайпински, как «Сатана там правит бал...»? Это ведь я для проверки твоей бдительности, схитрил, а ты клюнул. Сделай вывод, товарищ Власов: раз доверена тебе тайна, ни силой, ни пыткой, ни хитростью никто ее взять не должен. Даже свои. Даже товарищи по работе...

Хорошо, что была в ту пору полночь да находились мы в слабоосвещенном коридоре. Не то даже часовой, стоявший в дальнем углу, увидел бы, как залила меня краска стыда за эту непростительную оплошность. Но вывод для себя сделал крепкий, на всю жизнь. Словами Мироныча он навсегда врубился в мое сердце: «Ни силой, ни пыткой, ни хитростью!»

СЕМЬ КУСКОВ «ЗЕМЛЯНИЧНОГО»

В обязанности адъютанта входило выполнение самых разнообразных поручений не только в стенах штаба, но и вне них. Особое место при этом занимала доставка личных радиogramм С. М. Кирова на нашу радиостанцию, находившуюся на Казачьем Бугре, в восьми верстах от штаба армии. Обычно Сергей Миронович вписывал тексты своих депеш в большой персональный блокнот, на листах которого были напечатаны вверху три слова: «Член Реввоенсовета Одиннадцатый». Если содержание было особо секретным, мне для сопровождения выделялся ординарец-конвоир.

Именно такую депешу (да вдобавок еще и архисрочную!) той памятной ночью мне предстояло отвезти на Казачий Бугор. Однако, выбежав во двор, штаба, я узнал, что конь дежурного ординарца сбил подкову и сопровождать меня кавалерист не может.

«Что делать?» — напряженно думал я. И вдруг увидел, что в глубине двора стоит трофейный мотоцикл «Харлей-Давидсон», возле которого, посверкивая новой щеголеватой кожей и большими очками, забранными на шлем, браво рассказывает его хозяин, человек мне совершенно не знакомый.

— Братишка! Выручай адъютанта. Надо мигом слетать на Казачий и тотчас же обратно. — Но тут же надо сказать, что слова мои не произвели никакого впечатления. Мотоциклист лишь свысока, как конный пешему, процедил:

— Ну-ка, поаккуратней ты, быстрый. Много вас тут охочих до мотоциклёток найдется. Валий-ка отседова подале. Ясно?

— Я адъютант товарища Кирова. Вы поняли? — Голос мой задрожал от гнева. Для придания веса своим словам, я добавил: — У меня срочная депеша. За задержку, знаете, что вам будет?

— А что будет-то? — нагло впрошает «братишка».

— А ну мигом заводи свою тарахтелку, сукин сын! — взорвался я. — Не то...

— Я вот сейчас как «заведу» тебе по курносу! — огрызнулся мотоциклист.

Мгновенно выхватываю наган и приказываю «именем революционного закона». Невежливость «братишки» как рукой сняло. Он торопливо включает мотор, опасно поглядывает на дуло револьвера и цедит сквозь зубы:

— Ладно, я поеду, раз «пушкой» озорничаешь. Только предупреждаю: эта мотоцикла — председателя губсовнархоза товарища Боганова. Погоди, он тебе устроит «революционный закон»...

Мчусь на Казачий и, отобрав у мотоциклиста стартовый ключ, бегу на рацию. Вручаю депешу, а потом, как учил меня С. М. Киров, лично убеждаюсь, что все передано дословно и точно. Затем получаю от дежурного радиста квитанцию, дожидаясь ответа от адресата Сергея Мироновича и, упрятав его от дождя за отворотом шинели, снова сажусь на заднее седло «Харлея». Мой «пленник» дает скорость и дорогой продолжает свои угрозы.

Но вот и штаб. Стряхивая с себя дождевые брызги, стучусь в кабинет Кирова. И вдруг — обомлел: рядом с ним, бледный от с трудом сдерживаемой ярости, стоит предгубсовнархоза. Вручаю товарищу Кирову листок радиответа. Тот взял, скользнул по бланку взглядом и с самым серьезным выражением лица спрашивает:

— Как добирался до Казачьего Бугра, товарищ Власов?

— На мотоцикле товарища Боганова, — отвечаю я.

Внешне Киров держится очень строго, и мне начинает казаться, что я совершил нечто подсудное. А тут еще председатель губернского совнархоза не выдержал, закричал:

— Это беспримерная наглость, Сергей Миронович! Такого подлеца надо наказать по всей строгости! Ему за эту преступную выходку сейчас трибунал — судья...

Сергей Миронович Киров молча выслушал до конца гневную эту скороговорку. Потом заключил:

— Да, вина его великая. Но как вы все-таки, товарищ Боганов, предлагаете с Власовым поступить?

— Как? Расстрелять его и то мало. Но вам виднее...

Член Реввоенсовета смотрит на меня по-прежнему строго, но я, хорошо знающий его характер, вижу, что на переносице Мироныча появляется тонкая морщинка. Так бывает всегда, когда он сдерживает улыбку. И вдруг отвечает быстро-быстро:

— Вы правы, товарищ Боганов. Расстрелять бы Власова и то мало. Ведь, забывая о срочной доставке депешы на рацию, он так усердствовал. Очень возможно, что мы и отдадим его под трибунал. Только несколько позже. Скажем, после войны. Нет, разумеется, не после этой, гражданской, а после «последнего, решительного боя». Ну и при условии, если он того заслужит. Согласны? А сейчас, Миша, иди обсохни и отогрейся. Я вот закончу с товарищем Богановым одно очень важное дело и позову тебя. Разговор будет очень серьезный...

Когда спустя час я — ни жив ни мертв — зашел к Сергею Мироновичу, он без предисловий выдвинул нижний ящик своего письменного стола, вынул оттуда сотенную пачку очень популярных в ту пору отборных папирос «Дядя Костя» и сказал:

— Держал их целую вечность для какого-нибудь залетного высокого гостя. Но сегодня, думаю, ты их заслужил сполна. Это ведь была такая наисрочнейшая телеграмма! Не хватало, чтоб этот разгильдяй по разнузданности своей сорвал ее доставку радистам! А Боганову я сделал внушение, чтоб воспитывал свою службу и сам не овельможивался. Бери папиросы, кури, товарищ адъютант! Сказал бы «на здоровье», да врать не люблю. Сам этого проклятого зелья никак бросить не могу. Действовал ты находчиво и твердо. Что да, то да!

В этом эпизоде — весь Киров...

Заботлив о подчиненных он был прямо-таки отечески. Увидит бывало кого-нибудь из штабников в расхлестанных сапогах и тут же зовет товарища Шатырова:

— Похлопочите. Я понимаю, товарищу не до личных дел. А ведь сапоги военному человеку нужны как хлеб. Верно?

Раз увидел на мне гимнастерку, как говорится, «не первой свежести». Спрашивает:

— Давно стирал, товарищ Власов?

— Недавно.

— А чем стирал-то?

— Пайковым брусочком, — отвечаю. — А ведь сами знаете, Сергей Миронович, какая это стирка, один смех. — Но Кирову и без моих слов хорошо понятно, каков по величине блокадный кусочек «мыльного довольствия».

— Иди, товарищ Власов, — говорит он мне заговорщическим полупшепотом, — в комнату номер три. Там на шатыровском шкафу есть немножко мыла в моем личном тайничке. Правда, оно «Земляничное» и для стирки не вполне гоже. Но это все-таки лучше, чем ничего...

Я поблагодарил Сергея Мироновича, вышел и снял со шкафа один брусочек в цветастой довоенной упаковке. А Киров, подглядывавший за мной (дверь я специально не закрыл, чтобы он видел мою «скромность»), весело выкрикнул из кабинета:

— Ох уж эти мне флигель-адъютанты! И кто только про них байки рассказывает, что все подряд они — шкурники и доставалы? Не стесняйся, товарищ Власов, не стесняйся. Бери все семь кусков. Разрешаю лично. А мне Шатыров еще раздобудет...

СТАЛЬНАЯ ВОЛЯ, НЕСОКРУШИМАЯ ЭНЕРГИЯ

Однако С. М. Киров не был бы великим революционером, если бы удивительная простота и сердечность к своим не сочеталась у него с большевистской непримиримостью к разгильдяйству, к недисциплинированности, трусости. В связи с этим не могу не рассказать такого факта.

В разгар ожесточенных боев под Черным Ярм (было это в сентябре—октябре) Кирову доложили, что наша военная разведка от Таманской бригады перехватила пытавшихся пробраться через линию фронта собственного адъютанта генерала Антона Деникина полковника князя Черкезова с ординарцем-офицером. Это были белогвардейские эмиссары, в портфеле которых находились документы огромной важности: планы координации дальнейших действий контрреволюционных сил. Таманцы (среди которых, как выяснилось позже, не было ни одного грамотного бойца), проявив крайнюю расхлябанность, сгоряча пристрелили Черкезова и его ординарца, а портфель с «какими-то бумажками, не гожими на курево», выбросили в Волгу.

О случившемся немедленно доложили товарищу Кирову. Тот сразу же лично заготовил текст приказа Реввоенсовета, первый экземпляр которого поручил мне отстукать на штабном «Ундервуде». Приказ подробно и поучительно описывал все обстоятельства этого прискорбного события, разъясняя красноармейцам глубочайший вред такой партизанщины для дела революции. Виновных в преступной халатности было приказано расстрелять, а личный состав всех рот, батарей и эскадронов XI Армии подробно ознакомить со случившимся...

Энергия Сергея Мироновича была непостижимой. Трижды я сопровождал его на дальний астраханский причал, где становились на швартовы рыбацкие, тайно возившие в Астрахань через линию морской блокады англичан бакинский бензин и керосин для нужд обороны города-крепости. Сергей Миронович считал своим долгом не только лично беседовать с каждым товарищем, прибывшим с «Большой земли», но и руководить разгрузкой драгоценного горючего.

Помню беседу С. М. Кирова с товарищами Макушевым и Прониным, прибывшими из Баку на рыбацких. Товарищ Киров подробнейшим образом расспрашивал их о политическом положении в Азербайджане, о том, как идет подготовка закавказского пролетариата к теперь уже недалекой встрече с Красной Армией-освободительницей.

СЛОВО И СЕРДЦЕ ТРИБУНА

И, конечно, не могу не рассказать еще о двух эпизодах. Мне не раз доводилось слышать Кирова-оратора. Выше я уже упоминал о том, какое действие оказывало слово этого вдохновенного трибуна революции на сердца красных бойцов. Но две его речи запомнились особо. Одну из них Сергей Миронович произнес с балкона штаба перед выстроившимися на Большой Демидовской полками 49-й стрелковой дивизии, уходящей на фронт. Я стоял совсем близко и не мог ни на седунду отвести от него взгляда. Говорил Мироныч без ораторских эффектов, без жестыкуляции, крепко взявшись обеими руками за перила балкона и чуть подавшись корпусом вперед. Речь его продолжалась совсем недолго. Но была в ней невероятная заряжающая сила. Киров говорил о великой миссии, выпавшей на долю Красной Армии, несущей на своих знаменах счастье всему человечеству, о том, что поколения людские будут славить в веках подвиг тех, кого народ зовет простым и великим словом «красноармеец», о великом вожде революции — Ленине. И полки взорвались громовым «ура!»...

Другая речь Сергея Мироновича широко известна. Он произнес ее в трудные августовские дни девятнадцатого года, когда стал известен ответ В. И. Ленина на протест С. М. Кирова по поводу предательского приказа Троцкого эвакуировать Астрахань «для выравнивания фронта». Ильич, поддержав Кирова, дал категорическое указание:

«Астрахань защищать до конца».

Клятвой великому вождю партии В. И. Ленину, данной от имени большевиков края, прозвучали на общегородской партийной конференции 3 августа 1919 года горделивые и твердые слова Мироныча:

«Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским».

* * *

Эти разрозненные, непритязательные воспоминания бывшего адъютанта С. М. Кирова, разумеется, ни в какой степени не могут служить исчерпывающей характеристикой его кипучей, всеобъемлющей деятельности как Члена Реввоенсовета XI Армии в трудный и славный период ее возрождения и обороны Астрахани. Но нет никакого сомнения, что воспоминания М. А. Власова дают новые яркие штрихи волнующей биографии замечательного большевика-ленинца Сергея Мироновича Кирова, 90-летие которого недавно отметила вся Советская страна, человека, которого наш народ навсегда назвал Великим Гражданином социалистического Отечества.

Литературная запись Владимира ХОМУТОВА

НОВОЕ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

АКАДЕМИК А. Чикобава справедливо заметил в своем труде «Несколько замечаний об эргативной конструкции»: «Эргативную конструкцию нельзя понять без уяснения ее истории. Истории анализируемых фактов — вот чего не хватает теориям эргативной конструкции».

Это прекрасно понимает выдающийся русский картвелолог — доктор филологических наук, профессор Г. Климов. Закончив аспирантуру в Тбилиси, он блестяще защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации именно на материалах грузинского и картвельского языков. Г. Климов ведет сегодня весьма плодотворную работу в общем и частном языкознании. Его монография «Очерк общей теории эргативности» — прекрасный результат, достигнутый автором благодаря плодотворным исследованиям в общем языкознании. Проблематика общего языка в этой работе, вышедшей недавно в Москве отдельной книгой, освещена приспособлением синхронного и диахронного анализа конкретных языков. Автор не противопоставляет друг другу синхронность и диахронность, а представляет их во взаимодействии, так как понимает, что теория языка должна обобщить результаты, полученные в сфере изучения конкретных языков. Она должна отображать практику языковедческого исследования.

Вот уже целый век проблема эргативной конструкции, оставаясь объектом исследования, волнует ученых. По этому вопросу создана богатейшая литература. С годами все более и более увеличивается число языков, для которых характерна эта синтаксическая конструкция, узловые вопросы склонения и спряжения, сложное взаимонаправление имени и глагола. Решение проблемы эргативной конструкции подразумевает исследование структуры языка и предполагает историческую взаимосвязь глагольных и именных основ. По словам Г. Климова, невозможно решение вопросов, связанных с эргативной проблематикой, без уяснения трех основных моментов: эргативной конструкции предложения, эргативной структуры (типологии) и эргативного строя.

Как известно, пишет Г. Климов, эргативный строй предложения подтверждается в различных языках генетической собственности. Типологические параметры этих языков различны: среди них имеются, например, аффиксные, безаффиксные языки, изолированные и агглютинативные языки, флективные и языки других видов. На современной мировой лингвистической карте сфера распространения эргативности очень велика, обширна. В эту сферу входят не только так называемые кавказские и баскские языки, которые давно стали «классическими» языками для разработки теории эргативности. Сюда также входит и целый ряд древних языков Ближнего Востока, современный иранский, индийский. Эргативностью характеризуются многочисленные другие языки (Новой Гвинеи, сотни языков островов Новой Гвинеи и Меланезии, сравнительно мало изученные), австралийские языки (множество мелких языков, также сравнительно мало изученных), множество полинезийских языков и языки Северной и Центральной Америки.

В рассматриваемой книге автор ставит перед собой весьма благородную цель — развить целый ряд идей, связанных с эргативностью, а также дать полную систематизацию результатов изучения проблематики, достигнутых различными направлениями языкознания в современный период.

Состоит монография Г. Климова из пяти глав. Во-первых, автор касается изучения истории эргативности. Как известно, эргативная конструкция — синтаксическая. В ней участвуют: переходный глагол, реальный субъект, поставленный в повествовательном падеже, и реальный объект в именительном падеже. Например: художник нарисовал картину. Г. Климов критически рассматривает различные теории, выдвинутые в связи с эргативной конструкцией.

А. Чикобава в своих многочисленных монографиях и исследованиях придерживается соображения, что эргативную конструкцию нельзя считать пассивной. Но эргативную конструкцию нельзя считать и активной конструкцией. С точки зрения специфических залогов

глагола это — индифферентная (нейтральная) конструкция.

Существует множество теорий относительно эргативной конструкции: теория пассивности (П. Услар, Г. Шухардт, Н. Марр), теория активности (С. Быковская, Н. Яковлев), стадийная теория (И. Мещанинов), мифологическая теория (Х. Уленбек). Чикобава отверг все эти теории и предложил совершенно другое соображение: эргативная конструкция — специфическая, по отношению к залогу глагола — индифферентная (нейтральная) конструкция.

Как известно, повествовательный падеж впервые выделен в грамматике Антона Первого. Термин также ему принадлежит (представляет перевод с армянского). Но термин эргатив падеж впервые применил А. Дир (1928). Термином подчеркивается функция вопроса, поставленного в этом падеже. Это действующее, активное имя.

Г. Климов критически рассматривает те труды, которые касаются поставленной проблемы. Особо останавливается он на трудах известного картвелолога — французского профессора Рене Лафона. О его заинтересованности этими проблемами свидетельствует последняя статья ученого — «Эргативная конструкция глагола в баскском», которая недавно была напечатана в 18-м томе ИКЯ на французском языке (приложено резюме на грузинском языке).

В последующей части рецензируемого труда Г. Климов дает определение основных понятий эргативной теории. Самым значительным достижением в общей теории эргативности, по словам исследователя, является признание того, что эргативную конструкцию предложения можно реализовать морфологически в существенно различном порядке. Это соображение впервые выдвинул Мещанинов. Там же Г. Климов уделяет большое место показу данных картвельских языков. С интересом читаются разделы, посвященные эргативности в синхронности, эргативности в диахронности. Здесь же проанализированы основные лексические, синтаксические и морфологические данные эргативного строя. С нашей точки зрения, самым интересным в труде является его последняя глава — о генезисе эргативного строя, где сформулирована гипотеза эргативности как активного строя языка.

Климов отмечает широкое распространение в прошлом мнения, согласно которому эргативные и номинальные

конструкции предложения представляли два последовательных этапа эволюции предложения, что само собой являлось отображением различных ступеней мышления.

Это положение не доказано и по сегодняшний день. Ему сопротивляется эмпирическая языковая действительность. Можно перечислить названия множества языков примитивных народов, характеризующихся эргативной конструкцией, хотя и существуют не в таком уж малом количестве неразвитые люди, язык которых не знаком с данной конструкцией.

Иногда встречается и обратное явление. По справедливому заключению Климова, эргативная конструкция предложения не зависит от развития мысли.

Надо думать, что, с точки зрения эргативной конструкции, среди языков, обладающих этой конструкцией, приоритет принадлежит все-таки грузинскому, так как это единственный язык среди других языков с эргативной конструкцией, за развитием истории которого можно проследить на протяжении пятнадцати веков (А. Чикобава).

Все иберийско-кавказские языки имеют специфический падеж переходного глагола — повествовательный (эргатив) падеж. Как известно, ни один из иберийско-кавказских языков не имеет акузатива, единственное исключение представлял удийский язык.

В лице Г. Климова картвелология имеет прекрасного исследователя-лингвиста, знатока природы и свойств строения картвельского, индоевропейского и ряда других языков; во многих языках мира он ищет кардинальные вопросы, основательно изучает языковые факты и явления, приводит неопровержимые и вполне убедительные положения.

В языкознании любая гипотеза имеет право на существование, если ее подтверждают языковые факты.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что Г. Климов поставил проблему эргативной конструкции на новую почву не только для иберийско-кавказских языков, но и по более широкому предвидению ареала.

Труд выдающегося картвелолога профессора Г. Климова «Очерк общей теории эргативности» — большой вклад в теорию языка.

Р. ШАМЕЛАШВИЛИ,
профессор, доктор филологических наук.

Сдано в набор 11 июня 1976 года. Подписано к печати 9 августа 1976 года
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 80×108¹/₁₆.

26-1976.

76-5 88/1

ბიბლიოთეკის
სიგნიფიკაცია

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა.